

Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи
Министерство культуры Российской Федерации
Министерство обороны Российской Федерации
Международный культурный центр
«Клуб друзей Военно-исторического музея»

**Военное прошлое государства
Российского:
утраченное и сохраненное**

**Материалы Всероссийской научно-практической
конференции, посвященной 250-летию
Достопамятного зала**

13–17 сентября 2006 года

**Секция
«Коллекции и собрания военно-исторических музеев России»**

Санкт-Петербург
2006

На обложке:
генерал-фельдцейхмейстер П.И. Шувалов.
Гравюра 1750-х годов

Печатается по решению Редакционно-издательского совета ВИМАИВиВС

Председатель Редакционно-издательского совета –
доктор исторических наук, член-корреспондент РАН В.М. Крылов

Ответственный редактор – кандидат исторических наук С.В. Ефимов

Организационный комитет конференции «Военное прошлое государства Российского: утраченное и сохраненное»:
Крылов В.М. (председатель), Глазунова Л.В., Ефимов С.В., Кобякова В.И., Литвиненко Д.В., Маковская Л.К.,
Рымша С.С., Успенская С.В., Утянский Ю.В.

Достопамятный зал — предшественник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вехи истории

В 2006 г. исполнилось 250 лет со дня создания Достопамятного зала (1756). Он был создан генерал-фельдцейхмейстером графом Петром Ивановичем Шуваловым по именному указу императрицы Елизаветы Петровны. Достопамятный зал стал единственным в России древлехранилищем военных памятников и трофеев, продолжив тем самым традиции Цейхгауза, созданного Петром I в 1703 г.

28 июня 1756 г. Канцелярия главной артиллерии и фортификации (центральный орган артиллерийского ведомства) получила императорский указ о централизации всех «Инвентаторских (опытных. – В.К.), курьезных и достопамятных вещей в одном месте – в Санкт-Петербургском арсенале». Подпоручику артиллерии И. Меллеру предписывалось освободить одну из палат Литейного дома и разместить там все имеющиеся в Санкт-Петербурге подобные предметы, а также и вновь поступающие. Ему же вменялось в обязанность составить подробное описание их. Поскольку в Литейном доме не нашлось помещения, способного вместить все реликвии, их разместили в здании одного из складов на Новом пушечном дворе.

Указ о сборе достопамятных и курьезных вещей был послан во все города и веси России. Получившие его местные власти должны были срочно отобрать таковые, составить описание, сделать чертежи и выслать их его сиятельству генерал-фельдцейхмейстеру Петру Ивановичу Шувалову. А в ноябре по приказанию Шувалова для осмотра отобранных в монастырях, которые были неплохо вооружены и имели собственные арсеналы, «лат, кольчуг, ружья, знамен и других тому подобных орудий» был направлен подпоручик лейб-гвардии Семеновского полка Иван Кропотов.

Принято считать, что именно П.И. Шувалов был инициатором организации единственного древлехранилища артиллерийских памятников. Этому, безусловно, есть веские основания. Став генерал-фельдцейхмейстером в мае 1756 г., Шувалов сразу же приступил к реорганизации артиллерии. Еще раньше в Санкт-Петербургском арсенале проводились экспериментальные работы по созданию новых образцов орудий. В создании одного из них – «секретной гаубицы» 1753 г. – он принял непосредственное участие. Гаубицы так и назывались: «системы Шувалова».

В 1757 г. на вооружение русской армии был принят новый тип орудия – единого (удлиненная гаубица), из которого можно было стрелять всеми видами боеприпасов. Единогоги просуществовали на вооружении без существенных конструктивных изменений более ста лет. Они тоже получили наименование «шуваловских» и настолько прочно вошли в историю под этим названием, что истинные авторы конструкции, подполковник М.Т. Мартынов и капитан М.В. Данилов, были напрочь забыты до последнего времени.

Первые образцы секретных гаубиц и единогогов почти сразу же поступили в хранилище достопамятностей как новоинвентованные орудия.

Умный, властный и энергичный государственный деятель П.И. Шувалов значительно поднял роль артиллерии как рода войск в системе Вооруженных сил России. Победами, одержанными в Семилетней войне (1756–1763), русская армия во многом обязана безукоризненным действиям артиллерии. В честь взятия Берлина (1760) русскими войсками по инициативе Шувалова была создана специальная литавренная колесница для вывоза артиллерийского знамени. Прекрасный образец декоративно-прикладного искусства середины XVIII в. находится в фондах музея и проходит в настоящий момент комплексную реставрацию.

В 1757 г. в новое хранилище стали поступать достопамятные орудия. Так, из далекого Оренбургского гарнизона была прислана бронзовая пушка, отлитая русским мастером Яковом в 1491 г. До настоящего времени она является старейшим и единственным образцом пушечно-литейного производства Московского государства конца XV в. Несколько позже в хранилище был передан еще один редкий ценный памятник – гаубица, или, как называли их в старину, «гафуница» мастера Игнатия, 1542 г. Орудие отличает оригинальность конструкции и богатство декора. Ствол гаубицы украшает сложный литой орнамент в виде пышных растительных узоров.

На какое-то время поступление памятников приостановилось из-за продолжавшейся Семилетней войны. В 1760 г. был отправлен к театру боевых действий и первый заведующий достопамятным собранием подпоручик Иван Меллер. Он передал собранные им инвентарные и курьезные орудия – их насчитывалось к этому времени более сорока – цейхвартнеру Санкт-Петербургского арсенала. Хранилище, которое до сих пор было самостоятельным и подчинялось непосредственно Канцелярии главной артиллерии и фортификации, становится одним из арсенальных подразделений.

Л. Острова. Генерал-фельдцейхмейстер граф П.И. Шувалов. 1947 г.

**Первый заведующий
Достопамятным залом И.И. Меллер**

И тем не менее к августу 1765 г. на Новом пушечном дворе хранились уже 63 артиллерийские системы. В этом же месяце по указу Екатерины II в Петербург из Сестрорецкого монетного двора было возвращено еще 249 бронзовых орудий. По окончании Семилетней войны Санкт-Петербургский арсенал принял прусское оружие, знамена, орудия и другое трофейное имущество. Со второй половины 1770-х гг. в достопамятное собрание стали поступать целые коллекции, ранее хранившиеся в других местах. Из Петропавловского собора было передано значительное количество знамен, отечественных и трофейных, парадного холодного оружия, предметов обмундирования, ручного огнестрельного оружия, из Ораниенбаумского дворца, помимо аналогичных предметов, принято много вещей голштинских войск императора Петра III – охотничьи ружья, кирасы, знамена.

Правление Екатерины II отмечено в истории России победоносными войнами с Турцией, Швецией, разделами Польши. Памятники этих событий тоже значительно умножили коллекцию достопамятностей. Наряду с западноевропейским оружием в нее вошли ружья, пистолеты, сабли, ятаганы, бунчуки и булавы, украшенные с поистине восточной роскошью. К концу XVIII в. собрание из сугубо артиллерийского превращается в хранилище воинских вещей. Однако в него продолжают поступать уникальные образцы артиллерийских орудий. Среди них опытная скорострельная пушка XVIII в., имеющая один ствол с девятью зарядными камерами, размещенными на барабане.

Вращая ручку, можно было последовательно производить стрельбу, не прерываясь на зарядание, девять раз подряд. Насколько конструкция этого орудия опередила свое время, можно представить себе, если учесть, что стволы боевых артиллерийских орудий до второй половины XIX в. были с гладким каналом и наглухо закрытой казенной (задней) частью. Заряжались они с дульной части. Процедура эта была непростой и довольно длительной.

В 1786 г. из Троице-Сергиевой лавры поступила коллекция парадных пищалей 1661 г. Орудия отличались не только необычной конструкцией: они имели нарезные стволы, заряжающиеся с казенной части, которая перед выстрелом закрывалась либо клином, либо винтом, – но и были прекрасно оформлены. Стволы украшены чеканным орнаментом и инкрустированы сусальным золотом и серебром. Орудия предназначались для встреч иностранных послов и различных торжеств при царском дворе. На иностранцев, посетивших Московское государство в XVII в., парадные пищали производили огромное впечатление. Многие оставили их описание, а Эрик Пальмквист, член шведского посольства в Москве (1671–1673), сделал даже зарисовки их везеда.

В последнем году уходящего XVIII столетия коллекция достопамятностей пополнилась еще одним замечательным памятником – пушкой Петра I. Орудие было изготовлено тульскими оружейниками в 1709 г. в честь Полтавской победы. П.П. Свиньин – русский писатель, художник, историк, писал об этой пушке: «В число любопытных... должно включить также железную пушку с прекрасною серебряною насечкою и вызолоченными дельфинами, сделанную на манер дамаский... Петр Великий весьма дорожил ею и держал у себя в кабинете под ключом».

К концу XVII в. коллекция, насчитывающая более шести тысяч предметов, из Нового пушечного двора переехала в великолепное здание арсенала, построенного на средства генерал-фельдцейхмейстера Григория Григорьевича Орлова. Здание находилось на Литейном проспекте, рядом с Литейным домом, между Захарьевской и Шпалерной улицами. Его монументальность, пышность и изысканность архитектурного декора, в основе которого была военная атрибутика, свидетельствовали о славе и военных победах России. Перед арсеналом на каменных платформах лежали пирамиды бомб и ядер, по углам были поставлены древние пушки. В этом здании, на втором этаже, по словам очевидца, «в самой великолепной части» и разместилось собрание достопамятностей, получившее название Достопамятного зала.

Уже в одном из первых путеводителей по Санкт-Петербургу, 1794 г., довольно подробно описывается многообразие его коллекций. «Он содержит в себе... множество завоеванных шведских, польских, прусских и турецких знамен, штандартов, бунчуков, булав и других трофеев, также орудие древних и чужестранных народов, разные военные редкости»... Автор путеводителя И.Г. Георги останавливается также на коллекции «военных изобретений». Они поражают его совершенно необычной конструкцией. «Здесь есть пушки на многих лафетах, подвижные батареи с пушками и мортирами, пушки с подвижными казенными частями... и многое тому подобное, столь же замысловатое». Георги отмечает и большую коллекцию изобретений А.К. Нартова. Это была первая публикация о Достопамятном зале.

Начало XIX столетия принесло музею дальнейшее расширение коллекций и новый статус. 29 мая 1808 г. в газете «Санкт-Петербургские ведомости» было напечатано объявление, что с 1 июня открывается свободный вход в арсенал для всех желающих осмотреть достопамятности. Прием посетителей осуществлялся ежедневно с 14 до 18 часов.

Царствование Александра I характерно не только чередой непрерывных войн с Персией, Турцией, Швецией и особенно тяжелой войной с Францией, но и всплеском национального сознания в обществе. После разгрома армий Наполеона наступила удивительная эпоха в истории России, которую часто именуют «пушкинской». Спасение отечества всколыхнуло интерес к истории, к памятникам старины, таящим в себе страницы прошлого, доблесть и славу российского воинства.

В 1816–1817 гг. выходит в свет книга П.П. Свиньиной «Достопримечательности Санкт-Петербурга и его окрестностей», где дается описание обогащенного реликвиями и трофеями прошедших войн Достопамятного зала.

Свое повествование Свиный начинает с представления здания Нового арсенала, названного так в отличие от Орловского, получившего наименование «Старый». Новый арсенал был построен по проекту архитектора Ф.И. Демерцова в 1808 г. и находился на Литейном проспекте, напротив старого. Крупный масштаб сооружения, лаконизм форм, величавость облика придавали зданию триумфальный характер. Впереди на специальной гранитной террасе были установлены 16 крупных орудий. Новый арсенал считается одной из лучших построек Петербурга первого десятилетия XIX в.

В 1826 г. из Императорской дворцовой конторы «по повелению государя императора» в арсенал были переданы оружие, ордена и гардероб Александра I, несколько позже гардеробы Петра I и Петра III, императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, прусского короля Фридриха II. В письменном распоряжении генерал-фельдцеймейстера Великого князя Михаила Павловича было сказано, что все эти предметы помещены в арсенал «для вечного хранения».

Кроме императорских вещей, в первой трети XIX в. Достопамятный зал пополнился новыми образцами артиллерийских орудий, среди которых было много опытных. Из них, пожалуй, наиболее интересны легкая пушка конструкции генерала Дибича 1799 г., железная полковая пушка мастера Якова Зотина 1812 г. и оригинальная паровая пушка конструкции полковника Карелина.

В коллекцию стали поступать и орудия новой системы. В 1807 г. майор Бренилинг привез в Санкт-Петербургский арсенал полевую пушку, применявшуюся при сражении с французами при Прейсиш-Эйлау (1807). Орудие в очередной раз было заряжено, когда в него попал неприятельский снаряд, образовав большую вмятину на стволе. Внутреннее очертание канала ствола изменилось, что не позволяло ни произвести выстрел, ни разрядить орудие. Бренилинг доставил орудие в арсенал для замены на новое, исправное. В артиллерии русской армии с отменой знамен символом воинской части служили орудия. Потеря их в бою приравнивалась к потере знамени в пехоте и кавалерии. В арсенале не стали распиливать пушку для того, чтобы отдать в переливку, и передали ее в Достопамятный зал как реликвию войны.

С 1800 по 1840 г. в Достопамятный зал регулярно поступают знамена и штандарты различных полков русской армии. Их передают сами полки, Комиссариатское ведомство, военный министр. В составе коллекции были батальонные и полковые знамена, под которыми русские полки сражались с неприятелем при Прейсиш-Эйлау и Фридрихсденде, насмерть стояли под Смоленском и Бородино, побеждали при Тарутине, Малоярославце и Березине.

Интерес к хранилищу достопамятностей настолько возрос, что в 1827 г. артиллерийское ведомство приняло решение составить иллюстрированное историко-хронологическое описание предметов Достопамятного зала и издать его на русском и французском языках для продажи посетителям. Составление «описания» было поручено полковнику Эрдману. В декабре 1838 г. «Краткое историко-хронологическое описание достопамятных вещей, хранящихся в Санкт-Петербургском арсенале», – первый научный каталог музея – было завершено.

В 1862 г. заведующий хранилищем И.Д. Талызин создает второе иллюстрированное описание собрания. Оно носило название «Описание артиллерийского зала» и включало 10 113 предметов.

В процессе реформ государственного аппарата в 1864 г. здание Санкт-Петербургского арсенала было решено передать в ведение министерства юстиции и разместить в нем окружной суд. Судьбу собрания исторических ценностей предоставлено было решать специально созданной комиссии, состоявшей из людей случайных и равнодушных к отечественной военной истории. Решение комиссии поставило Достопамятный зал на грань гибели. Предполагалось распределить музейные предметы по 17 учреждениям (вплоть до придворных конюшен и буфторской части императорских театров), а многие экспонаты распродать или уничтожить. С 1865 по 1868 г. несколько тысяч исторических памятников пролежали в не приспособленных ни для хранения, ни для осмотра помещениях.

О варварском обращении с реликвиями российской воинской славы и ценнейшими историческими памятниками стало известно императору Александру II, и только его энергичное вмешательство спасло коллекцию Достопамятного зала от окончательной утраты.

По-настоящему музейная жизнь собрания началась с 1868 г., когда часть здания арсенала Петропавловской крепости – Кронверка – в нижнем и антресольном этажах восточного крыла была отведена для размещения военно-исторических коллекций. Для тяжелых орудий выделили часть внутреннего двора. Собрание сначала именовалось «Зал достопамятных предметов Главного артиллерийского управления», затем – Артиллерийским музеем (АМ), а с 1903 г. – Артиллерийским историческим музеем (АИМ).

Достопамятный зал стал важным этапом в становлении и развитии крупнейшего военно-исторического музея России и одного из самых известных в мире. С 1756 г. активно пополнялись музейные коллекции, осуществлялась целенаправленная работа по выявлению памятников ратной славы России, военных реликвий и трофеев, велась их систематизация, были составлены первые каталоги и описания. Достопамятный зал, в отличие от своего предшественника – петровского Цейхгауза, стал доступным для посетителей различных сословий. Заведующие залом и его хранители не только сохранили, но и преумножили «достопамятное» собрание, большая часть которого стала неотъемлемой частью экспозиций и фондов Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. В стенах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи многие экспонаты Достопамятного зала получили вторую жизнь, были спасены от губительного воздействия времени и среды, отреставрированы и введены в научный оборот. И сейчас посетители музея могут увидеть эти сохраненные памятники военной истории России и доблести наших предков.

Эпизоды военно-инженерной истории XIX–XX веков в художественной летописи ВИМАИВиВС

Русское военно-инженерное искусство нашло свое отражение в произведениях мастеров изобразительного искусства – баталистов XIX–XX вв., являвшихся или непосредственными очевидцами и участниками событий (такими художниками, к примеру, были П.О. Ковалевский, Б.П. Виллевальде, Н.Н. Каразин), или же с достоверностью и документальной точностью старавшихся воспроизвести произошедшие события (такими были Н.Д. Дмитриев-Оренбургский, А.Е. Коцебу, А.Д. Кившенко).

Данная статья написана на основе изучения, описания, работы с каталогами живописи в основном из фондов инженерного отдела ВИМАИВиВС, и упоминаемые в статье произведения живописи содержатся либо в инженерно-документальном фонде музея, или экспонируются в залах отдела истории инженерных войск. (Пополнение коллекции художественными произведениями батальной, исторической и портретной живописи произошло в 1963 г., когда в Артиллерийский исторический музей вошел на правах двух отделов – отдела истории инженерных войск и отдела инженерных фондов – Центральный исторический военно-инженерный музей (существовавший как центральный с 1946 г.).)

В художественных коллекциях нашего Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) находятся живописные свидетельства военных событий – баталей эпохи Ивана Грозного, Петра I, парадов и смотров, героических деяний солдат и офицеров, пехотинцев и инженеров, а также штурмов и атак вражеских крепостей и организации обороны российских городов и границ государства российского.

В 1931 г. из музейного фонда (б. Зимнего дворца) и Государственного Эрмитажа созданному 22 марта 1920 г. Военно-инженерному историческому музею (при Военно-инженерном техникуме, существовавшем с 1918 г.) передается более 40 батальных картин по истории осад русскими войсками крепостей Пруссии, Швеции, Турции, а также картин крепостных сооружений России.

Особую ценность в коллекции представляют произведения выдающихся художников-баталистов А.И. Зауервейда (1783–1844), А.Е. Коцебу (1815–1889), Б.П. Виллевальде (1818–1903), Н.Д. Дмитриева-Оренбургского (1838–1898), Н.Н. Каразина (1842–1908), А.Д. Кившенко (1851–1895) и других известных мастеров кисти XVIII–XIX вв.

Многочисленные произведения живописи из художественных коллекций ВИМАИВиВС можно разделить на:

- 1) изображения выдающихся военных инженеров, ученых и полководцев, выпускников Николаевского Инженерного училища и академии. Парадный исторический портрет;
- 2) жанровые военные сцены, изображения сражений и атак, боев и штурмов крепостей, городов, построение укреплений;
- 3) рисунки, литографии, наброски о жизни и подвигах солдат и офицеров, в т.ч. инженерных войск.

Наиболее близко к жанру батальной живописи, несомненно, стоят героический и парадный портреты – изображения выдающихся личностей, талантливых полководцев и ученых, генералов и военных инженеров.

В экспозиционных залах нашего музея можно увидеть портреты знаменитых, выдающихся деятелей военно-инженерного искусства, таких, например, как К.И. Опперман (копия с портрета худ. Д. Доу) – граф, инженер-генерал, герой Отечественной войны 1812 г. Он был членом Государственного Совета, директором Инженерного и Строительного департаментов, заведующим инженерным и артиллерийским училищами. Являлся почетным членом Академии наук. С 1809 г. был инспектором Инженерного корпуса, принимал активное участие в укреплении западной границы Российской империи, а после войны 1812 г. в Петербурге занялся устройством Инженерного департамента и формированием саперных войск. Опперман приложил много усилий к созданию Главного Инженерного училища (в 1819 г.), был также председателем комиссии по постройке Исаакиевского собора.

Еще один портрет – К.А. Шильдера (худ. О.В. Оболянинова, копия с работы неизвестного художника).

Карл (Александр) Андреевич Шильдер – инженер-генерал, изобретатель, участник войн с Наполеоном, в период Отечественной войны 1812 г. участвовал в обороне крепости Бобруйск, которая в течение четырех месяцев сдерживала натиск наполеоновских войск. Он служил в 1-м Саперном батальоне, затем был командиром лейб-гвардии Саперного батальона, с которым принимал участие в войне с Турцией в 1828–1829 гг. К.А. Шильдер проявил себя как замечательный изобретатель, занимался улучшением способов для устройства переправ (проект «моста Шильдера» – канатного висячего), усовершенствовал сапы, придумал двойную «тихую сапу» (вместо частых поворотов под прямым углом «сапа Шильдера» состояла из прямых колен, с траверсами в соединениях колен), придумал совершенно новое расположение контрминных галерей и использование гальванизма для воспламенения пороха в минах, использовал камнеметные и бомбовые фугасы для устройства неприступного полевого укрепления, получившего название «адского редута». Шильдер изобрел понтон (из 2-х холщовых цилиндров), занимался усовершенствованием непромокаемых тканей для палаток и солдатской одежды. А также устройством складных плавучих мостов (бурдючных) из холщовых складных понтонов. Создал минное сверло, изобрел фугасные ракеты, вместе с академиком Якоби разработал гальвано-ударные подводные мины.

Ко всему тому военный инженер К.А. Шильдер умел прекрасно рисовать и играть на нескольких музыкальных инструментах. Сохранилось несколько его рисунков, в частности акварель «Вид города Варны в 1828 г.».

Особенно большой ценностью в серии живописных батальных полотен из художественной коллекции фондов инженерного отдела обладает, несомненно, огромное полотно А.И. Зауервейда «Инженерная атака крепости Варна лейб-гвардии Саперным батальоном 23 сентября 1828 г.». Написана она была в 1836 г. и представляет собой

строго документальное изображение одного из важных моментов войны 1828 г. – взятие лейб-гвардии Саперным батальоном под командованием инженер-полковника К.А. Шильдера второго бастиона турецкой крепости Варна, приведшее к падению крепости. Этому предшествовала длительная, но безрезультатная осада Варны. Император Николай I, узнав о том, что осада не приводит к вожделенному результату, решил немедленно направиться туда. Приезд Николая I под Варну отразился весьма благотворно на осадной операции: император принял «сомнительное» в глазах многих военных – план «минной войны», предложенный К.А. Шильдером, – план «сокращенного хода» осадных работ.

Поэтому справедливы слова военного историка, профессора В. Болдырева, который сказал: «Осады, произведенные нашими войсками в турецкую войну 1828–1829 гг., достаточно показывают, до какой степени совершенства было доведено техническое образование наших саперных батальонов...».

Без обычного штурма, лишь при помощи инженерного искусства, крепость Варна после прорыва нескольких подземных ходов, в итоге неутомимой работы саперов и нескольких последовательных взрывов ее бастионов, 29 сентября была взята. Турецкий гарнизон не стал ждать общего штурма. А подвиг генерала (это звание было присвоено полковнику К. Шильдеру в ознаменование его заслуг, после победы над Варной) и его саперов лейб-гвардии Саперного батальона был увековечен, по воле императора Николая I, прекрасной картиной. «Изюминкой» этого произведения стали портреты оставшихся в живых после взятия крепости саперов лейб-гвардии Саперного батальона, позировавших художнику А.И. Зауервейду при написании им картины для одного из залов Зимнего дворца. При создании картины художник к тому же пользовался указаниями генерала К.А. Шильдера. В итоге направляемый пояснениями и уточнениями очевидца и одного из главных участников изображаемого события художник А.И. Зауервейд с поразительной верностью представил все подробности саперных работ под Варной.

С событиями периода Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. связано немалое количество живописных изображений: так, акварельный рисунок Г. Габаева «Подвиг сапера Герасима Шулепова под Варной, спасшего жизнь К.А. Шильдера» (написанный в 1902 г.) рассказывает о том, как в ночь на 19 сентября 1828 г., за несколько дней до инженерной атаки крепости Варна чуть было не погиб полковник Шильдер, в то время бывший командиром лейб-гвардии Саперного батальона.

Он был сильно утомлен бессменным руководством работами в течение последних 3-х суток и, не желая покидать сапу, прилег отдохнуть около тура. Этот тур оказался первым, выломанным турками при их внезапной атаке, и уже один турок взмахнул саблей над головой полковника, но тут же был заколот охранявшим сон любимого командира сапером Герасимом Шулеповым, ординарцем полковника. (На эту же тему есть рисунок худ. Смуровича.)

Мы располагаем несколькими изображениями этого выдающегося военного инженера – Шильдера – так, помимо вышеназванного портрета и рисунка, в экспозиции имеется миниатюра, написанная маслом: «Генерал-майор Шильдер К.А. в форме лейб-гвардии Саперного батальона» (худ. Приходько).

Художником Приходько была выполнена целая серия небольших портретов Георгиевских кавалеров лейб-гвардии Саперного батальона для музея этого батальона, в том числе – портреты-миниатюры Михаила фон Кауфмана, командира Кавказского 1-го саперного батальона; В.Д. Скалона, полковника С.К. Новоселова, подполковника Туркестанской саперной роты Д.М. Резвого в мундире лейб-гвардии Саперного батальона, генерал-майора К.К. Засса и генерала К.И. Оппермана – первого Георгиевского кавалера лейб-гвардии Саперного батальона, полковника В.П. Мельничко, полковника П.Е. Баранова, инженер-поручика С.А. Тидебеля и др.

Неоднократно был запечатлен в портретах инженер-фортификатор И.И. Ден – в инженерном отделе нашего музея имеются портреты художников Приходько и Фомина – «инженер-генерал И.И. Ден, шеф 2-й саперной роты лейб-гвардии Саперного батальона», а также – портрет художника Н. Шильдера «И.И. Ден» (в экспозиции). Иван Иванович Ден – военный инженер, инженер-генерал был строителем крепостей в Привислинском крае, участником войн с Наполеоном, являлся командиром 1-го Саперного батальона, затем – 1-й саперной бригады (в 1829 г.), руководил строительством крепостей в Царстве Польском – Новогеоргиевске, Ивангороде, Александровской цитадели в Варшаве и Брест-Литовске, – причем все эти крепости Ден строил быстро и экономично.

И.И. Ден являлся инспектором Инженерной части, членом Государственного Совета, с середины 50-х гг. XIX в. исполнял обязанности Кронштадтского военного губернатора.

Конечно, не обойден вниманием художников и такой выдающийся военный инженер, любимец К.А. Шильдера, бывший его адъютантом («мой дорогой сапер, минер и инженер», по словам К.А. Шильдера), как Эдуард Иванович Тотлебен.

В нашем музее имеется несколько его портретов: неизвестного художника «Портрет генерал-адъютанта Тотлебена»; неизвестного художника «Портрет Тотлебена (периода обороны Севастополя) в форме лейб-гвардии Саперного батальона» и миниатюра (маслом) «Портрет инженер-генерала графа Э.И. Тотлебена».

Эдуард (другое имя – Франц) Иванович Тотлебен известен как специалист инженерного дела, ближайший сподвижник, соратник замечательного военного инженера К.А. Шильдера. Будучи еще поручиком, при встрече с К.А. Шильдером своими знаниями по военно-инженерному делу, усердием и любовью к инженерной специальности обратил на себя его внимание и заслужил безусловное доверие и дружбу. Тотлебен занимался контрминной системой Шильдера по его поручению, использованием минного бурава, неоднократно принимал участие в проведении практических саперных работ под Петербургом (в Красном Селе), в Киеве. Участник Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг., причем его роль в организации обороны Севастополя была достаточно велика, что отмечали в различных трудах как военные историки, так и публицисты, писатели, журналисты, историки (Н.А. Шильдер, Е.В. Тарле, В.Ф. Шперк и др.).

Интересным, с нашей точки зрения, является такой факт, отмеченный англичанином Т.С. Кинглеком, автором истории вторжения в Крым союзников, связанный с именем Тотлебена: «С английских батарей ежедневно наблюдали офицера Русской армии, который на вороном коне постоянно показывался на оборонительной линии... не раз англичане наводили на него огонь своих орудий, но провидение хранило своего избранника, который нередко снимал шапку, приветствуя врагов после ряда неудачных выстрелов».

Только впоследствии противники узнали, что этот неутомимый всадник, по выражению Кинглека, «великий волонтер, оборонявший своим умом Севастополь», – Э.И. Тотлебен.

Изображение Тотлебена встречаем и на картине неизвестного художника «Кутузов экзаменует Тотлебена», а также на полотне художника Г. Шукаева «Бой на Малаховом кургане».

Еще одно имя – военного инженера, ученого, исследователя, инженер-генерала К.П. фон Кауфмана пополнило портретную галерею музея, находящуюся в инженерных фондах – это портреты кисти художников Н.Г. Шильдера и Приходько, а также огромное художественное полотно художника-баталиста Н.Н. Каразина «Переправа туркестанского отряда через Аму-Дарью 18 мая 1873 г.»: в центре картины на коне с биноклем у глаз изображен генерал К.П. Кауфман, член Русского Географического общества. Служил в инженерных войсках Западного, Кавказского округов, участвовал в Крымской войне, штурме Карса, командуя саперным батальоном. Был Виленским, Гродненским, Минским губернатором. С 1867 г. был назначен командующим Туркестанским военным округом, затем, после присоединения Хивинского ханства, стал генерал-губернатором Туркестана. Им были совершены научные экспедиции с целью изучения края, для распространения образования было открыто 60 школ, 2 мужских и 2 женских гимназии, Публичная библиотека в Ташкенте. К.П. Кауфман был награжден орденом Георгия 2-й степени, имел звание почетного члена Русского Географического общества.

В экспозиции инженерного отдела помещен бюст героя Русско-японской войны 1904–1905 гг., военного инженера, генерал-лейтенанта В.И. Кондратенко (скульптор Н. Шлейфер), а художником М.В. Чернышевым написан «Портрет В.И. Кондратенко, героя обороны Порт-Артура».

Заслуги этого человека перед Отечеством весьма значительны: Роман Исидорович Кондратенко после окончания Николаевского инженерного училища проходил службу в 1-м Кавказском саперном батальоне, затем окончил Инженерную академию, был военным инженером в Инженерной дистанции, служил в Санкт-Петербурге в Главном Инженерном управлении. После окончания Николаевской Академии Генштаба был отправлен на Дальний Восток. Войну с Японией встретил в Порт-Артуре, будучи командиром 7-й Восточно-Сибирской дивизии. На Р.И. Кондратенко было возложено общее руководство всеми инженерными работами в крепости Порт-Артур. Он создал план по перестройке старых и закладке новых укреплений, его по праву называли «душою обороны крепости», а также «Тотлебеном Порт-Артура». Р.И. Кондратенко проявил «неутомимую энергию по приведению Порт-Артура в оборонительное состояние... явился примером самоотвержения, неустанной энергии, истинных знаний, искусства и высокой воинской доблести»... (Из приказа по военному ведомству 1906 г.) Роль Р.И. Кондратенко в подготовке крепости в военно-инженерном отношении была огромной, и если Порт-Артур мог сопротивляться превосходящим силам японцев целых 8 месяцев, то причина этого в значительной степени заключается в своевременном и быстром исправлении недостатков крепости и ее укреплений. По идее Р.И. Кондратенко, была устроена передовая линия обороны (из укреплений, траншей и батарей), – редуты, сеть траншей и батарей за 1,5–2 км от главной линии, сделаны прочные блиндажи для укрытия гарнизона во время бомбардировок, впервые применены минометы и ручные гранаты (для чего была организована особая команда для изготовления гранат по несколько тысяч в день)...

Особая заслуга Кондратенко – в широком применении фугасных мин различной конфигурации и назначения. Погиб Р.И. Кондратенко в одном из фортвов крепости Порт-Артур в декабре 1904 г.

Для увековечения памяти погибших защитников Порт-Артура и «в назидание юношеству – воспитанникам Николаевского Инженерного училища», по специальному высочайшему разрешению была открыта подписка между военными инженерами, офицерами инженерных войск для составления премиального фонда «Имени воспитанника Николаевского Инженерного училища и Николаевской Инженерной академии генерал-лейтенанта Кондратенко и военных инженеров, офицеров инженерных войск, защитников Порт-Артура» (проценты с капитала шли на ежегодную выдачу «Премии имени Кондратенко»).

Мной уже ранее отмечалось, что музей располагает довольно значительной художественной коллекцией, в которой собраны произведения художников-баталистов XIX в., исторических живописцев, художников студии им. Грекова. Среди имен художников встречаем такие, как: А.Д. Кившенко, Н.Д. Дмитриев-Оренбургский, А.Е. Коцебу, А.И. Ладюрнер, Г. Шукаев, Я. Суходольский, М. Залеский, А. Шарлемань, Г.К. Савицкий, М.И. Самсонов, П.А. Кривоногов и др.

Большая часть произведений живописи была написана по заказу либо полковых музеев (в частности, для музея лейб-гвардии Саперного батальона), либо для Военной галереи Зимнего дворца, или по заказу Музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (сер. XIX–XX вв.). Эти художественные произведения содержат: изображения различных крепостных сооружений (серия картин польского художника М. Залеского о крепостях Привислинского края), полевых укреплений и заграждений (копия худ. А. Швабе с картины П. Гесса «Сражение при Бородино 26 августа 1812 года – восьмая атака на Багратионовы флеши», худ. А.И. Гебенс «Саперы 1-й роты лейб-гвардии Саперного батальона укладывают фашины» и «Саперы 1-й гвардейской саперной роты на работе», «Великий князь Николай Николаевич – Старший осматривает работы гвардии сапер в устье реки Невы. 1858 г.»), эпизоды военной жизни и учений инженерных войск (картина худ. А.И. Ладюрнера «Генерал Витовтов на учении лейб-гвардии Саперного батальона. Нач. 50-х гг. XIX вв.», неизв. худ. «Петр Алексеевич с потешными на маневрах. 1694 г.»).

Ценным приобретением художественной коллекции бывшего Центрального исторического военно-инженерного музея стали произведения замечательного варшавского художника Мартина Залеского (родился в г. Крако-

ве в 1796 г., умер в 1877 г. в Варшаве). В нашем музее находится 16 его работ – это, главным образом, изображения крепостей Привислинского края и Королевства Польского, входившего в состав Российской империи. Весьма интересна история создания художником этих произведений. Она, вкратце, такова.

На одной из выставок в Варшаве в 1838 г. М. Залеский представил 19 своих картин, за одну из которых он получил золотую медаль 1-го класса, а другая его картина, также получившая награду, под названием «Вид крепости Новогеоргиевска (Модлин)», – обратила на себя внимание наместника Королевства Польского графа И.Ф. Паскевича.

И.Ф. Паскевич с 1831 г. пребывал в Варшаве, а с 1832 г. он стал наместником Королевства польского. В 1839 г. граф И.Ф. Паскевич от военного министерства поручил художнику М. Залескому зарисовать внешний вид ряда крепостей в Польше. В 1839–1848 гг. художник совершил несколько поездок для выполнения заказа (по городам-крепостям Привислинского края и крепостным сооружениям Российской империи). Итогом этих поездок Мартина Залеского стали виды Модлина (Новогеоргиевска), Деблина, Замостье (Варшавская цитадель), виды Брест-Литовска. Художник не был ни разу в Бобруйске, но вид этого города выполнил по многочисленным рисункам. Свои картины М. Залеский очень любил оживлять оттенками красного, голубого, фиолетового и интенсивного золотого цвета.

За работу для военного министерства России художник получил награду – бриллиантовый перстень и денежное вознаграждение.

Любопытна также история появления этих картин сначала в Центральном историческом военно-инженерном музее, а затем, ныне – в ВИМАИВиВС. Она вкратце такова: будучи генерал-инспектором по инженерной части в 1817–1825 гг., Великий князь Николай Павлович (с 1825 г. – император Николай I) принял одну из первых мер по повышению роли инженерного корпуса – учреждению Главного инженерного училища (24 ноября 1819 г.), где весьма часто бывал, так что для него даже было приготовлено особое кресло, на котором Николай Павлович занимался делами училища. По воцелении на престол в 1825 г. император Николай I продолжал следить за деятельностью преподавателей училища, заботился о том, чтобы в Инженерном училище были коллекции рисунков и моделей. И в апреле 1845 г. при осмотре модели крепости Новогеоргиевска кто-то из свиты императора выразил мысль о желательности поместить там же (т.е. в училище) копии с видов Новогеоргиевска, имевшихся в Царскосельском дворце. Император немедленно приказал передать в Инженерный замок, где располагались Инженерное училище и академия, все оригиналы картин, писанных масляными красками, в числе 11. Затем, в мае 1849 г. Николай I прислал в Инженерный замок две картины художника М. Залеского, изображающих крепость Замостье (Замостье), а в мае 1851 г. – 2 картины того же письма по крепости Бобруйску.

Так эти замечательные картины М. Залеского стали украшением музея.

Но наиболее яркими и захватывающими являются, без сомнения, батальные живописные полотна, на которых запечатлены эпизоды сражений, атак, штурмов, осад крепостей, боев с врагами, – эти динамичные, полные огня и экспрессии, выразительные изображения различных периодов русской военной истории, в том числе истории инженерных войск. Примеры тому: картина худ. В.Е. Памфилова «Бородино. 1812 г. (атака на Багратионовы флеши)», произведение худ. М.Н. Домашенко «Бой у Сапун-горы», батальные полотна А.Е. Коцебу «Взятие Хоттебурга» и «Осада г. Нарвы. 1700 г.», «Взятие крепости Кольберг. 6 декабря 1761 г.», картины Я.Н. Суходольского «Штурм крепости Карс 23 июня 1828 г.» и «Штурм Очакова 6 декабря 1788 г.». Последнее – это весьма яркое и красочное полотно художника Януария Суходольского (1797–1875 гг.), который живописует последние моменты перед взятием русскими войсками сильной и богатой турецкой крепости, бывшей «ключом», запирающим выход России в Черное море, в период Второй русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) в царствование Екатерины II.

Осада крепости Очаков затянулась до поздней осени (что дало повод придворным острякам назвать эту осаду «Троянским сидением»), и выпавший ранний снег, огромные повреждения верков крепости, многочисленные осадные работы (батареи, траншеи), проводимые русскими войсками, указывали на наступление того времени, когда пора было закончить осаду открытым приступом (как говорили в старину, «взять город копием»). На штурм решено идти 6 декабря, а до того непрерывным огнем с левой крайней брешь-батареи образовать в крепости обвал, что и было исполнено. На картине показан момент, когда русские прорвали участок укреплений перед крепостью и устремились через пролом в цитадель.

Еще одна работа художника Я.Н. Суходольского – картина «Штурм крепости Ахалцых 15 августа 1828 г.» – о событиях другой Русско-турецкой войны, 1828–1829 гг. На картине изображен эпизод, когда русские войска при зареве пожаров, возникших от артиллерийского обстрела, штурмуют турецкую крепость Ахалцых. Пехотинцы (на переднем плане) приступом берут палисад и бастионы (вновь изображение инженерных сооружений крепости), а на заднем плане картины слева видны крепостные стены, яростно защищаемые турками. После ожесточенного ночного боя остатки турецкого гарнизона, укрывшиеся в цитадели (на отдельной скале слева на заднем плане), сдались утром 16 августа 1828 г.

На других полотнах художниками-баталистами запечатлены эпизоды сражений или инженерной подготовки сражения, в том числе, например переправы войск через водные преграды или укрепления поля битвы: такими, в частности, картинами являются:

- «Переправа русской армии через Дунай у Зимницы 15 июня 1877 г.». Худ. Н.Д. Дмитриев-Оренбургский;
- «Взятие Гривицкого редута под Плевной 30 августа 1877 г.». Худ. Н.Д. Дмитриев-Оренбургский;
- «Бой на Малаховом кургане». Худ. Г. Шукаев;
- «Форсирование Днепра войсками Советской армии в 1943 году». Худ. А. Горпенко (диорама);
- «Понтонные мосты на Дунае во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг.». Худ. П.П. Верещагин;
- «Переправа русских войск через Дунай. 22 июня 1877 г.». Неизв. худ.;
- «Переправа туркестанского отряда через Аму-Дарью 18 мая 1873 г.». Худ. Н.Н. Каразин.

Изобразительное искусство издавна было призвано служить государственным, патриотическим задачам. Еще Петр Первый хорошо понимал агитационно-пропагандистскую силу изобразительного искусства и, прежде всего, батальной живописи и графики, поэтому он заказал опытным мастерам (Мартэну, Каравакку) большие батальные полотна и уделял особое внимание развитию и распространению батальной гравюры как самого демократического вида изобразительного искусства. Так, в экспозиции инженерного зала ВИМАИВиВС имеются литографии: «Бой у деревни Лесной» (копия с работы П. Мартэна худ. Н. Лармессена) и «Полтавская баталия» (худ. Симоно, копия с работы П. Мартэна). Баталии, написанные известными мастерами, размножались затем в большом количестве копий. Написанные живописцами баталии в свою очередь широко распространялись в гравюрной репродукции.

Ошибочно полагать, будто баталии точно воспроизводили существо и внешний облик определенного, конкретного события. Их документальность ограничивается довольно точной передачей батального реквизита – оружия, формы обмундирования, орудий и т.п., в остальном изображался идеальный облик сражения, т.е. художник показывал, что хотел видеть. И только при такой идеализации баталии могли выполнять определенные и требуемые от них в то время политические функции. Вплоть до 2-й пол. XIX в. сражение изображалось как парад.

Конструктивная ясность в построении баталий облегчает изучение как тактической схемы тогдашних сражений, так и фортификационных сооружений. В «Полтавской баталии» П. Мартэна – идеальные, другими словами, технически мыслимые в то время, фортификационные постройки, напоминающие более иллюстрации к учебнику фортификации, нежели изображения подлинного вида Полтавского боя.

Точно также в конном портрете фельдмаршала графа Б.П. Шереметева – на заднем плане – идеальная геометрическая схема, напоминающая мартэновскую баталию (небольшая копия с портрета находится в Музее артиллерии, поступила из Гатчины. Портрет сделан в 1710 г. в память взятия Риги. На заднем плане – изображение рижских крепостных сооружений).

В собрании инженерных фондов музея находится значительное количество рисунков, этюдов, литографий, набросков, на которых запечатлены инженерные войска – на учениях, в походах, эпизодах военных действий, бытовых сценах, – это все свидетельства истории становления и развития инженерных войск с момента их возникновения, поскольку военный художник, художник-баталист стремился как можно более полно воспроизвести подробности, рисующие характер изображаемых событий. Вот почему тем ценнее эти небольшие свидетельства, сделанные, как правило, участником или очевидцем, современником изображенных событий.

К таким изображениям относятся:

- рисунок (акварель) «Стрелковая цепь гвардии сапер под Горным Дубняком» (1878 г.);
- рисунок «Поручик лейб-гвардии Саперного батальона Бем рассматривает турецкие ложементы под Варной (1828–1829 гг.);
- рисунки (серия из 16-ти акварелей и 6-ти хромолитографий художника Балашова) с изображением форм обмундирования инженерных войск;
- рисунок неизвестного художника «Гвардии сапер на посту в карауле зимой. Русско-турецкая война 1877–78 гг.»;
- акварельный рисунок (с рисунка Сапожникова) «Барабанщик лейб-гвардии Саперного батальона в форме 1820 г.»;
- рисунок неизв. художника «Момент прикрепления Николаем I Георгиевского креста к знамени лейб-гвардии Саперного батальона. Варна. 30 сентября 1827 г.»;
- литография (с рисунка Верне) «Офицеры лейб-гвардии Саперного батальона за работой с нивелиром во время полевых занятий. 1830–1840 гг.».

Еще более ценными и замечательными свидетельствами военной истории инженерных войск следует считать рисунки, изображающие героические эпизоды военной истории или подвиги рядовых и офицеров.

Например, рисунок неизвестного художника «Подвиг унтер-офицера 2-й минерной роты лейб-гвардии Саперного батальона Андрея Шейдеванда» – рассказывает об удивительном бесстрашии, героическом поведении и гибели А. Шейдеванда под Варной в период Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Когда Шейдеванд зажег мину, и она своевременно не взорвалась, он бросился в галерею, а там увидел, что палительная свеча, вставленная в проводник, сгорела, а проводник густо покрылся пеплом. Тогда он, презрев явную опасность, сдунул пепел – произошел взрыв, и самоотверженный унтер-офицер пал в страшных ожогах, от которых умер. Однако жертва его была не напрасна: оказалось, что взрыв турецкой мины был назначен одновременно с нашим, и опоздание могло быть пагубным. Так что, кроме личного подвига, А. Шейдеванд оказал громадную услугу, предупредив взрыв турецкой мины.

На другом рисунке – это акварель худ. А.И. Шарлеманя «1-й минерной роты минер Алексей Иванов под Тикочинном 5 мая 1831 г.» – изображено бесстрашное поведение минера А. Иванова, когда он, закрыв тяжелые предместные железные ворота на замок в 2-х шагах от скачущих в атаку польских улан, дал возможность команде из 30 чел. под командованием поручика Фелькнера, разобрать настил деревянного моста под непрерывным и сильным огнем противника.

Еще один рисунок неизвестного автора «Вторая минерная рота лейб-гвардии Саперного батальона в сражении под Нуром 5 мая 1831 г.» – о событии, происшедшем 5 мая, когда 2-я минерная рота (командир – штабс-капитан И.А. Назимов) после бессонной ночи при наведении моста через реку на рассвете увидела, что польская конница теснит эскадрон улан, и, построившись в каре, минеры 2-й минерной роты ударили в штыки, – предотвратив тем самым разгром малочисленного эскадрона.

Наконец, на рисунке знаменитого художника А.И. Шарлеманя «Генерал Шильдер на костылях во главе лейб-гвардии Саперного батальона во взятом у поляков укреплении “Воля” под Варшавой, 25 августа 1831 г.» – эпизод

участия сапер в штурме Варшавы – взятии укрепления «Воля», когда саперами было сделано 40 подкопов – отверстий, построено 100 батарей для 100 орудий, расчищен лес, – во главе с командиром К.А. Шильдером, раненным в ногу в сражении под Силистрией и бывшим поэтому на костылях, – три раза ходили на штурм укрепления.

* * *

Большой вклад в художественную коллекцию музея сделал замечательный творческий коллектив военных художников Студии им. М.Б. Грекова. Участники грандиозных военных событий Великой Отечественной войны, они в боевой обстановке накапливали материал, который затем лег в основу живописных полотен большой художественной силы, сохранивших память о героических сражениях, подвигах знаменитых и безымянных героев великой войны, в том числе и инженерных войск. Основу коллекции составили полотна таких известных представителей батальной живописи старшего поколения, как М.И. Авилов, Р.Р. Френц, И.А. Владимиров. Из баталистов младшего поколения наиболее широко представлены в нашем музее произведения художников В.Е. Памфилова, Ф.П. Усыпенко, П.А. Кривоногова и др. Большая часть картин этих художников была создана по заказу музея, в тесном содружестве с его коллективом.

Так, из Студии им. Грекова в 40–50-е гг. в музей поступило несколько картин.

В.Е. Памфилов на полотне «Бой на оборонительном рубеже» изобразил разрывы снарядов, ров, а впереди рва – проволочное заграждение. Другое его произведение называется «Строительство оборонительного рубежа. 1941–1945 гг. Великая Отечественная война». В центре картины – ров на глубину человеческого роста. А заняты на земляных работах в основном женщины.

На переднем плане картины Д.Н. Пяткина «На рубеже» – противотанковый оборонительный рубеж из металлических «ежей». Перед ними – подбитый танк, дальше в глубине – другая подбитая вражеская техника.

О работе минеров, о трудных военных буднях повествует полотно художника Б.В. Щербакова «Минеры за работой», написанное в 1943 г. Из хвойного зимнего леса идут минеры с миноискателями в руках и винтовками за плечами. Два солдата-минера, стоя на коленях, откапывают из-под снега мины. Под сосной стоит автоматчик.

На следующей картине Б.В. Щербакова под названием «Форсирование реки Гжать 11–12 августа 1942 г.», написанной в 1944 г., когда художник служил лейтенантом, командиром саперного взвода и был участником изображенных на картине событий, – показано, как во время нанесения удара Западным и Калининским фронтами на сычевском и ржевском направлениях с целью срезать «Ржевский выступ» немцев, советские войска с боями форсировали р. Гжать. На переднем плане картины – съезд к реке, по которому четверка лошадей тянет арторудие; на реке с помощью различных переправочных средств, под непрерывным огнем врага, переправляются наши войска. На противоположном берегу переправившиеся советские части ведут бой с противником. В результате успешных боевых действий советских войск «Ржевский выступ» противника был ликвидирован.

В дар от художника В.А. Андреева в 1965 г. Музей артиллерии получил картину «Снова будем учиться», на которой изображен минер, беседующий с детьми освобожденного населенного пункта, а в руках у него – миноискатель и табличка с надписью «Мин нет».

О трудной боевой работе минеров напоминает картина художника Н. Кротова «Атака»: в центре картины – солдат в каске, в плащпалатке с автоматом в руках; а слева от него минеры извлекают мину из земли. Дальше видны проволочные заграждения и силуэты атакующих солдат.

Художник Н.Ф. Лебедев в своей работе «Свидетель второй мировой» изобразил ДОТ бывшего Карельского укрепрайона. Картина была написана художником в 1975 г.

Ряд картин из коллекций ВИМАИВиВС на тему Великой Отечественной войны не имеет авторов, вернее, не атрибутированы, и поэтому указываются как картины «неизвестных художников», которые, однако, скорее всего являлись участниками изображенных на картинах событий или фронтовиками, возможно, многие были художниками-любителями. Это такие картины, как: «Трехамбразурное долговременное огневое сооружение для пулеметов. Сер. 40-х гг. XX в.»; «Форсирование р. Висла 25-м гвардейским инженерно-саперным батальоном 31 июля 1944 г. в районе Кемика-Хотеска» (1944) – изображает форсирование реки: идет переправа баромов с солдатами, вокруг – разрывы снарядов, а на противоположном берегу реки – горящие постройки (чувствуется, что художник работал с натуры, настолько захватывающе и правдиво это изображено); «ДЗОТ в березовой роще» (40-е гг. XX в.).

Следующие две картины неизвестных художников поступили в наш музей с Выставки подарков воинов Чехословацкой Народной армии войскам Советской армии в 1958 г.: «Механизированная постройка моста», Чехословакия. – Показан причал на реке, на котором находится автокран. Работы ведутся солдатами, вооруженными автоматами; «Переправа автомобиля по подводному мосту», Чехословакия.

Богато представлена в музее коллекция живописных батальных произведений, посвященных событиям Великой Отечественной войны. С документальной точностью художники запечатлели героическую борьбу воинов, в том числе военных инженеров. И поскольку большинство авторов этих произведений – бывшие фронтовики, сами перенесшие все тяготы фронтовой жизни, их полотна раскрывают суровую правду Великой Отечественной войны. Целая серия живописных полотен посвящена массовому героизму воинов – пехотинцев, инженеров, артиллеристов, танкистов и др. в дни войны, их стойкости и выносливости в непрерывном и тяжелом ратном труде. Самоотверженный труд военных инженеров-понтонеров и саперов при переправах послужил темой для таких картин:

– Худ. С.Г. Пейч. Переправа. Нахичевань – Зеленый остров. Ростов-Дон. 1942 г.

Изображена р. Дон. На противоположном берегу на фоне пожара видны силуэты города. По построенному временному мосту через реку движутся люди, повозки, танки. Левее виден разрушенный металлический мост.

– Худ. Филиппов и Звягинцев. Переправа танковой колонны на учениях.

Показан наплавной мост, по которому движется танковая колонна. Выше по течению – переправа танков на пармах.

– Худ. Б.В. Смирнов. Наводка понтонного моста. 1938 г.

Картина дает представление о работе понтонеров по наводке понтонного моста во время маневров.

– Худ. А.М. Галеркин. Бригада на Одере. 1945 г.

Изображено строительство моста через р. Одер 35-й инженерно-саперной бригадой. В центре моста виден взрыв артиллерийского снаряда, взрывы видны и на реке, по которой солдаты на лодках подтягивают бревна и сваи для постройки моста. На переднем плане картины солдат тянет волоком бревно. (Картина поступила в наш музей из Инженерного управления Советской армии в 1962 г.)

– Худ. А.М. Грицай. Мост через Сиваш. 1944 г.

Картина показывает строительство моста через Сиваш в декабре 1943 г.: на обрывистом берегу материка стоит группа офицеров, саперы роют землю. Солдаты несут бревна к переправе. По деревянному мосту движутся крытые машины. (Картина была написана по указанию Штаба инженерных войск для выставки «Инженерные войска в Отечественную войну». Поступила в музей в 1944 г.)

Ряд картин написан художником П.Т. Сипиным, бывшим участником форсирования Днепра:

– «Форсирование Днепра войсками 8-й гвардейской армии в районе деревень Шевченко-Войсковое 23–24 сентября 1943 г.» Время исполнения 1943 г. На берегу Днепра находятся войска, имеются две пристани, паром. К пристани подходит военная техника. На берегу – много людей, регулировщик с фонарем. С противоположного берега направлен луч прожектора, в свете которого видны клубы дыма от пожара, горящий самолет, разрывы снарядов (Картина предназначалась в подарок начальнику Инженерных войск Красной армии генерал-полковнику Воробьеву М.П. от 8-го понтонно-мостового полка. В музей поступила в 1945 г.);

– «Форсирование частями Красной Армии р. Дона 19–25 ноября 1942 г. в районе станиц Подспешинской и Клетской. 1943 г.» Показана переправа военной техники через мост, наведенный инженерными войсками, а справа от моста – переправа производится на парамах и понтонах.

Изображая различные виды инженерных работ, инженерные войска в действии, художники обращались к разнообразной военной, в том числе инженерной, технике. Однако изображение военной техники в батальной живописи не является самоцелью, а служит, как правило, для характеристики человека-воина, сражения, подвига, героического поступка и т.п.:

– Худ. Н. Кротов. Переправа. 1945 г. – На берегу реки идет сборка парома. Другие три парома с солдатами переправляются через реку. Вокруг дым.

– Худ. Леонов. Переправа 62-й армии через р. Волга у Сталинграда. Сентябрь–октябрь 1942 г. Написана в 1942 г. – Идет переправа войск: на реке – паромы, буксиры, катера.

– Худ. Майораш. Переправа автомобилей по понтонному мосту. Написана в 1958 г. На обороте холста – наклейка с надписью: «Советским солдатам к 40-й годовщине Советской Армии. Сдают солдаты Озерского саперного батальона. – Нарисовал ефрейтор Майораш». – На картине изображен небольшой поселок, река, через которую наведен понтонный мост, по нему движутся автомашины (Венгрия).

Несколько живописных произведений, посвященных боевой работе и подвигам рядовых и офицеров инженерных войск в годы Великой Отечественной войны, созданы художником В. Бирюковым. К ним относятся:

– Высоководный мост через р. Днестр у Дубоссар. 1944 г.

На картине – строительство моста через Днестр в годы Великой Отечественной войны 36-м УОС РКК. Момент строительства опор моста.

– Высоководный 45-тонный мост через Днестр, на мостовом переходе Тирасполь-Кицкань. 1944 г.

Мост построен 36-м УОС РКК. С обоих берегов к мосту устроены высокие насыпи. За мостом виден населенный пункт.

– Высоководный деревянно-металлический 30-тонный мост через Днестр на мостовом переходе Яссы-Каркмазы. 1944 г.

Мост построен через р. Днестр 36-м УОС РКК в 1944 г. По мосту идут люди, едет техника.

– Мост через Дунай у Дунафельдвара под грузы 16 т. 1945 г.

Мост построен также 36-м УОС РКК в 1945 г. из дерева с использованием обрушенных металлических ферм существовавшего моста. На картине показан налет вражеской авиации. По мосту едут машины, бегут люди.

– Металлический высоководный двухпутный 60-тонный мост через Днестр на мостовом переходе Маяки–Паланка. 1944 г.

Мост построен в 1944 г. 36-м УОС РКК. По мосту едут автомашины, движется танк, проходят люди.

На эту же тему написана художником И.В. Евстигнеевым картина «Переправа через Дунай у Будапешта». 1948 г.

Показана паромная переправа через Дунай под Будапештом во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В ожидании переправы на берегу скопились войска. К противоположному берегу двигаются паром, лодки (Поступила из Студии военных художников им. Грекова.)

Любопытны несколько этюдных набросков, сделанных художником И.А. Ершовым в 1945 г., имеющих «адресный характер», т. е. рассказывающих о боях за Кенигсберг на 3-м Белорусском фронте. Вот эти этюды:

– Переправа через р. Прегель. 3-й Белорусский фронт.

– Р. Прегель. Г. Кенигсберг. 3-й Белорусский фронт.

– У переправы в г. Кенигсберг. 3-й Белорусский фронт (показан момент короткого солдатского отдыха перед переправой на другой берег – в конце войны).

– Один из южных фортов крепости г. Кенигсберг после взятия его нашими войсками. 3-й Белорусский фронт.

– Разрушения в г. Кенигсберг. 3-й Белорусский фронт.

– Разрушенный мост через р. Прегель в г. Кенигсберге. – На переднем плане – разрушенная часть моста через р. Прегель, а на уцелевшей его части – саперы ведут подготовительные работы по восстановлению моста.

- Канал в г. Кенигсберге.
- Наблюдательный пункт в г. Кенигсберге.

Во время войны и в последующие годы художники-баталисты в своем творчестве часто обращались к фронтному пейзажу. Так, П.А. Кривоногов с успехом использует этот прием. Он пишет с натуры картины, этюды, такие, например, как:

- На улицах Берлина. Этюд. 1945 г.
- На улицах Берлина. 1945 г.
- Рейхстаг. 1945 г.
- 2 мая 1945 г. у рейхстага. 1945 г.

– На полях Украины. Эскиз 1944 г. – Все эти этюды и эскизы выполнялись по фронтным зарисовкам. Вместе с другими фронтными набросками этот, в частности, эскиз послужил художнику материалом для создания монументального полотна «Корсунь-Шевченковское побоище».

Художник принимал участие в штурме Берлина (апрель–май 1945 г.), сделал многочисленные зарисовки боевых эпизодов и видов разрушенного города с натуры.

В батальной живописи нашли отражение и события на Ленинградском фронте. Ленинградские художники в своих работах оставили нам образы защитников Ленинграда, бойцов Ленинградского, Северо-Западного фронтов. Эти живописные полотна, собранные в течение ряда десятилетий в стенах музея, помогают посетителям образно воспринимать события героической военной истории нашего Отечества.

К таким произведениям относятся картины художников:

- М.И. Авилов. Дот замолчал навсегда. 1940 г.
- И.А. Владимиров. Сдача финнов. 1940 г.
- М.И. Авилов. Противотанковые пушки на походе. 1940 г.
- М.И. Авилов. Противотанковые надолбы. 1940 г.
- А.А. Блинков. Взятие Выборга Советскими войсками. 12 марта 1940 г.
- Г.А. Савинов. Оборона Пулковских высот. Сентябрь 1941 г. (написана по заказу музея).
- Г.П. Татарников. Ленинград в блокадную зиму. 1942 г.
- Н.х. Форсирование Невы войсками Ленинградского фронта 12 января 1943 г. Написана в 1945 г.
- В.И. Селезнев. Инженерные войска при прорыве блокады Ленинграда. Написана в 1987 г.

На картине изображен момент оборудования ледяной переправы через Неву 13 января 1943 г. На переднем плане – начальник инженерных войск Ленинградского фронта генерал-майор Бычевский Б.В. с группой офицеров. Танки идут к проложенной уже колее на льду Невы. Слева проходят колонны гвардейских минометов. Вдали, на противоположном берегу просматривается крепость Орешек, горящие Шлиссельбург и ГРЭС.

* * *

Так русские художники-баталисты в своих произведениях давали правдивую картину сражений, военных эпизодов, успех которых решался тяжелым военным трудом рядовых, простых солдат, их будничным и героическим поведением.

Общеизвестно огромное воспитательное значение изобразительного искусства. Оно рождается в определенных социально-политических условиях, среди определенных социальных групп. Искусство создается человеком не для забавы, его задачи – более серьезные и глубоки. Средствами искусства мы познаем, а, следовательно, и организуем мир действительности. Будучи одной из форм познания, искусство живописи само по себе как предмет познания дает возможность проникнуть в самый дух той или иной эпохи, того или иного общественного класса. Особенно большую роль произведения изобразительного искусства играют в воспевании беспримерного подвига русского человека – солдата, пехотинца и сапера, grenадера и понтонера, нередко жизнью своей платящего за освобождение родной земли и оборону своего Отечества.

Коллекция батальных полотен, хранящихся в фондах Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, является ценным музейным материалом, помогающим глубже, разностороннее и ярче выразить основную идею экспозиции музея.

Она показывает мощь различных родов войск Красной – Советской – Русской армии, ее профессионализм и готовность к подвигу, как артиллеристов, так и военных инженеров-саперов, понтонеров. Героизм и беззаветная преданность Родине и своему народу воинов-солдат и офицеров помогают в воспитании посетителей музея в духе патриотизма и преданности своей Отчизне, гордости за свое Отечество.

Абольская Т.И. Обзор советской батальной живописи в экспозиции АИМ. Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Вып. II. Л., 1958.

Акимов Г.Ф. Музей военных инженеров. Бомбардир. 1996. № 1 (5).

Александров Е.А. Краткий исторический очерк развития инженерных войск Русской Армии. М.: ВИА, 1939.

Альбом картин в память 35-летия Русско-Турецкой войны 1877–1878 гг. М., 1902.

Андрианов П. Полтавская битва. Одесса: Изд-во альманаха «Родина», 1909.

Биография генерала Шильдера К.А., написанная Ц. Кюи. Рукопись. ВИМАИВиВС. Фонд инж.-докум. КЕУ № 2989, ном. 22.

Биография Тотлебена Э.И., написанная проф. Ц. Кюи. Рукопись ВИМАИВиВС. Фонд инж.-докум. КЕУ № 2998, ном. 22.

Бенуа А.Н. История живописи XIX века. Ч. 1–2. СПб., 1995.

Баранов Н.В. А.В. Суворов. Альбом к 250-летию. М.: Воениздат, 1980.

Булгаков Ф.И. Наши художники по академическим выставкам последнего 25-летия. (1865–89 гг.). В 2-х тт. 1890.

Военная энциклопедия. Изд. Сытина. СПб. Т. 10. 1912. Т. 15. 1914.

Выставка произведений батальной живописи русских художников XIX в. (Из собрания Центрального исторического военно-инженерного музея). Каталог. М., 1955.

Выставка 1812 г. Каталог. М., 1913.
 Габаев Г.С. 100 лет лейб-гвардии саперному батальону. СПб., 1912.
 Габаев Г.С. Опыт краткой хроники-родословной русских инженерных войск. Пособие. СПб., 1907.
 Габаев Г.С. Гвардейскому саперу на память о герое – командире генерал-адъютанте Шильдере. СПб., 1911.
 Герои и деятели русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Биографии и портреты. СПб., 1878.
 Дело. Записки генерал-адъютанта Шильдера по истории крепостного строительства и инженерных войск в XVIII–XIX вв. ВИМАИВиВС. Фонд инж.-докум. КЕУ № 2959. Nom. 22/837.
 Железных В.И. Военно-инженерное искусство и инженерные войска русской армии. Сб. ст. М.: Воениздат, 1958.
 Зайцев Е.В. Художественная летопись Великой Отечественной войны. М., 1986.
 Знаменитые россияне 18–19 вв. Биографии и портреты. СПб.: Лениздат, 1995.
 Иванов П.С. Историческая справка о музее. Машинопись. ВИМАИВиВС. Ф. XX. № 73.
 Инженерный журнал. 1860. № 4–6.
 Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской выставки в Москве 1882 г. Н.П. Собко. 1882.
 Каталог А.И. Сомова и Б.К. Веселовского для картин. 1872.
 Каталог произведений изобразительного искусства. Кн.1. Живопись. – Кн. Каталог живописи артиллерийского исторического музея. Л.: АИМ, 1959.
 Кюи Ц.А. Очерки по истории фортификации России. Осадная война (Атака и оборона крепостей). 1895. ВИМАИВиВС. Фонд инж.-докум. № 3001, 3005, ном. 22.
 Кондаков С. Список русских художников к юбилейному справочнику императорской Академии художеств. СПб., 1914.
 Кротков А. Взятие шведской крепости Нотебург на Ладожском озере Петром Великим в 1702 г. СПб., 1896.
 Кольцов С. Служба конных сапер. М., 1931.
 Коханов Н. Инженерная подготовка городов к войне. М., 1923.
 Кюи Ц., Михневич Н. и др. История крепостей в России. Ч. 1. (Рукопись) ВИМАИВиВС Фонд инж.-докум. № А-12584, ном. 22.
 Лебедев Г.Е. К вопросу о батальном жанре 1-й четв. 18 в. // Артиллерийский исторический музей. Сб. исследований и материалов. Вып. 1. М.-Л., 1940.
 Лещинский Л.М. Военные победы и полководцы русского народа 2-й половины XVIII в. М., 1959.
 Михневич Н.П. История военного искусства. Изд. 2-е. СПб., 1896.
 Мазинг Г.Ю. К.А. Шильдер (1785–1854 гг.). М.: Наука, 1989.
 Мазюкевич М. Жизнь и служба генерал-адъютанта К.А. Шильдера. Биографический очерк. СПб., 1876.
 Николаевская Инженерная Академия и училище. СПб., 1914.
 Победы Петра Великого над шведами 200 лет назад. Лесная Полтава. СПб., 1908.
 Погоский А. Нарва и Полтава. Изд. 5-е. СПб., 1899.
 Поморнацкий В. Портреты А.В. Суворова. Очерки иконографии. Л.: Гос. Эрмитаж, 1963.
 Разин Е.А. История военного искусства. М.: Воениздат, 1957.
 Работы Кившенко. Сб. снимков с картин, рисунков, акварелей. СПб., 1896.
 Русская историческая живопись. Выставка 1939 г. М.: Гос. Третьяковская галерея, 1939.
 Русские портреты XVIII–XIX стол. Т. 1–5. СПб.: Изд. Вел. Кн. Николая Михайловича. 1905–1909.
 А.В. Суворов в отечественном изобразительном искусстве. М.: Искусство, 1952.
 Сборник материалов для истории Императорской Академии художеств за 100 лет / Под ред. П.Н. Петрова. Ч. 2. СПб., 1865.
 Старк Э. Колыбель русского искусства. СПб.: Изд-во П.П. Сойкина, 1912.
 Садовень В.В. Русские художники-баталисты XVIII–XIX вв. М.: Искусство, 1955.
 Случевский К. Краткий обзор участия лейб-гвардии саперного батальона в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. СПб., 1879.
 Сражающееся искусство. М., 1977.
 Собко Н.П. Исторический очерк Санкт-Петербургской рисовальной школы. 1839–89 гг.
 Тугендхольд Я. Проблема войны в мировом искусстве. М.: Изд-во И. Сытина, 1916.
 Тимченко-Рубан Г. Очерк деятельности великого князя и императора Николая Павловича как руководителя военно-инженерной частью. Т. 1. 1912. Т. 2. 1914. СПб.
 Устрялов Н. История царствования Петра Великого. Т. 4. (Ч. 1. Битва под Нарвою и начало побед). СПб., 1863.
 Шильдер Н.А. Граф Э.И. Тотлебен, его жизнь и деятельность. Биографический очерк. Т. 1–2. СПб., 1885–1886.
 Шперк В.Ф. Материалы по истории военно-инженерного искусства. Вып. 1-й и 2-й. (Документы по истории военно-инженерной подготовки России в XVIII–XIX вв.) 1945. ВИМАИВиВС. Фонд инж.-докум. Nom. 22, № А-12654/1.
 Яковлев Е. Жизнь и деятельность Р.И. Кондратенко в период до начала Русско-турецкой войны. Машинопись. ВИМАИВиВС. Фонд инж.-докум. Nom. 22, № А-12607.

Сергей Федорович Юрьев — капитан первого ранга, музейщик, судомоделист, исследователь формы одежды ВМФ

В 2005 г. исполнилось 110 лет со дня рождения Сергея Федоровича Юрьева – многогранной личности и разносторонне одаренного человека, посвятившего военно-морской службе всю свою жизнь и внесшего значительный вклад в изучение истории отечественного ВМФ. К сожалению, его труды и заслуги перед исторической наукой и современниками до настоящего времени в полной мере не изучены и не оценены. Авторы статьи неоднократно пользовались подготовленными С.Ф. Юрьевым материалами. Как дань памяти и уважения этому человеку нами собраны архивные документы и воспоминания людей, знавших Сергея Федоровича, которые представлены в данной статье.

«...Он обладал располагающей внешностью – выше среднего роста, широкоплечий, с отменной выправкой, умное, открытое, волевое лицо с добрыми глазами. Его речь с оттенком иронии и юмора свидетельствовала о высокой культуре. Человек необычной судьбы, Юрьев, выходец из семьи разорившихся дворян, выпускник кадетского морского корпуса, мичман одного из крейсеров дореволюционного Балтийского флота, ходил в дальние плавания, повидал многое в портах Европы и Азии, сумел философски обобщить виденное. В революцию Юрьев примкнул к восставшим матросам, стал участником Октябрьской революции. После службы на кораблях, в тридцатые годы, будучи высоко интеллигентным и эрудированным морским командиром, преподавал... в одном из высших военно-морских училищ»¹. Так вспоминают о Юрьеве те, кого он учил.

Сергей Федорович Юрьев родился 23 сентября 1895 г. в Санкт-Петербурге. Его отец – Федор Григорьевич Юрьев, из крестьян бывшей Вологодской губернии, Вельского уезда, села Святогорье, в то время подшкипер броненосца «Александр II» – и мать – Мария Алексеевна Юрьева, урожденная Волкова, крестьянка Петербургской губернии, Ново-Петергофского уезда, деревни Волково.

Ф.Г. Юрьев, призванный во флот в 1874 г. матросом, к 1900 г. уже был в звании комиссара корабля (главный старшина по хозяйственной части корабля), имел право по существовавшему в Морском ведомстве положению за выслугу 25 лет службы получать денежное содержание на воспитание детей. Это позволило ему дать двум старшим своим сыновьям законченное среднее образование. Сергей Юрьев окончил полный курс Кронштадтского реального училища.

Мать Сергея умерла в 1903 г. в Кронштадте. Отец до 1916 г. исполнял обязанности шкиперского содержателя и ревизора учебного судна «Африка» и водолазной школы Балтийского флота, находясь в последние годы своей жизни в звании военно-морского чиновника. В 1916 г. он умер в Кронштадте.

Сергей Юрьев с 14 лет уходил каждое лето в плавания на парусных кораблях юнгой. Это время можно считать началом его флотской жизни.

В 1911 г. он поступает в военно-морской флот волонтером флота на учебное судно «Африка», на котором служил его отец. Первые же недели пребывания на корабле стали для Сергея временем знакомства с революционными настроениями матросов. Он получил от сослуживцев брошюры с изложением программ партий – РСДРП, эсеров и трудовиков. 23 июля 1913 г. предписанием начальника штаба флота Юрьев был списан на берег, в экипаж, исключен из флота и через месяц вызван в связи с политической неблагонадежностью в Кронштадтское жандармское управление. После этого он был отдан под надзор полиции. В жандармском управлении Кронштадта на него было возобновлено дело, начатое еще в 1911 г.

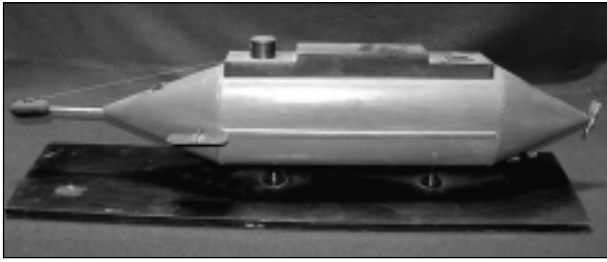
С началом Первой мировой войны путь к возвращению на флот был Юрьеву закрыт. Он с трудом поступает в Михайловское артиллерийское училище в Петербурге, которое оканчивает по 1 разряду в мае 1915 г. с производством в чин прапорщика артиллерии военного времени и получает назначение в морскую береговую оборону крепости Кронштадт, на форты².

Весной 1917 г. С.Ф. Юрьев участвует в составе образцовой артиллерийской учебной команды морских фортов в событиях Февральской революции. В это время он был избран комендантом 2-й линии обороны фортов Кронштадта «Рошаль» и «Тотлебен», а матросы учебного судна «Африка» и водолазной школы требуют его возвращения на корабль старшим офицером.

В дни октябрьских событий 1917 г. Юрьев вступил в командование сводным Кронштадтским отрядом особого назначения в составе около 300 человек, предназначенным для отправки через Ораниенбаум в Петроград. Приняв со складов Петропавловской крепости 6 трехдюймовых пушек, отряд кронштадтских артиллеристов под его командованием на грузовиках добирался до Пулковских высот, где ведет бой, отражая атаки бронепоезда и казаков Краснова. В декабре 1917 г. Юрьев вступил в партию большевиков.

Сергей Федорович Юрьев. Фотография
конца 1930-х гг.

Модель американской подводной лодки «David» конструкции Аунлея, 1860 г. Изготовлена С.Ф. Юрьевым

отражая очередной налет самолетов, он сбил самолет, несший «старорежимные круги опознавательные, при чем оказалось, что это наш самолет, но не успевший перекрасить свои знаки на наш знак: красную звезду. Позднее... выяснилось, что это был прием изменнической, предательской работы в Ораниенбаумском гидро-дивизионе...»³.

Юрьев был арестован, осужден за неправильное открытие артиллерийского огня и, пока шло разбирательство дела, механически был исключен из партии. «Более, – как пишет в своей автобиографии Сергей Федорович, – в партию не вступал»⁴.

В мае 1920 г. Юрьев назначен старшим помощником командира на эсминец «Победитель», командиром которого тогда был И.С. Исаков. До 1923 г. он служит также на эсминцах «Изяслав», «Гарibaldi» и «Карл Маркс» старшим помощником командира. В ноябре 1923 г. он поступает на вновь открытые Специальные курсы усовершенствования комсостава флота (СКУКСФ) на штурманское отделение. В качестве практиканта штурмана весной 1924 г. был послан в плавание на сторожевом крейсере «Воровский».

За время плавания корабль посетил порты Англии, Италии, Египта, Аравии, Индии, Индокитая, южного и среднего Китая. По возвращении и сдаче экзаменов С.Ф. Юрьев в 1925 г. был назначен штурманом эсминца «Артем». В декабре он был назначен командиром посыльного судна «Кречет» – флагманского корабля Балтийского флота. На корабле находился Реввоенсовет и держал флаг командующий флотом. За время командования «Кречетом» С.Ф. Юрьев получил три благодарности в приказах по морским силам Республики.

Время командования «Кречетом» совпадает с первыми шагами С.Ф. Юрьева в области военно-морской истории. За 1926–1927 гг. в периодической печати флота появились первые его 9 статей: «История Кронштадта как первого морского порта России», «Быт и служба на прежнем парусном корабле», «Вооружение корабля XVIII века», «Историческое происхождение формы одежды» и т.д. Совершенно оригинальной явилась статья «Восстание моряков Балтийского флота в 1752 году», написанная на основе разысканных им и впервые опубликованных архивных материалов.

В 1927 г. в связи с передачей «Кречета» в другой наркомат С.Ф. Юрьев назначается командиром канонерской лодки «Красное Знамя» и командует ею на протяжении четырех последующих лет. В 1927–1928 гг. Сергей Федорович был избран членом Ленинградского городского совета XI созыва, где работал в военной секции.

В январе 1930 г. по просьбе Сергея Федоровича и в связи с намерением серьезного изучения исторических материалов, командование переводит его на должность ученого хранителя Центрального военно-морского музея, обилие экспонатов, богатейший архивный и библиографический материал которого

дают ему возможность в течение двух с половиной лет заниматься исключительно вопросами военно-морской истории.

Помимо исторических исследований совершенно отдельным видом творческой работы С.Ф. Юрьева является опыт создания моделей кораблей, которым он посвятил не менее тридцати пяти лет своей жизни. В 1925 г. впервые Ленинградский музей Революции приобрел для своей экспозиции модель эсминца «Ленин» его работы – как корабля-участника боев Гражданской войны. В том же году для Центрального военно-морского музея и Музея Красной Армии ему заказывают модели всех наиболее характерных и примечательных кораблей времен Гражданской войны.

В 1928–1929 гг. его моделями был оборудован военно-морской кабинет Центрального Дома Красной Армии. Здесь были модели всех классов кораблей, берегового и плавучего доков, шлюпок и парусных кораблей и т.д.

В 1930 г. по предложению начальника Центрального военно-морского музея С.Ф. Юрьев вновь организует модельную мастерскую, основанную еще при Петре I в 1709 г. при Модель-камере и закрытую в 1913 г. Начав создание своих моделей кораблей из различных пластмасс, он постепенно пришел к использованию слоновой кости и панциря черепахи как несравненно более выигрышного и благородного материала.

Дальнее плавание 1924 г. на «Воровском» и пребывание на Дальнем Востоке дало ему возможность познакомиться с особенностями работы кантонских и гонконгских мастеров резьбы по кости и панцирю черепахи, скрывавших приемы полировки и рецепты склейки таких материалов, как кость, перламутр и панцирь черепахи. Постепенно эти секреты были им экспериментальным путем открыты и освоены.

Модель американской подводной лодки «Turtle» конструкции Д. Брюшнеля, 1775 г. Изготовлена С.Ф. Юрьевым

В ноябре 1932 г. С.Ф. Юрьев снова возвращается к службе на флоте. Его назначают командиром дивизиона Высшего военно-морского училища им. М.В. Фрунзе. 3 февраля 1933 г. во время дежурства Юрьева в училище, во вновь строящейся надстройке, произошел пожар. В числе других лиц Сергей Федорович был отдан под суд, который, осудив его за превышение власти и упущение и халатность по службе, приговорил к 4 годам исправительно-трудовых лагерей.

«Семь месяцев я пробыл в колонии малолетних правонарушителей системы Наркомюста в качестве: столяра, модельщика, и лектора. В том же 1933 году постановлением Президиума ЦИКа СССР от 3 ноября я был освобожден и так как после суда не был демобилизован, а числился как «в перерыве службы», то был назначен штатным преподавателем Военно-морского инженерного училища им. Ф.Э. Дзержинского...», – писал Юрьев в автобиографии ⁵.

В 1935 г. Юрьев совершил плавание из Мурманска в Ленинград на открытой парусной шлюпке с курсантами училища. Весь переход занял 36 суток, из которых 21 сутки были проведены в открытом море. Было пройдено 2500 км. За этот переход Сергей Федорович был награжден Наркомом обороны золотыми часами. В училище Юрьев преподавал кораблевождение, военно-морскую историю и водолазное дело. В летние периоды 1936 и 1937 гг. С.Ф. Юрьев командовал учебным судном училища «Яуза».

И все это время он находил возможность заниматься любимым делом – созданием моделей кораблей. За многие годы увлечения Юрьева моделированием им было изготовлено несколько десятков моделей военных кораблей и пассажирских судов, среди которых: модель катера «Волна» (1926), модель канонерской лодки «Ваня Коммунист» (1927), модели эсминца «Карл Маркс» и учебного судна «Пионер» (1928).

В 1932 г. Сергей Федорович изготовил модель эсминца «Артем» и 84 модели различных иностранных кораблей по спецзаданию Управления военно-морских сил РККА. Позднее, в 1934–1935 гг. – модели эсминца «Сталин», шхуны «Анна», фрегата «Паллада», в 1937 г. – модели-горельефы ледоколов «Киров» и «Сталин», в 1938 г. – крейсера «Аврора», эсминца «Ленин», лидера «Кремль».

В 1937 г. для Парижской всемирной выставки были отобраны и экспонированы там 16 моделей-миниатюр С.Ф. Юрьева различных пассажирских и парусных кораблей. Для характеристики показанных моделей можно упомянуть лишь об одной – модели пассажирского теплохода «Грузия» длиной 20 см, на которой, тем не менее, разместилось около 1000 деталей, выполненных точно в масштабе. За изготовление моделей, выставленных в Париже на стенде ЭПРОНА, от командования последнего С.Ф. Юрьев был награжден ценным подарком – кожаным пальто. В те же годы ряд его работ был преподнесен в качестве подарка различными организациями В. Куйбышеву, К. Ворошилову, Е. Ярославскому, др.

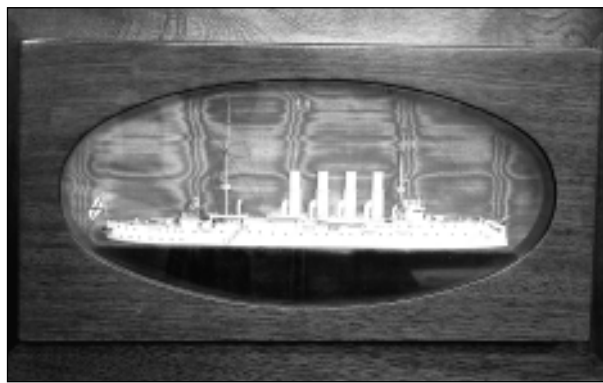
В ЦВММ, Центральном музее Вооруженных Сил РФ (бывш. Центральном музее Советской Армии), Музее Арктики и Антарктики, в Академии наук находится около ста работ С.Ф. Юрьева. В декабре 1947 г. Государственным Эрмитажем, Центральным военно-морским музеем и Политуправлением ВМФ С.Ф. Юрьев был выдвинут кандидатом на соискание Государственной премии в области изобразительного искусства. В марте 1948 г. Центральный военно-морской музей организовал выставку работ С.Ф. Юрьева, привлекающую внимание общественности Ленинграда. На выставке были представлены модели кораблей из слоновой кости, панциря черепахи и другие художественные работы. Но этому предшествовали другие события той поры.

В 1937 г. по ложному доносу Юрьева арестовали как врага народа. От гибели его спасло необыкновенное его хобби. К этому времени он уже был известным мастером резьбы по кости и дереву, создателем моделей боевых кораблей русского флота, отличавшихся поразительной достоверностью и изяществом. Выполненная им из моржового клыка модель линкора «Марат» величиной со спичечную коробку экспонировалась на всемирной выставке в Нью-Йорке и вызвала всеобщее восхищение. Сквозь лупу на ней можно было разглядеть мельчайшие детали палубных надстроек.

Вместо расстрела Юрьева послали строить канал Москва-Волга. По его проектам для оформления центральных шлюзов канала были изготовлены и установлены бронзовые 8-метровые парусные «каравеллы», которые вызвали восхищение Сталина, совершавшего поездку по готовому каналу.

В 1938 г. Юрьев был назначен редактором морского и исторического отделов Управления Военно-морского издательства. За год работы в Военмориздате под его редакцией был выпущен ряд книг по вопросам морской техники и военно-морской истории. В этом же году Юрьеву было присвоено звание капитана 2 ранга.

В 1939 г. Юрьев становится начальником цикла военно-морских предметов в Военно-морском политическом училище. В 1940 г. Сергею Федоровичу присвоено звание капитана 1 ранга. В связи с реформированием этого училища он был назначен на кафедру организации санитарной службы и военно-морского дела Военно-морской

Полумодель-миниатюра крейсера 1 ранга «Варяг», масштаб 1:500. Изготовлена С.Ф. Юрьевым

Полумодель тяжелого крейсера типа «Сталинград», 1951–1953 гг. Изготовлена С.Ф. Юрьевым

медицинской академии в Ленинграде, в которой прослужил все годы Великой Отечественной войны. В 1945 г. он защитил диссертацию на тему «Медицинская служба русского флота XVIII столетия» и получил ученую степень кандидата военно-морских наук. В 1947 г. Комитетом по делам высшей школы Юрьеву было присвоено звание доцента.

Его слушатели-медики вспоминали: «Образно описывает обстановку во время боя на парусном корабле русского флота XVIII века и оказание помощи раненым С.Ф. Юрьев:

С.Ф. Юрьев. Фотография середины 1940-х гг.

“Дробь барабанов и громкие крики командирских приказаний призывали к бою сотни людей корабельной команды. ...Все больные с лазарета сносились в кубрик, там же находился корабельный лекарь со своими подлекарями и учениками... Сложенные на палубе по две друг на друга матросские койки создавали ряды постелей для раненых. ...Решетчатый стол покрывался брезентом, камышовой подстилкой и служил роль операционного. Над столом вешались фонари с тускло горящими свечами. Под стол ставились два-три пустых обреза – деревянные бадьи для ампутированных членов... Необходимость ампутации руки или ноги вызывала у врача краткое приказание: «Кружку водки!» Раненому вливали в рот добрую порцию водки, засовывая при этом в рот кусок кожи или пакли... Прихваченный... ремнями к столу или удерживаемый руками подлекарей..., раненый подвергался ампутации. Операция длилась 2–3 минуты... Длинным и острым... ножом хирург одним взмахом рассекал мягкие ткани ампутированной конечности..., отодвигали мягкие ткани, оголяя кость, которую быстро распиливали... Далее перевязывали крупные сосуды и прижигали раскаленным железом все остальные кровотокающие сосуды, отпускали мягкие ткани, которые покрывали культю кости и накладывали повязку»⁶.

При образовании в Военно-морской медицинской академии новой кафедры военно-морских дисциплин, С.Ф. Юрьев назначается заместителем начальника кафедры, а в октябре 1947 г. – исполняющим

должность начальника кафедры. 18 марта 1948 г. Ученым советом Военно-морской медицинской академии Юрьев по конкурсу был избран начальником кафедры военно-морских дисциплин. В заключении Комиссии ВММА о его назначении сказано:

«...Являясь одним из знатоков военно-морской истории, доцент С.Ф. Юрьев выбрал специальностью изучение ряда вопросов, не находивших до сих пор исследователя в силу своей специфичности. К ним, прежде всего, относится работа “История государственных знамен и военно-морских флагов всех государств мира” с составленной картотекой на несколько тысяч флагов, на основании которой был подготовлен и издан в 1939 г. Народным Комиссариатом ВМФ первый описательный официальный альбом флагов. Разработка данной темы, являясь первой и единственной работой среди специальной отечественной литературы, привела капитана 1 ранга Юрьева в ряды постоянных консультантов Главного Морского Штаба и ОРСУ ВМС.

Из 23 опубликованных различных статей исторического характера С.Ф. Юрьева должна быть отмечена статья “Попытка восстания моряков Балтийского флота в 1752 году”, созданная на основе материалов Главного Морского Архива (РГА ВМФ), обнаруженных Юрьевым еще в 1927 г. ...

Назначение его в начале 1941 г. в Военно-Морскую Медицинскую Академию... стало редким, уникальным случаем, когда строевой командир флота защищал кандидатскую диссертацию в специальном медицинском учреждении. Являясь исторической работой, раскрывающей условия и характер медицинской службы русского флота в XVIII столетии, диссертация С.Ф. Юрьева... стала единственной работой, восполняющей не исследованный раздел истории отечественного флота, ...т.е. именно того периода медицины флота, который до 1948 г. не имел своего историка...

Доцент С.Ф. Юрьев,... имеет среди своих бывших учеников... немало адмиралов.

...Обладея эрудицией, соединенной с увлекательной формой изложения своих лекций, капитан 1 ранга Юрьев С.Ф. пользуется заслуженным уважением и авторитетом среди слушателей и курсантов Академии»⁷.

Выпускники Военно-морской медицинской академии также вспоминали: «Образцом для подражания был высокообразованный морской офицер-интеллигент С.Ф. Юрьев. Он носил вместо шинели офицерский бушлат... Свободно говорил на английском, французском и немецком языках. ...Воспитывал нас как гардемарин – ...хождение на шлюпках, вязание морских узлов, ориентирование по звездам и картам и др. Читал интересные лекции на литературном русском языке. Помню лекции о плавании ...корабля “Воровский” от Кронштадта до Владивостока... Особенно запомнились его встречи с М. Горьким на о. Капри и в Шанхае с китайским генералитетом во главе с Чан Кай-ши, который устроил прием в честь наших военных моряков; во время ужина один из китайских военных “неудачно” выступил, Чан Кай-ши выхватил револьвер и убил его. Наш атташе в Китае порекомендовал быстро покинуть резиденцию»⁸.

Служебная деятельность Юрьева была высоко оценена, он был награжден орденами Ленина, Красного Знамени и Красной Звезды, а также медалями: «XX лет РККА», «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией». Кроме того, он был награжден золотыми часами от Наркома обороны и значком «Ударник строительства НКВД – канала “Москва-Волга”».

«Когда во время Великой Отечественной войны были учреждены ордена и медали Ушакова и Нахимова для моряков, они были сделаны по эскизам С.Ф. Юрьева. Педагог, “морская косточка”, влюбленный во флот, его

славные традиции и романтику, он сумел привить выпускникам академии горячее желание отдать все силы и знания на охрану здоровья военных моряков»⁹.

Особого внимания заслуживает почти двадцатилетняя работа Сергея Федоровича по истории развития формы одежды отечественного флота за 250 лет (1696–1945 гг.). Материал в результате его исследований накопился огромный, но, к сожалению, автор не успел его полностью завершить и издать. Помешала этому его тяжелая болезнь и смерть.

В числе таких не опубликованных работ, существующих лишь в виде машинописных рукописей, хранящихся в фондах Центрального военно-морского музея –

1. Словарь военных и военно-морских терминов обмундирования, состоящий из 292 наименований;

2. Два альбома, содержащие около 250 цветных рисунков и фотографий формы одежды личного состава русского и советского военно-морского флота;

3. Материалы, документы, приложения и комментарии к «Историческому описанию формы одежды отечественного флота за 250 лет (1696–1945 гг.)» на 650 страницах¹⁰.

К Сергею Федоровичу как человеку широкой эрудиции и специалисту в вопросах военно-морской истории часто обращались за советом и консультациями. В мае 1958 г. к нему обратился из Североморска старший лейтенант В.Н. Куликов. Он увлекался изучением военного костюма и позже создал множество реконструкций униформы русской и советской армий, чертежей и рисунков предметов обмундирования и снаряжения. В 1990-х гг. Куликов преподавал в Школе-студии МХАТ, где среди документов и сохранилось письмо Юрьева – его ответ Валерию Николаевичу: «Вы задали мне такое количество вопросов, что мой ответ... и то занял бы страниц 15–20... Если я Вас правильно понял, то Вы, поставив себе целью создание труда по «Истории формы одежды и вооружения армии и флота», тем самым будьте готовы и наперед рассчитайте себе срок работы в 35–40 лет, закончив всю работу к Вашему семидесятилетию. Настоятельно велик...диапазон Вашей предполагаемой задачи»¹¹.

Такой ответ-совет мог дать только человек, хорошо представляющий, какой огромный пласт исторических материалов и сведений должен быть переработан исследователем, прежде чем он сумеет их опубликовать.

Сергей Федорович был женат на Зинаиде Александровне Юрьевой, урожденной Лепко, дочери служащего Белорусской железной дороги Александра Ивановича Лепко и его жены Марии Васильевны. Зинаида Лепко-Юрьева родилась в 1894 г. в Гдове, имела двух братьев Георгия и Михаила и сестру Евгению.

Сергей Федорович и Зинаида Александровна воспитывали троих приемных детей. Первая девочка – Анна Юрьева – была замужем за военинженером 3 ранга Л. Клевенским, офицером Тихоокеанского флота. Мальчик – Николай Юрьев – воспитывавшийся с 1920 по 1929 г., будучи курсантом Высшего военно-морского училища им. М.Ф. Фрунзе, погиб, попав под поезд. Третий приемный ребенок – девочка – круглая сирота. Так писал о своих близких Сергей Федорович в автобиографии в 1938 г., упоминая и своего брата Федора Федоровича Юрьева, служащего инженером-химиком в Москве¹².

В годы культа личности И.В. Сталина Сергей Федорович Юрьев еще раз был арестован по клеветническому обвинению в 1949 г. и только в 1954 г. смог вернуться к службе на флоте. В 1955 г. С.Ф. Юрьев вышел в отставку. В последние годы жизни, наряду с историческими работами, он создал такую вещь, как резная восьмигранная шкатулка для ордена адмирала Ушакова.

Среди документов С.Ф. Юрьева, хранящихся в фондах ЦВММ, есть копия справки, выданной Управлением делами КГБ при Совете министров СССР 10 декабря 1954 г. В ней сказано, что справка «дана капитану 1 ранга Юрьеву Сергею Федоровичу в том, что он особым совещанием при МГБ СМ СССР 25 февраля 1950 г. по статье 58-1 пункт “Б” и по статье 58-10 часть 1 УК РСФСР был осужден на 10 лет лишения свободы и отбывал срок до 10 декабря 1954 г. Освобожден Постановлением Прокуратуры СССР, МВД СССР и КГБ при СМ СССР от 24 ноября 1954 г. за № 29. Этим же Постановлением решено его дело отменить и на основании статьи 24 пункт “Б” К РСФСР в уголовном порядке преследование прекратить. Уполномоченный МГБ (подпись)»¹³.

Справка хранилась у вдовы С.Ф. Юрьева Зинаиды Александровны Юрьевой. Копия была снята А.Л. Ларионовым, сотрудником ЦВММ, 6 мая 1966 г., в период подготовки им статьи об С.Ф. Юрьеве. Тогда же З.А. Юрьева сообщила, что Сергей Федорович был арестован 20 февраля 1950 г., вернулся домой 12 декабря 1954 г.

В январе 1955 г. его восстановили в кадрах ВМФ, а 16 марта 1955 г. он вышел в отставку с правом ношения военной формы с особыми отличительными знаками на погонах – капитана 1 ранга, прослужив 35 лет 11 месяцев¹⁴.

Материалы, документы, словарь военных и военно-морских терминов обмундирования, приложения и комментарии к «Историческому описанию формы одежды отечественного флота за 1696–1945 гг.». Составлено и подготовлено С.Ф. Юрьевым

Умер Сергей Федорович Юрьев от рака легких 21 июля 1958 г. в возрасте 63 лет в клинике Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова и похоронен в Ленинграде на Серафимовском кладбище.

¹ Альманах воспоминаний выпускников Военно-морской медицинской академии. Сборник № 19. СПб., 2003. С. 53.

² Центральный военно-морской архив (далее ЦВМА). Личное дело Юрьева С.Ф. № 93416. Л. 12.

³ Там же. Л. 10.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Л. 14.

⁶ Копанев А.Н. Записки старого военно-морского врача. Израиль, 2004. С.10.

⁷ ЦВММ. Рукописно-документальный фонд. Инв. № В-28894/1.

⁸ Альманах воспоминаний выпускников Военно-морской медицинской академии. Сборник № 19. СПб., 2003. С. 51.

⁹ Там же. С. 53.

¹⁰ ЦВММ. Знаменный фонд. Инв. №№ 40824/1-5; 40825/1-2.

¹¹ Копия письма прислана в ЦВММ историком Кибовским А.В. из Москвы.

¹² ЦВМА. Личное дело Юрьева С.Ф. № 93416. Л. 14.

¹³ ЦВММ. Рукописно-документальный фонд. Инв. № В-28894/2.

¹⁴ ЦВМА. Личное дело Юрьева С.Ф. № 93416. Л. 73.

Из истории знаменного сектора Центрального военно-морского музея

Среди существующих в Центральном военно-морском музее секторов-фондохранилищ есть один, появившийся практически одновременно с возрождением в 1864 г. Морского музея при деятельном участии августейшего генерал-адмирала Российского флота Великого князя Константина Николаевича.

Сектор носит название знаменного, хотя флаги и знамена составляют лишь часть его собрания. Помимо них здесь находятся коллекции формы одежды, фалеристики и нумизматики, а также предметов корабельного быта и именных вещей – всего свыше 56 000 единиц хранения.

После того, как управляющий Морским министерством Н.К. Краббе с разрешения генерал-адмирала поручил директору своей канцелярии К.А. Манну «составить соображение о мерах для собрания предметов, имеющих историческое значение для морского дела», тот представил подробную докладную записку о том, что «...началом устройства Музеума может послужить здешняя Модель-камера и Музеум Морского корпуса (куда передавались в 1827 г. предметы раскассированного Морского музея. – С.В.), из которых надлежит отобрать все более замечательное». Затем предлагалось «собрать достопримечательные вещи, которые находятся в различных местах наших адмиралтейств, осмотреть портовые экипажные магазины, присутственные комнаты портовых штабов». Далее говорилось, что «начатое дело облегчит получение предметов, принадлежащих к морским специальностям из других ведомств и хранилищ, например, музея Академии наук, арсеналов, Аничкова дворца, Царскосельского, летних дворцов и прочих». В записке были рассмотрены вопросы о систематизации собираемых предметов по темам. Десятым пунктом стояло: «Вооружение и одежды русских моряков различных эпох».

Место для Морского музея было отведено в среднем этаже здания Главного Адмиралтейства по левую сторону от входных ворот. 27 августа 1867 г. в присутствии Великого князя Константина Николаевича состоялось открытие. А затем в мае 1868 г. Адмиралтейств-совет утвердил в виде опыта на три года положение «об образцах на предмет... руководства комиссарам по приему от подрядчиков вещей обмундирования морских команд». 8 июня того же года по Морскому ведомству был объявлен приказ № 64 генерал-адмирала о создании при Морском музее Отделения подлинных мундирных образцов, иначе называемого «магазином подлинных образцов». Начальнику музея поручалось «соединить в особом помещении при Морском музее все подлинные образцы мундирных вещей, а заведование ими поручить особому содержателю». В 1870 г. им стал губернский секретарь Василий Булатов.

Для чего надо было учреждать такое отделение? В положении говорится: § 1 – «Образцы имеют целью обеспечить доброкачественность и однообразие в мундирных предметах»; § 32 – «Кроме образцов утвержденных, в образцовый магазин передаются и хранятся там мундирные вещи, проектируемые в России или доставленные из-за границы для введения в командах, хотя и не принятые, но нужные на случай справок. ...Они должны храниться особо от утвержденных образцов».

В других параграфах этого положения мы видим рекомендации для описания предметов, которые и сейчас не утратили актуальности:

§ 4 – «Образцы состоят из 2-х частей: из самой вещи и описания оной. Под словом «образец» понимается вещь с описанием как одно нераздельное целое»;

§ 6 – «Описание образца должно заключаться на ярлыке при нем. Оно может быть печатное или письменное... на ярлыке достаточно сделать ссылку на приказ или др. положение, при котором объявлено полное описание образца».

В Отделение начинают поступать не только проектируемые в Морском ведомстве образцы форменной одежды морских команд, образчики тканей, нитей, галунов для нее, но и предметы корабельной утвари. С 1868 по 1870 г. отбором и передачей в Отделение действующих, не введенных, а также отмененных образцов из Санкт-Петербургского и Кронштадтского комиссариатских магазинов занимался по поручению Комиссариатского отделения канцелярии Морского министерства генерал-майор И.П. Комаровский, а с 1870 г. «сосредоточение (в Отделении. – С.В.) всех действующих образцов с изготовлением необходимого количества точных копий для снабжения ими портовых частей, одновременно со сдачей подлинников в музей» было поручено служащему при Морской канцелярии капитан-лейтенанту Ф.Ф. Веселаго.

Кроме того, в Отделение передаются образчики материалов и предметы обмундирования моряков иностранных флотов: французского, английского, датского, германского, шведского, итальянского и голландского, которые привозились из-за границы, в частности, действительным статским советником Розеном.

Помимо безымянных образцов в музей поступают и именные предметы. Вот некоторые примеры поступлений:

1869 г. – из Артиллерийского музея Военного ведомства поступил рабочий колет императора Петра I; из Кронштадтского морского арсенала передают 10 аллегорических знамен времен Петра I; трофейные флаги периода Русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

1878 г. – из Кронштадтского морского арсенала поступает георгиевский флаг, пожалованный команде линейного корабля «Азов» за сражение при Наварине в 1827 г.

1879 г. – жена и сестры контр-адмирала И.Н. Изыльметьева передают принадлежащие ему капитан-лейтенантские эполеты 19-го флотского экипажа, чубук и контр-адмиральский флаг.

**Содержатель Магазина образцов
коллежский ассессор К.Т. Епифанов. 1908 г.**

1890-е годы ознаменованы для Образцового отделения пополнением манекенами с формой обмундирования чинов Морского ведомства со всеми ее разновидностями, начиная от времени Петра Великого. Пожелание восполнить этот пробел, существовавший в коллекции музея, принадлежало Наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу и было высказано им при посещении музея 29 марта 1888 г. Выполняя пожелание цесаревича, командованием музея было приобретено около двух десятков манекенов в полный человеческий рост для показа уже имевшихся форм обмундирования в застекленных шкафах-витринах. Одновременно с заготовкой манекенов выяснилась, что не только комплекты, но даже изображения морских форм обмундирования предшествующих времен в музее отсутствуют, и для их воссоздания необходимо провести большую изыскательскую работу. Главная доля труда выпала на историка флота, отставного полковника Н.А. Коргуева, работавшего по материалам, хранящимся в библиотеке Зимнего дворца и архиве Морского министерства. В результате его работы появились четыре роскошно оформленных альбома «Форм обмундирования чинов русского флота». А скульпторами Карлом Шиндгельмом, Павлом Дорофеевским, Т.В. Шиненко и А.П. Сафоновым акварели с изображением формы одежды были воплощены в объемные гипсовые фигурки.

Причем основная работа легла на Сафорова и Шиненко. Первый выполнил фигурки с формой периода 1711–1810 гг., а второй – с 1856 по 1882 гг. Всего планировалось изготовить 117 статуэток, «считая, кроме флота, корпус артиллерии, штурманов и других специальностей, а также формы Гвардейского экипажа и морского училища и все разнообразия форм, как парадная, походная, обыкновенная, судовая и проч.» У нас нет пока сведений, смогло ли воплотиться намеченное полностью, но на сегодняшний день в музее хранится 78 статуэток из старой коллекции. А вся коллекция статуэток формы одежды, выполненная в одном масштабе, составляет 95 единиц, пополненная работами скульпторов О.М. Мануйловой, З.Г. Абашвили, Л.Г. Куренкова и Н.А. Кравченко.

В XX в. по-прежнему музею передавались предметы, ставшие на сегодняшний день реликвиями, например, в 1901 г. из кронштадтского Морского арсенала поступили шведские флаги и гюйсы периода войны 1788–1790 гг.; гренадерские шапки Первого морского полка 1788 г. В 1904 г. – от вдовы адмирала М.Р. Шестаковой – шинель адмирала А.П. Шестакова, в которой он, будучи лейтенантом, в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. участвовал в потоплении турецкого броненосца «Сейфи». В 1905 г. – от капитана 1 ранга В.Ф. Руднева, командовавшего в 1904 г. в бою при Чемульпо крейсерам 1 ранга «Варяг», – фуражка.

В начале XX в. содержателем Магазина образцов при Морском музее и делопроизводителем комиссии по установлению образцов стал коллежский ассессор Константин Тимофеевич Епифанов.

Сначала Образцовое отделение не составляло части музея, подлежащей обозрению посторонней публикой. Но коллекции музея настолько обогатились новыми поступлениями предметов, что потребовалось расширение его экспозиции. Еще в 1904 г. приступили к работам по приспособлению верхнего этажа здания под помещение музея, где предполагалось сосредоточить, кроме предметов собственно музея с его разделами, еще и Магазин образцов снабжения судов флота, чтобы посетитель музея мог всесторонне ознакомиться с историей флота. В 1907 г. это было осуществлено. На 22 августа 1908 г. по инвентарю Магазина образцов числилось 3359 предметов.

Накануне Первой мировой войны в Отделение поступает ряд предметов, принадлежащих членам императорской фамилии. Это личные вещи Великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича и его зятя – короля Греции Георга.

Предметы не только собирались для хранения в музее, но и участвовали в выставках за его пределами. Так, в годы Первой мировой войны среди поступивших в музей трофеев в Отделении оказались два кормовых флага и гюйс с германского крейсера «Магдебург», а также флаг с турецкого крейсера «Меджидие». Эти предметы принимали участие в выставке «Наши трофеи», проходившей в 1915 г. в Манеже Главного Адмиралтейства, и экспонировались в разделе «Трофеи, знамена и оружие». Одним из заведующих этого раздела был Петр Иванович Белавенец – офицер флота, военно-морской историк, один из основателей отечественной вексиллологии. (В советское время П.И. Белавенец целиком посвятил себя музейной работе. С 1918 г. он заведовал знаменным отделом Народного военно-исторического музея, который впоследствии вошел в состав Артиллерийского исторического музея, ныне ВИМАИВиВС.)

С 1917 по 1919 г. собирательская деятельность музея приостановилась в связи с нестабильным политическим положением. Но, тем не менее, в 1918 г. в Отделение музея, коллекции которого остались в Петрограде не эвакуированными, поступили предметы из музея расформированного Гвардейского экипажа – флаги великих князей, манекены с формой одежды чинов экипажа и ряд медалей и нагрудных знаков.

В 1919 г., после принятия СНК РСФСР специального постановления о выделении средств на приведение в порядок Морского музея, собирательская работа снова активизировалась. В октябре 1923 г. заведующим музея на имя начальника Военно-морских учебных заведений и Учебного управления Морского штаба Республики подается рапорт о том, что экспонаты военно-морского исторического характера, «поступаемые или находящиеся в распоряжение Морского командования, ...в первую очередь должны направляться в Петроградский военно-морской музей как главное хранилище исторических памятников». И вот некоторые поступления: 1923 г. – из Военно-морского гидрографического училища переданы шелковые флаги с гербом дачи «Александрия», штандарт короля Саксонского. Морская академия присылает флаг Усть-Двинской крепости, снятый русскими воински-

ми частями при отступлении в октябре 1917 г., и «английский флаг, подобранный одним из судов Балтфлота во время Мировой войны». Для создания исторической справки от музея было написано письмо с просьбой более подробно разъяснить, что значит «подобранный», в каких видах и кем. Был получен ответ, что «означенный флаг был найден во время Мировой войны в Балтийском море всплывшим и в делах представлен под рубрикой “дары моря”».

Но массовая поисковая работа началась после издания в ноябре 1925 г. приказа начальника штаба РККФ за № 826692, в котором говорится: «В целях сосредоточения в военно-морском Музее экспонатов Гражданской войны и быта Красного флота, находящихся на Черноморском и Каспийском побережье, на Севере, Дальнем Востоке, Западно-Двинском, Днепропетровском и Приволжском районах, – Наморси РККФ приказал образовать специальные комиссии по учету экспонатов». Комиссиям надлежало выяснить и взять на учет все предметы, касающиеся боевых и революционных подвигов кораблей и отдельных краснофлотцев. При описании знамен рекомендовалось указывать, какие имеют рисунки и надписи, к какому времени относятся, кому принадлежали и принадлежат, из какого материала сделаны, какого цвета и размера, а также надлежало обратить особое внимание на шефские подарки.

Кроме того, была образована комиссия для обследования военно-морских учебных заведений, клубов, школ и береговых частей для изъятия предметов музейного значения, в состав которой входили: от ЦВММ – хранитель музея В.К. Клодт, от Ленинградского отделения Главнауки – П.И. Белавенец.

Согласно директиве Командующего морскими силами РККФ производится реорганизация ЦВММ. К середине 1920-х гг. Образцовое отделение как таковое перестало существовать: из вновь поступавших предметов формировались новые отделы экспозиции, старые же коллекции, в основном, находились в коридоре и в шкафах хранилища 3-го этажа и составляли часть общих коллекций одного музейного фонда. Ряд предметов, связанных с императорской фамилией, был уничтожен.

Поскольку в музее создавались новые отделы, их необходимо было пополнять экспонатами. Вот как говорится о проводимой работе: «Для открывающегося отдела Гражданской войны и Строительства РККФ все, что было возможно собрать на местах в отношении характеристики морских сил... уже находится в музее...». Это были шефские знамена, преподнесенные различными организациями Балтийскому и Черноморскому флотам и отдельным кораблям, флаги кораблей, из Ленинградского военно-морского порта передали образцы формы одежды матросов. К 8 ноября 1923 г. был организован Отдел Революционного движения во флоте и постоянная выставка «100-летний путь моряков-революционеров», которая состояла из отделов, посвященных декабристам, революции 1905 года и Гражданской войне. Выставки, в которых участвовали экспонаты бывшего Образцового отделения, проходили не только на территории музея. В архиве ЦВММ хранится рапорт такого содержания: «...в ближайшее время по указанию Главнауки все ленинградские военные Музеи примут участие в двух юбилейных выставках... в память 200-летнего юбилея Академии наук во дворце Петра Великого в Летнем саду... и в Музее Революции...выставка Декабристов. Прошу разрешения временно предоставить на обе выставки соответствующие предметы из коллекции Морского музея. Причем на первую из них можно было бы дать менее ценные экспонаты петровской эпохи, а на вторую – формы одежды Гвардейского экипажа».

Нарастала волна создания военно-морских отделов в музеях и организациях. Но музей тщательно оберегал свои богатства. Показателен один из документов – рапорт от 1926 г. на имя начальника Оперативного управления Штаба РККФ о том, «что... в Морском музее не имеется никакого запасного фонда экспонатов, не имеется дубликатов и что по этой причине никакие выдачи из Морского музея не допускаются... было бы совершенно недопустимо исказить Музей, имеющий первоклассное значение среди всех морских музеев».

В 1925 г. Приказом по РККФ № 56 «в целях сосредоточения всех предметов военно-морского музейного значения в Центральном военно-морском музее» было дано распоряжение о передаче музея Военно-морского училища (бывш. Морского корпуса) в ЦВММ. Перевоз училищного музейного имущества проходил 10 дней: экспонаты перевозились на пяти подводах, затраты на весь переезд составили 1500 рублей. В числе переданных экспонатов поступило 13 манекенов с формой одежды и вооружением бывших кадет и гардемарин Морского училища, медали на военно-морские сражения, а также кивера с гербами Морского корпуса.

В 1927 г. членом областного отдела союза швейников закройщиком В.В. Тихоновым, жителем города Севастополя, была изготовлена витрина с миниатюрными образцами формы одежды флота комсостава РККФ. В 1929 г. от скульптора О.М. Мануиловой поступило восемь гипсовых фигур с формой одежды краснофлотцев (летней, зимней, постовой, рабочей, в шинели, в дождевом костюме), по счету магазина «Пролетарий», а также в дар от сотрудника музея П.Н. Ламанова поступают нарукавные знаки краснофлотцев-специалистов и нарукавные знаки для комсостава образца 1922–1924 гг. В 1930 г. члены административного отдела Кронштадта сдали, а ученый хранитель ЦВММ С.Ф. Юрьев принял по описи ряд предметов из Морского собора, среди которых 14 андреев-

Манекены с формой одежды. 1900-е гг.

ких знамен бывших Флотских экипажей – участников Восточной (Крымской) войны 1853–1856 гг. на Балтийском море и участников первой русской революции 1905–1907 гг.

К сожалению, несмотря на статьи положений и приказы, не практиковалось подробное описание предметов, а данные изданных ранее каталогов или отчетов не давали о них представления. Например, в 1923 г. хранитель музея В.К. Клодт (до 1917 г. – коллежский асессор барон Клодт фон Юргенсбург) составляет записку о составе имущества Морского музея, в которой указывает: разных предметов, принадлежавших Петру Великому, Александру I, Павлу I и другим лицам – 80.

Но даже несмотря на отсутствие описаний, в музее все же проводились проверки наличия музейных экспонатов. Так, например, в рапорте хранителя от 27 июня 1924 г. говорится, что не найден ряд предметов, поступивших из Аничкова дворца и из музея Гвардейского экипажа (как в дальнейшем выяснилось, они были переложены в другое место, о чем хранитель не был поставлен в известность. – С.В.).

16 апреля 1930 г. приказом Реввоенсовета СССР № 90 было введено в действие Положение о ЦВММ, в одном

Шкаф со статуэтками образцов морской формы в хранилище фонда

из пунктов которого говорилось: «В задачу ЦВММ входит сбор, хранение, научная разработка и наглядное отражение материалов». В новом, изданном в 1938 г. Положении о Центральном военно-морском музее ВМФ СССР эта тема продолжена: «...назначение музея состоит в сборе, хранении и научном изучении памятников истории и быта морских сил... Отдел фондов собирает, хранит и научно обрабатывает находящиеся в нем и поступающие материалы. Экспонаты, хранящиеся в фонде, служат для пополнения экспозиции музея и организации выставок... Для сбора материалов, проверки исторических фактов, изучения обстановки на местах, организуются специальные экспедиции и командировки на моря и в военно-морские пункты. Музейное имущество является неприкосновенной государственной собственностью и не может быть передано или ликвидировано без специального разрешения Наркома ВМФ СССР».

С деятельностью Наркома Н.Г. Кузнецова связано и перемещение музея из здания Адмиралтейства в здание бывшей Фондовой биржи. Готовясь к переезду в 1938 г., впервые провели полную инвентаризацию музейных коллекций. При описании коллекций бывшего Образцового отделения были составлены: опись обмундирования, рисунков форм одежды, манекенов, чарок, кандалов, дудок, ендов, в которой было перечислено 470 единиц, с указанием в ряде случаев лишь состояния сохранности. В описи флагов и знамен впервые было дано описание лицевой и оборотной сторон. Были описаны медали, слепки, оттиски и различные скульптурные изображения (в данном случае – гипсовые статуэтки формы одежды). Читая строки описи, можно встретить такие записи: «Медаль «В

царствование императора Николая 2»». На обороте – «В память сооружения Екатерининского порта на Мурмане». Были и такие: «Медаль «Император Петр 1»». Следующий пункт – «тоже». Или: «Юбилейная медаль «Император Александр 1 и император Николай 2»». При описи флагов недостатком, затруднившим в дальнейшем учет наличия предметов, было то, что под одним номером, без дробей перечислялись сигнальные флаги военно-морского (советского и дореволюционного) и международного сводов. Ряд данных при инвентаризации названий медалей не соответствовал событиям, на которые они выпускались. Инвентаризация проводилась спешно; сотрудникам, проводившим ее, выдавался лимит инвентарных номеров для присвоения экспонатам, в результате чего предметы оказывались записанными по несколько раз, а то и вовсе неучтенными. Но все же эта перепись дает представление о составе коллекций фонда накануне Великой Отечественной войны.

В 1940 г. коллекции фонда продолжают пополняться. Так, от начальника 1-го отдела ЭПРОНА поступил сюртук, принадлежавший адмиралу Зайончковскому. От командира крейсера «Киров» – военно-морской флаг СССР, который поднимался на гафеле крейсера в боях с белофиннами. Из Кронштадтского дома ВМФ поступили трофейные предметы русско-финской войны: кителя, френчи, бушлаты, головные уборы в количестве 53 единиц. Поступали и образцы – 16 шелковых флагов ВМФ СССР, которые по заказу музея изготовила фабрика художественного оформления тканей товарищества «ИЗО».

В феврале 1941 г. открывшийся в новом здании Музей представил свои коллекции для посетителей, а уже в июне, когда грянула Великая Отечественная война, экспонаты спешно паковали для эвакуации в Ульяновск. По решению командования эвакуации подлежали все музейные предметы из экспозиционных залов и наиболее ценные из фондохранилища. Назначение музеев – хранить историю для будущих поколений. Поэтому, несмотря на тяготы военного времени, в целях упорядочения сбора и накопления наиболее интересных предметов сначала приказом начальника музея, а с 1943 г. и приказом Наркома ВМФ Н.Г. Кузнецова по флоту «О сборе реликвий и боевых трофеев Отечественной войны при ЦВММ» создаются комиссии для отбора экспонатов. Одна из них работала в Ленинграде, другая – в Ульяновске, а третья – в Москве, отбирая интересующие музей материалы непосредственно в Наркомате ВМФ и являясь связующим звеном между командованием ВМФ и музеем. Все, что собиралось в Ленинграде и Москве, постепенно отправлялось в Ульяновск, поскольку именно ульяновская группа занималась обработкой и постановкой на музейный учет присылаемых предметов. Среди первых военных поступлений был флаг и вымпел с эскадренного миноносца «Быстрый», подорвавшегося на mine в районе Севастополя 2 июля 1941 г., затем в больших количествах стало передаваться трофейное «германо-фашистское имущество». Если с начала войны поступали только трофеи, то уже с 1943 г. появляются реликвии: флаги гвардейских подводных лодок и кораблей Северного, Балтийского и Черноморского флотов; личные вещи, например,

Героя Советского Союза генерал-майора авиации Н.А. Острякова; с Ладужской военной флотилии поступили флаги и вымпелы кораблей – участников обороны «Дороги жизни». Для получения экспонатов музейные сотрудники выезжали на действующие флоты и флотилии, в части морской пехоты, сражавшиеся на сухопутных фронтах. Об их собирательской деятельности можно судить по рапорту одного из сотрудников: «За период командировки я был в Севастополе, в 7 морской бригаде, в 79 сталинской бригаде, в 3 черноморском полку. Получал материалы от командиров и политработников, в 8 отд. ПУ ЧФ, в Штабе флота. В порту Поти получил материалы на линейном корабле “Парижская коммуна”, эсминце “Беспощадный”, эсминце “Незаможник”». На основе собираемых предметов сотрудники музея организовывали передвижные выставки.

В конце мая 1945 г. музейные коллекции вернулись в Ленинград. Собранные за время войны предметы позволили создать новый раздел экспозиции – «ВМФ в Великой Отечественной войне». Открытие Центрального военно-морского музея состоялось в воскресенье 16 июля 1946 г., о чем сообщили ленинградские газеты.

Так как музей вернулся из эвакуации, необходимо было проверить сохранность коллекций, поскольку записи в актах и инвентарных книгах не давали ясных и точных характеристик предметов, поступавших в музей, кроме того, много инвентарных номеров, полученных при инвентаризации 1938 г., было утеряно или заклеено. Приказом начальника музея с 21 января 1947 г. была организована и проведена инвентаризация и оценка фондов музея. Проверка велась по основным разделам хранения, в числе которых был и фонд обмундирования и снаряжения, который составляли на тот момент коллекции обмундирования и снаряжения всех видов, флагов и знамен, документов и рукописей, нумизматики (монеты), фалеристики (орденов, медалей и значков, жетонов, плакеток), предметов быта и книг. На каждый имевшийся и вновь поступивший экспонат была составлена карточка с его кратким описанием, указанием состояния сохранности и места хранения. Экспонаты в зависимости от их исторической и художественной музейной ценности были разделены на три категории: реликвии, профильные и вспомогательные. В процессе работы сотрудникам рекомендовалось очистить фонд от ненужных непрофильных или разрушенных материалов, а также передать дублетные экспонаты учебным заведениям, музеям флотов и флотилий (главным образом это касалось трофейных экспонатов).

При инвентаризации фонда выявились и утраты. Например, «...фуражка краснофлотская обр. 1922 г., форменка полотняная и тельняшка, выданные во временное пользование художникам Петровскому И.В. и Чаускому Г.А. по доверенности от 3.12.1940 г. утрачены во время войны и блокады, т.к. художники погибли, их мастерские и квартиры разрушены».

В декабре 1947 г. по итогам инвентаризации ученый хранитель Т.Е. Щелкина подает сведения о количестве предметов «обмундировально-флажного фонда» (такое название теперь носило Образцовое отделение). Экспонатов, значащихся по инвентарным книгам на момент проверки – 4703; экспонатов в наличии – 4344; из них находится в экспозиции – 1079; разрушенных, подлежащих списанию, непрофильных и предназначенных для передачи другим музеям и учреждениям – 112; заинвентаризированных дважды – 46; не заинвентаризированных и без номеров – 683.

И всего лишь через полгода, к маю 1948 г., эти цифры меняются. За короткий срок была проведена огромная работа по установлению наличия предметов, их соответствия учетным данным, была взята на учет большая часть неоприходованных предметов.

Во время проведения этой инвентаризации экспонаты разделились на коллекции – номенклатуры, существующие до сих пор.

В июне 1948 г. состоялась передача предметов коллекций между хранителями фонда. По акту ученый хранитель фонда знамен, флагов и обмундирования Центрального военно-морского музея Щелкина Т.Е. сдала, а ученый хранитель Кулешова Т.П. приняла экспонаты в количестве 4769 единиц. Среди них числятся знамена – 314 ед.; флаги – 587 ед.; обмундирование – 782 ед.; грамоты на знамена и ордена – 136 ед.; медали, ордена, значки, плакетки – 928 ед.; монеты русские и иностранные – 416 ед.; статуэтки, акварели, литографии и прочие изображения формы одежды – 243 ед.; закладные доски – 57 ед.; барельефы-слепки с медалей и печатей – 149 ед.; предметы корабельного быта и именные вещи – 216 ед.

Итак, с 1948 г. в отделе фондов сформировался сектор хранения – преемник Образцового отделения, коллекция которого значительно разрослась как количественно, так и качественно. Его история в послевоенные годы – тема для дальнейшего исследования.

Коридор в хранилище отдела фондов со знаменами в здании Центрального военно-морского музея

¹ Морской музей России: Центральный военно-морской музей. СПб.: Арт-палас, 2000.

² Морской энциклопедический словарь / Под ред. В. В. Дмитриева. СПб.: Судостроение, 1993.

³ РГА ВМФ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 22.

⁴ Там же. Д. 26.

⁵ Там же. Д. 92.

⁶ Там же. Д. 170.

- ⁷ Архив ЦВММ. Д. 173. Акты передачи между хранителями 1948–1950 гг.
- ⁸ Там же. Д. 1–10. Акты и сопроводительные документы на предметы, поступившие в фонды с ноября 1939 г. по декабрь 1945 г.
- ⁹ Там же. Д. 197. Материалы на экспонаты, выданные музеем в различные организации. 1923, 1924, 1926 гг.
- ¹⁰ Там же. Д. 266. Дело проверочной комиссии по проведению проверки и оценки экспонатов отдела фондов. 1947–1948 гг.
- ¹¹ Там же. Д. 268. Материалы по изучению фондов ЦВММ. 1952 г.
- ¹² Там же. Д. 323. Описание предметов, находящихся в фонде ЦВММ (модели кораблей, медали, чертежи по кораблестроению, знамена, флаги, плакаты и др.) 1938 г.
- ¹³ Там же. Д. 369. Ведомость историческим предметам, находящимся в Морском музее. Справочный материал о военно-морских экспонатах. 1901–1913 гг.
- ¹⁴ Там же. Д. 370–380. Переписка по приему и выдаче экспонатов. 1925–1935 гг.
- ¹⁵ Там же. Д. 387. Описание моделей, флагов и других экспонатов ЦВММ. 1912–1930-е гг.
- ¹⁶ Там же. Д. 393. Сборник газетных статей. 1946–1949 гг.
- ¹⁷ Там же. Д. 395. Описание вещей, перевезенных из ВМУ. 1925 г.
- ¹⁸ Там же. Д. 397. Описание музейного имущества ВМУ. 1924 г.
- ¹⁹ Там же. Д. 398. Инвентарь музея Морского кадетского корпуса 1887–1924 гг.
- ²⁰ Там же. Д. 401. Дело для записи экспонатов, выдаваемых из ЦВММ во временное пользование. 1925–1945 гг.
- ²¹ Там же. Д. 498. Описание предметов, поступивших из Гвардейского экипажа.
- ²² Там же. Д. 499. Переписка ЦВММ об экспонатах за 1923–1926 гг.

Фотоархив Трофейной комиссии (По материалам описей)

Комиссия по описанию боевых подвигов русского воинства и старых знамен, так называемая Трофейная комиссия, учрежденная в 1911 г. при Военно-походной Его императорского величества канцелярии, за восемь лет своего существования (упразднена в 1919 г.) создала уникальный архив документов по военной истории. Кроме карточного архива¹, собрания акварелей знамен, переданных в Эрмитаж в 1948 г.², материалов по Георгиевским кавалерам³ Трофейная комиссия располагала крупной коллекцией фотоматериалов. В архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи хранится незначительная часть этой коллекции, около 300 фотографий, однако можно предположить, что в полном виде она насчитывала несколько тысяч снимков. По сохранившимся описям фотографий и негативов можно приблизительно восстановить состав коллекции, что представляется сегодня исключительно важным для изучения истории деятельности Трофейной комиссии. В целом деятельность комиссии можно разделить на два периода: до начала Первой мировой войны (1911–1914 гг.) и времени Первой мировой войны (1914–1918 гг.), что с определенной условностью прослеживается и по описям негативов и фотографий.

Описи негативов⁴ представляют собой 2 книги в переплетах из фиолетового лидерина с серыми тканевыми углами и корешком. Листы из линованной бумаги размером 35,1х22,4 см. Номера листов и негативов проштампованы черной краской. В самих описях кроме номера негатива отмечены время съемки и общие замечания, касающиеся негатива: что снято, а по возможности и более подробные комментарии. Первая книга содержит номера от 1 до 999 на 144 листах, вторая – от 1000 до 2299 на 141 листе с незначительными лакунами в нумерации.

По данным описей в течение 1911–1914 гг. Трофейной комиссией была проделана колоссальная работа по съемке предметов военно-исторического значения. В первую очередь были отсняты так называемые Большой и Малый альбомы: «Чертежи к описанию Достопамятных предметов, хранящихся в Петроградском арсенале» и «Рисунки знаменам и штандартам Шведских войск, хранящихся в Петроградском арсенале». Номера негативов от 1 до 331 с пропуском 193, 210 и 264. Часть негативов – это знамена, гербы, значки и штандарты из книг А.В. Висковатова (№№ 630–669, 896, 900–920). Кроме того, гербы русские, французские, английские и шведские занимают №№ 332–354.

Особое место в описях занимают памятники 1877–1878 гг. Причем были сняты не только памятники на могилах солдат и офицеров русской армии, погибших на полях сражений Русско-турецкой войны, но и рисунки этих памятников. Вероятно, зарисовки делались в том случае, если не было возможности памятники сфотографировать. Этой темой заняты №№ 360–464, 480–591, 593–611, т. е. было сделано более 200 фотографий и альбом рисунков памятников 1977–1878 гг. Учитывая, что две мировые войны и так называемые локальные конфликты XX в. стерли с лица земли даже уникальные памятники на Балканах, можно сказать, что сохранившиеся в собраниях ВИМАИВиВС фотографии – единственные свидетельства о местах захоронения погибших на той войне.

Часть негативов связана с Русско-японской войной: №№ 613–615, 617, 850–857, 860–884. Это не только памятники, но и православные церкви в Японии. Целая серия негативов в описи посвящена обороне Порт-Артура, несколько сохранившихся фотографий, атрибутированных по номерам негативов, дают представление об этой трагической странице в истории России.

Трофейной комиссией было снято значительное количество икон (№№ 355, 780–849, 890–894, 921–931), имеющих непосредственное отношение к военной истории: иконы, находящиеся в полковых церквях и соборах, на военных судах и т.д.

В описи отразилась деятельность П.И. Белавенца как фотографа. Так, памятники и виды г. Варшавы (№№ 620–628) и предметы из Новгородского музея (№№ 750–771) сняты именно им. Последние он снимал на XIV археологическом съезде, проходившем в Новгороде и Пскове летом 1911 г.

Значительная часть негативов описей связана со знаменами и знаменными принадлежностями, что не удивительно, учитывая научные интересы П.И. Белавенца, крупнейшего специалиста-знаменоведа. В первой книге их немного, но вторая полностью посвящена знаменам⁵. Таким образом, до начала Первой мировой войны Трофейной комиссией было отснято и учтено более тысячи знамен, хранившихся в различных местах: в Артиллерийском музее, Казанском соборе, Преображенском полку и т.д. Среди них были совершенно уникальные, многие из которых утрачены в результате революции и гражданской войны.

С началом Первой мировой войны Трофейная комиссия преобразуется в Комиссию по описанию трофеев настоящей войны, получая дополнительные полномочия⁶. Отряды комиссии совершали поездки на фронты и собирали сведения о текущих событиях, подвигах солдат и офицеров, завоеванных трофеях. Находясь на фронтах, члены Трофейной комиссии сделали множество снимков. В архиве ВИМАИВиВС находятся две описи фотоснимков и зарисовок, произведенных на фронтах войны 1914–1918 гг.⁷ Это два дела, собранные из рукописных и машинописных листов, разного размера, с крайними датами 1 января 1915 г. – 31 декабря 1916 г. (Д. 1) и 15 марта 1915 г. – 31 августа 1917 г. (Д. 10). В описи фотографического отдела⁸ значатся три альбома в красных сафьяновых переплетах с фотографиями, снятыми военно-художественным отрядом в 1915 г., один альбом с фотографиями выставки «Русская Ривьера», и еще один, снятый при постройке Военно-походной канцелярии. Кроме того, 3 папки с фотографиями 1915 г., 1 папка с фотографиями выставки Трофейного музея (всего 51 лист), 21 картон с фотографиями Турецкого фронта (№№ 1–1089), 6 картонов с фотографиями рисунков худож-

ников (№№ 1200–1556), 242 картона с фотографиями Киева, Урмии, Ризе, Джульфы, Персии, Приморского района и Шафер-Хане.

В этой же описи были учтены и негативы. 4 альбома с негативами на пленках, снятых в трех поездках на Юго-Западный и Турецкий фронты под начальством М.В. Колобова, и 7 нумерованных коробок с негативами из тех же поездок. 52 коробки с негативами 1915 г. (№№ 1–1365), 909 нумерованных негативов Турецкого фронта. Кроме того, в описи зафиксированы 8 коробок с негативами репродукций (№№ 97–292). Без указания количества приведены негативы Минского фронта из поездки И. Игнатьева. Среди остальных негативов значатся Женский батальон, Турецкий фронт, Георгиевские кавалеры и, конечно же, знамена (58 ящичков с негативами знамен).

Опись была составлена заведующим фотографическим отделом П. Кушниром, возможно, в 1917 г. Позже по описи была проведена проверка, что следует из наличия карандашных помет к тексту. Например, против записи о 58 ящичках с негативами знамен карандашом приписано «У Белавенца», о негативах Минского фронта – «где негативы?» и т.д.

По своей географии фотоархив времени Первой мировой войны, собранный Трофейной комиссией, представляет практически все участки фронтов: Кавказ, Турция, Белоруссия, Галиция, Польша, Франция, Бельгия и т.д. Фотографии по видам можно разделить на видовые, инсценировочные, жанровые, военно-бытовые, портреты. Важнейшей задачей была съемка трофеев и героев, однако фотографы этим не ограничивались. Оказавшись, например, в Трапезунде, они снимали не только турецкие орудия, но и виды города, бухту, церкви, греческую гимназию, гробницы, пристань, госпиталь, казармы, главную часть города, разрушенную русскими снарядами, женский монастырь, Святую Софию, превращенную в мечеть. Много фотографий военнопленных немцев и австрийцев, разрушенных городов и селений, окопов и укреплений, могил. Среди трофеев значительное место занимают снимки пулеметов, минометов, аэропланов и различных машин, но главным всегда остаются люди – солдаты, офицеры, пленные, раненые, погибшие.

Фотоархив Трофейной комиссии – уникальный источник по военной истории. По материалам описей, хранящихся в архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, состав фотоархива практически полностью восстанавливается. Мы можем представить себе тот объем работ, который был проделан за несколько довоенных и военных лет, проследить географию и тематику фотоархива Трофейной комиссии.

¹ См.: Вознесенская И.А. К вопросу о карточном архиве Трофейной комиссии // Сборник статей и материалов ВИМАИВиВС. СПб., 2006.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. Зр. Оп. 9. Д. 197 (Акт на передачу Гос. Эрмитажу знамен и знаменных принадлежностей).

³ РГВИА. Ф. 16180 (Трофейная комиссия).

⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 52. Оп. 110/14. Д. 19, 20.

⁵ Там же. Д. 19.

⁶ Там же. Д. 8. Л. 1–2 об. Положение было утверждено 12 июня 1916 г. Приказ по военному ведомству № 329.

⁷ Там же. Д. 1, 10.

⁸ Там же. Д. 1. Л. 33–36.

Три японские «сабли» Достопамятного зала в фамильном гербе Лаксманов

История появления японского оружия в фамильном гербе Лаксманов – коллежского ассессора Адама Лаксмана и его отца, известного в XVIII в. учено-энциклопедиста, экономиста, естествоиспытателя и путешественника, члена Петербургской императорской Академии наук, надворного советника Кирилла (Эрика) Лаксмана, похожа на приключенческий, авантюрный роман, основанный на драматических событиях, произошедших в действительности и документально сохранившихся в различных архивах нашей страны и за рубежом.

А началось все в Японии 4 января 1783 г.^{*}, когда небольшое судно «Синсё-мару» с грузом, состоящим из риса, тканей, бумаги, посуды и лекарств, отправилось в свой обычный рейс из бухты Сироко в Эддо. Спешили, так как за срочность доставки было обещано хорошее вознаграждение. Ничего не предвещало беды. Около полуночи вышли в открытый океан и вот тут-то неожиданно поднялся северный ветер, который крепчал с каждой минутой. У судна сломался руль. Команда – 17 человек, в основном это были крестьяне, горячо молилась о спасении, но из-за дикого рева громадных волн боги так и не услышали голосов несчастных. За паникой и растерянностью последовали решительные действия: сначала спилили мачту, потом полетел за борт частично и груз...

Сколько продолжался этот крошечный ад? Семь дней или восемь? В бушующей мгле невозможно было точно определить смену дня и ночи. Но постепенно ветер сменился на южный, и море стало спокойнее. Смертельно уставшие люди падали и засыпали прямо на палубе. На рассвете радость возвращения к жизни сменилась тревогой и унынием: растерзанный корабль без руля и мачты не подчинялся воле людей. Обшарили все судно от носа до кормы, в трюме обнаружили два свитка циновки для обтягивания татами. Из этих циновок и одежды сшили парус, вместо мачты установили румпель от руля и продолжили плыть неизвестно куда...

От голода спасались рисом, запасов его оказалось достаточно. Хуже было с водой, которая быстро кончилась. Всех мучила жажда, пытались пить морскую воду, но это оказалось невозможным. Пришли на помощь дожди: воду собирали в чаны, миски, она была невкусная, но все-таки пресная. Всем было очень тяжело, мучила цинга. Другом и советчиком для своих товарищей являлся Кодаю. Он также, как и остальные члены экипажа «Синсё-мару», не был профессиональным моряком. Сын деревенского купца Дайкокуя, он воспитывался в семье агента торгового флота, умел читать и писать, отличался любознательностью и чрезвычайной наблюдательностью, обладал прекрасной памятью. С момента выхода из гавани Сироко и на протяжении всех последующих лет приключений Кодаю вел дневник, благодаря которому все события, дополненные архивными японскими и русскими источниками, стали известны в истории становления российско-японских отношений.

Около семи месяцев носило «Синсё-мару» по Тихому океану и принесло к Амчитке, одному из островов Алеутской гряды. Измученные и обессиленные люди увидели неизвестный берег, совершенно пустынный, без единого дерева, но обитаемый. Здесь жили немногочисленные островитяне и русские зверопромышленники во главе с Невидимовым.

С большим трудом удалось Кодаю и его спутникам пристать на шлюпке к берегу. Их тепло встретили, обогрели, накормили и устроили на ночь в пещере на берегу. Утром же к величайшему общему горю обнаружили, что ночью штормовым ветром судно «Синсё-мару» сорвало с якоря и посадило на подводную скалу. Дно было пробито и судно наполовину затонуло. Кодаю и его соотечественники совсем пали духом.

Потянулись унылые, однообразные дни. В июле 1785 г. из России прибыло посыльное судно, которое ожидали с таким нетерпением, но на глазах у всех его разбило штормом о подводные скалы. Команда с трудом выбралась на берег. Надежда японцев на спасение рухнула в одночасье, отчаянию не было предела. Как жить дальше? Одежда вся истрепалась, из-за скудной и однообразной пищи свирепствовала цинга. К этому времени в живых осталось только 9 человек из 17-ти. Среди них – Кодаю, Коити, Кюэмон, Сёдзо, Синдзо, Исокити.

«Горемыкам» с острова Амчитка ничего другого не оставалось, как собрать уцелевшие снасти русского корабля, гвозди от «Синсё-мару» да дерева, принесенные на остров штормом, и всем вместе построить баркас, на котором можно было бы попытаться доплыть до Камчатки. Через год новое судно было готово. Четырехлетнее пребывание японцев на этом суровом острове закончилось. 18 июля 1787 г., погрузив шкуры морских львов, бобров и нерпы, а также запасы вяленых гусей и рыбы, 25 русских промышленников и 9 японцев покинули Амчитку, а 22 августа они благополучно достигли берега Камчатки.

Японцы с трудом перенесли суровую зиму на Камчатке, трое из них умерли. Оставшиеся в живых были переправлены сначала в Охотск, а затем в Иркутск, куда прибыли 7 февраля 1789 г. Вначале Кодаю и его спутники чувствовали себя одиноко в этом чужом городе. Но, приехавший по казенным делам их старый знакомый по Камчатке, Тимофей Ходкевич представил японцев разным людям, рассказывая об их горькой участи. Во всех

Герб семьи Лаксманов (Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890)

* Здесь и далее даты даны по старому стилю.

домах они находили сочувствие и сердечный прием. Но самой замечательной оказалась встреча с Кириллом (Эриком) Лаксманом. По словам Кодаю, Лаксман говорил, читал и писал на языках 17-ти стран, кроме того, глубоко изучил множество наук, обладал широкими познаниями и прекрасной памятью, вместе с тем у него было доброе сердце и искренний характер.

Кирилл Лаксман в долгих беседах с Кодаю обдумывал мысль о том, что возвращение японцев в их отечество, может послужить поводом для установления торговых и дипломатических отношений с этой близкой, но совершенно незнакомой и недоступной страной. От имени Кодаю и его товарищей в Петербург неоднократно посылались прошения о возвращении их на родину. Но в ответ приходили распоряжения чиновников об определении их на службу в Иркутске. В январе 1791 г. К. Лаксмана вызвали в Петербург. Кодаю с радостью принял предложение отправиться вместе с ним и лично обратиться со своей просьбой к императрице.

С тяжелым сердцем покидал Кодаю Иркутск: накануне умер Кюэмон, Синдзо тяжело болел, Исокити и Коити остались ухаживать за ним, в больнице лечился после ампутации обмороженной ноги и Сёдзо. Но отъезд нельзя было откладывать, и 15 января К. Лаксман, его сын Афанасий, Кодаю и солдат охраны, уложив аккуратно ценные коллекции растений и минералов, собранные Кириллом для Академии наук, отправились в дальний путь. Предстояло преодолеть более 6 тыс. верст, мчались днем и ночью, останавливаясь только на почтовых станциях для замены лошадей, и через 36 дней прибыли в Санкт-Петербург.

Все в этом городе было странным и удивительным для Кодаю – высокие каменные дома, прямые улицы, застекленные фонари, горящие всю ночь. В первую очередь К.Г. Лаксман представил Кодаю графу А.А. Безбородко – гофмейстеру, приближенному к императрице, и президенту Коммерц-коллегии, действительному тайному советнику графу А.Р. Воронцову, вручив при этом свою записку «О японском торге» с повествованием о трагической судьбе экипажа «Синсё-мару». А.Р. Воронцов и А.А. Безбородко сочувственно отнеслись к этой истории и поддержали идею об экспедиции. Но неожиданно Кирилла Лаксмана сразил тиф. Для Кодаю это было страшным ударом. Забыв обо всем, он день и ночь дежурил у постели больного. Жили они в доме смотрителя царско-сельских дворцовых садов О.И. Буша. Эта семья поддерживала Кирилла и Кодаю. Сестра Буша Софья Ивановна в утешенье подарила Кодаю песню «Ах, скучно мне на чужой стороне» – это была, пожалуй, первая русская песня, попавшая в Японию.

Выздоровление Кирилла шло медленно, только спустя три месяца он смог возобновить свои хлопоты. Вместе с Кодаю они были приглашены на большой прием в Царском Селе. Во дворце сверкающее убранство тронного зала, многочисленное окружение нарядных дам и кавалеров привели в замешательство Кодаю. Но любезное обращение к нему Екатерины II, проявление искреннего интереса к потерпевшим крушение японцам, а также одобрительная поддержка уже знакомых ему А.Р. Воронцова и А.А. Безбородко помогли Кодаю обрести дар речи и изложить свою просьбу, которая была выслушана со вниманием, но пока осталась без ответа. В последующее время Кодаю не раз еще приглашали к императрице, бывал он и у Цесаревича Павла: его спрашивали о Японии, показывали различные коллекции, особенное восхищение вызвала у Кодаю дворцовая библиотека. Императрица собственноручно подарила Кодаю табакерку, украшенную бриллиантами. Перед отправлением из Петербурга ему вручили также золотую медаль, золотые часы в футляре, 150 червонных, а для Коити и Исокити – по серебряной медали и по 50 червонных, а для принявших христианскую веру Синдзо и Сёдзо – по 200 рублей.

13 сентября 1791 г. последовал указ Екатерины II об организации экспедиции в Японию... от лица сибирского генерал-губернатора И.А. Пилы. Ему предписывалось от своего имени составить все письма и послать подарки. Почему просвещенная великая монархиня оказалась такой осторожной? Не было уверенности в успехе? Возможно. Ведь доступ в Японию в XVIII в. был закрыт, правительство, опасаясь проникновения христианства, с 30-х гг. XVII в. проводило политику самоизоляции страны от внешнего мира. По строгим законам японцы, попавшие на чужбину, независимо от причины и срока пребывания там, обратно на родину не принимались, их ждала суровая кара или, в лучшем случае, полная изоляция от общества. Иностранцам судам категорически запрещено было подходить к берегам Японии. Только купцы голландской Ост-Индской компании и соседнего Китая имели право под строжайшим надзором вести торговлю на крохотном острове Дэсима в бухте Нагасаки. Так что, российская дипломатическая миссия, назначенная Екатериной II, отправлялась в полную неизвестность.

На подготовку к плаванью ушел ровно год. Главой экспедиции был определен сын К.Г. Лаксмана – Адам, 26-летний поручик, служивший исправником в Гижигинске, штурманом назначили Василия Ловцова, «пребывающего по службе в Охотском порте, из природных россиян, довольно в мореплавании искуснаго и в поведении своем порядочного». Геодезии сержанты: управляющий делами на корабле Иван Филиппович Трапезников и Егор Иванович Туголуков обучались японскому языку, последний был сыном попавшего в результате шторма в Россию и оставшегося здесь японца, на судне был переводчиком, всего в команде было 42 человека.

13 сентября 1792 г. бригантна «Святая Екатерина» вышла из устья реки Охоты в море. Погода благоприятствовала, плавание проходило спокойно. 7 октября пристали к северному берегу острова Матмай, затем прошли в гавань Немуро, где и встали на якорь. Переговоры с местными чиновниками затягивались, т.к. разрешения на дальнейшее продвижение необходимо было дожидаться от верховной власти из столицы – города Мацумаэ.

Пришлось зимовать в казармах на берегу бухты Немуро. Здесь 30 апреля от цинги умер Коити. Команда сочувствовала горю Кодаю и Исокити, потерявшим почти брата. Из 17 человек экипажа «Синсё-мару» домой вернулись только двое и двое остались в России...

Наконец было получено разрешение на следование в бухту Эддо, а оттуда сухим путем – в Мацумаэ. Японские лоцманы должны были провести «Св. Екатерину», но в густом тумане при сильном течении, потеряв из виду быстрые легкие суда провожатых, прошли мимо назначенной гавани и бросили якорь в порту Хакодате, чем вызвали большое неудовольствие прибывших к ним эдовских чиновников. Местные власти дружески встретили команду А. Лаксмана, предоставив возможность помыться в бане и устроив обед в специально оборудованном «Русском доме». Отсюда предстояло совершить трехдневное путешествие в Мацумаэ. В сохранившихся журна-

лах экспедиции имеются подробные описания их торжественного шествия в почетном сопровождении по территории Японии. Повсюду неведомые доселе чужестранцы вызвали такой интерес, что японской охране приходилось применять силу, охлаждая пыл наиболее любопытных.

В Мацумаэ чиновники объявили: «Чтоб иметь вам аудиенцию... по закону вы должны предстать пред знатных сих особах не иначе как разутыми ногами и став на колени». На что Лаксман ответил: «У нас, европейцев, почитается обнажение ног делом бесчестным. Если разуть ноги, то должно будет снять мундир и все принадлежащие офицеру знаки. На коленях же у нас не только пред знатными господами, но и пред самим монархом, да и не только иностранцы, но и подданные не становятся...».

17 июля 1793 г. впервые в истории состоялась официальная встреча посланников России и представителей Японии. К сожалению, недостаточное знание японского языка и абсолютное незнание русского явились серьезным препятствием в переговорах. Поначалу врученные Лаксманом документы были возвращены обратно из-за непонимания их содержания. С трудом удалось через переводчика Егора Туголукова объяснить «высоким чиновникам правительства бакуфу» о намерении России установить добрососедские торговые отношения и убедить их принять на родину Кодаю и Исокити. В итоге послания и подарки от имени сибирского губернатора И.А. Пилы были приняты весьма сдержанно, но с уважением. Вечером того же дня Кодаю и Исокити прощались с россиянами...

Лаксману от имени правительства был вручен «лист», с разрешением посещения в будущем одному русскому судну порта Нагасаки и преподнесены «три сабли, каковые употребляют только их владетельные вельможи», а также в качестве подарков сто кулей «соричинского пшена» (риса), лаковая расписная посуда и другое.

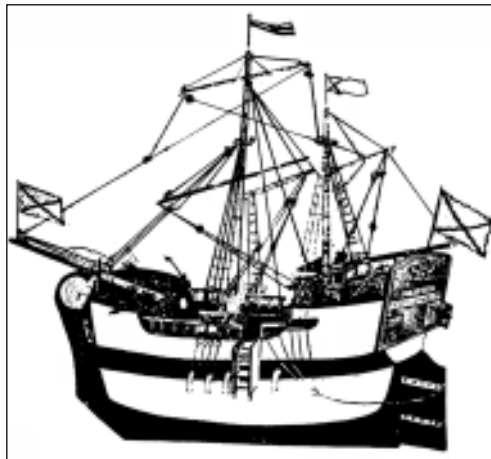
8 сентября 1793 г. «Св. Екатерина» вошла в порт Охотска. Экспедиция закончилась и, хотя торговых соглашений не удалось достигнуть, результаты ее были положительно оценены, полученная лицензия, само имя Адама Лаксмана использовались посольствами Н.П. Резанова в 1803 г. и Е.В. Путятина в 1852 г. Кроме того, большое научное значение имели привезенные коллекции образцов флоры северной Японии и некоторых Курильских островов, рисунки и карты местностей, этнографические сведения, изделия японских и курильских мастеров.

Экспедиция А. Лаксмана имела определенный резонанс в общественных и политических кругах Японии. Правительство бакуфу было уже не в силах сдерживать добровольную блокаду, она была прорвана. Придворный врач, ученый Кацурагава Хосю, который вел протоколы допросов Кодаю, позже написал книгу «Краткие вести о скитаниях в северных водах», которая явилась первым наиболее достоверным и полным рассказом о «великом северном соседе». Через несколько лет появились и другие книги о приключениях экипажа «Синсё-мару», с особой теплотой в них отмечалась благородная миссия первых русских посланников во главе с Адамом Лаксманом.

Закончилось 10-летнее путешествие экипажа «Синсё-мару». Кодаю, по возвращении, жил под домашним арестом, обучал японцев русскому языку, умер в 1828 г. в возрасте 78 лет. Исокити дожил до 70 лет и умер в 1834 г.

А. Лаксман и В. Ловцов прибыли в феврале 1794 г. в Санкт-Петербург для личного доклада императрице об итогах плавания. «Лист» – разрешение и три японские «сабли» были преподнесены Екатерине II, которая передала их в Достопамятный зал. Подарки выставлялись в Царском Селе.

Все члены экспедиции были награждены. В. Ловцов получил чин поручика, А. Лаксман – коллежского асессора и... разрешение поместить три японские «сабли» в свой фамильный герб.

Бригантина «Св. Екатерина» (Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах. М., 1978. С. 9)

Кодаю (слева) и переводчик Е. Туголуков. (Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах. М., 1978. С. 10)

Архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 36. Оп. 1. Дд. 476, 609.
Глазунова Л.В. Миссия в неизвестное. Газ. «Санкт-Петербургские ведомости». 19 сентября 1992 г. Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах. Перев. В.М. Константинова. М., 1978.
Лагус В. Эрик Лаксман, его жизнь, путешествия, исследования и переписка. СПб., 1890.
Накамура С. Японцы и русские. Из истории контактов. М., 1983.
Оросиякоку суймудан (Сны о России). Перев. В.М. Константинова. М., 1961.
Первое русское посольство в Японию. (Журнал А. Лаксмана). Публ. А.А. Преображенского. «Исторический архив». 1961. № 4. С. 113–148.
ПСЗРИ. Т. XXIII. № 16985.
РГАВМФ. Ф. 179. Оп. 1. Д. 131. Ф. 198. Оп. 1. Д. 79.
РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 1620. Ф. 468. Оп. 43. Д. 466.
Русские экспедиции по изучению северной части Тихого океана во второй половине XVIII в. Сборник документов. М.: Наука, 1989.
Файнберг Э.Я. Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М., 1960.
Черевко К.Е. Зарождение русско-японских отношений. XII–XIX века. М., 1999.

Подарок японского императора Екатерине Великой (Из коллекций Достопамятного зала Санкт-Петербургского арсенала)

Собрание инвенторских орудий, курioзных и достопамятных вещей, располагавшихся со второй половины XVIII в. и до середины XIX в. на втором этаже прекрасного здания «Старого» или, так называемого, «Орловского» арсенала, длительный период украшавшего Литейный проспект, принято называть Достопамятным залом.

Среди уникальных коллекций этого собрания, отмечающего в этом году свой 250-летний юбилей, встречается немало раритетов, которые имеют свою судьбу и свою тайну. В их числе и три японские меча, попавшие в Санкт-Петербургский арсенал в 1794 г.

Случилось это следующим образом. Согласно указа от 13 сентября 1792 г. императрицы Екатерины II губернатору Иркутской и Кольванской губерний И.А. Пилю из порта Охотска в Японию была отправлена бригантина «Св. Екатерина» под командованием поручика Адама Эриковича Лаксмана с особой миссией – доставить трех спасенных японских моряков, потерпевших крушение у Алеутских островов, на родину и установить дружеские и торговые контакты с японским правительством¹.

В октябре бригантина благополучно добралась до острова Матмай (ныне Хоккайдо) и остановилась в гавани Немуро. Власти города встретили поручика Лаксмана как почетного гостя. Летом 1793 г., в благодарность за спасение своих граждан, два знатных чиновника от имени императора приподнесли подарки для русской императрицы. В числе различных подношений, врученных А.Е. Лаксману, были и три японские меча².

Первое описание этого оружия сделано одним из членов экипажа бригантины «Св. Екатерина» 17 июля 1793 г., где оно фигурирует как сабли. «Вечеру в квартиру нашу принесли посланные с дарами императорский ящик, по вскрытии оного состояли дары в трех больших саблях, хорошо выработанных в деревянных футлярах и сверху надеты гладкой голубого цвета фанзы двойных чехлы и при концах завязаны шелковыми тесьмами, онны у них употребляются при церемониях, врезаются в длинные древки и бывают носимы от служителей за господами³. (Цвет шелковых чехлов во всех последующих документах назван белым. Видимо, в помещении, где проживал Лаксман, шелк отливал голубым цветом. Это предположение подтверждает следующая запись в судовом журнале бригантины «Св. Екатерина», сделанная в дневное время⁴. – Л.Р., М.А.)

Япония, благодаря политике «закрытых дверей», длительный период оставалась для России большой загадкой. Получить от императора в качестве подношения столь почитаемое в Японии оружие было особо ценно, тем более, что по свидетельству доктора Штютцера, служившего в голландском посольстве и проживавшего в Японии, законы государства строго запрещали вывоз оружия из страны под страхом смертной казни, причем, наказанию подвергался весь род преступника⁵.

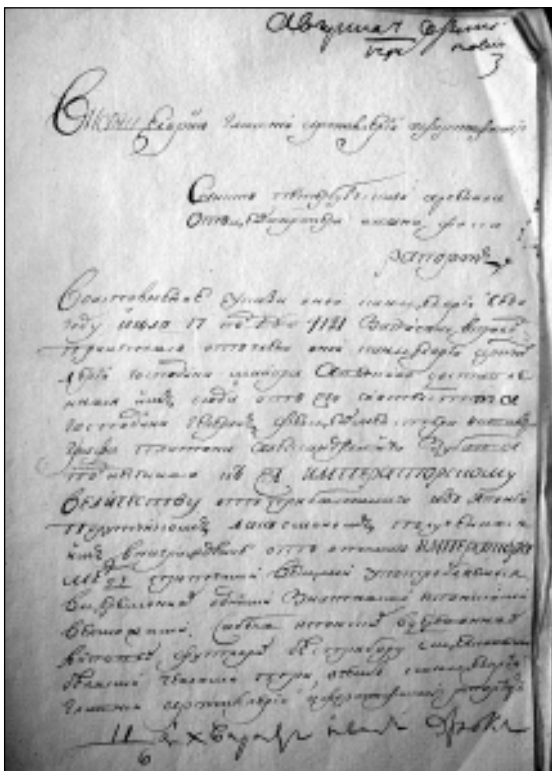
В конце 1793 г. бригантина «Св. Екатерина» благополучно возвратилась на родину. Подарки были доставлены в Петербург и представлены императрице. Екатерина II выразила признательность императору Японии за внимание к ее особе и пожелала передать преподнесенное оружие в Санкт-Петербургский арсенал «на вечное хранение»⁶.

По распоряжению генерал-фельдцейхмейстера графа П.А. Зубова три японские сабли были доставлены в арсенал, в хранилище «инвенторских, курьезных и достопамятных вещей». 10 июля 1794 г. цейхвартером Иваном Фоком, заведовавшим Достопамятным залом, была сделана следующая запись: «...полученные в награждение от японского императора между прочими вещами, употребляемые в церемониях одними знатными японскими вельможами, сабель японских в деревянных липовых футлярах без прибору с шелковыми белыми чехлами три»⁷.

Наиболее полной описью собраний Санкт-Петербургского арсенала конца XVIII в., дошедшей до нашего времени, является приемо-сдаточная ведомость, составленная 22 декабря 1797 г. при смене цехвартеров (начальников) Достопамятного зала⁸.

Описание исторических памятников в ней сгруппировано в алфавитном порядке и даны краткие сведения о предмете. Под литерой «С» записано: «Поднесенные к ЕЯ Императорскому Величеству от прибывшего из Японии поручика Лаксмаана полученные им в награждение от японского императора между прочими вещами употребляемые в церемониях одними знатными японскими вельможами, сабель японских в деревянных липовых футлярах с шелковыми белыми и парусинными чехлами три»⁹.

В 1841 г. предметы коллекций Достопамятного зала уже фиксируются в новых учетных документах, так называемых «шнуровых» (алфавитных) книгах под инвентарными номерами. В книгах, как и в приемо-сдаточной ведомости 1797 г., описание

Запись в журнале о принятии на хранение в Достопамятный зал 3-х японских сабель, сделанная И. Фоком в 1794 г.

предметов составлено в алфавитном порядке с показанием прихода и расхода. Под литерой «С» с инвентарным номером 1422 сделана следующая запись: «3 сабли японские, имеют вид большого ножа с согнутым железом и деревянной рукояткою, способною для владения двумя руками. При них два деревянных футляра. Поступили в арсенал в 1794 г. от генерал-фельдцейхмейстера графа Зубова»¹⁰. В шнуровой книге 1841 г. уже отсутствует упоминание о белых шелковых чехлах, в которых изначально хранились сабли.

Последнее, частично иллюстрированное «Описание артиллерийского зала достопамятных и не достопамятных предметов», составленное в 1862 г. артиллерийским чиновником И.Д. Талызиным, заведовавшим Достопамятным залом накануне перевода его коллекций в новое здание Кронверка Петропавловской крепости, подводит итог собранию Санкт-Петербургского арсенала.

Особый интерес в книге вызывает чертеж плана Достопамятного зала с показанием местоположения отдельных предметов¹¹.

Музейные коллекции в рукописи И.Д. Талызина описаны в последовательном порядке по залам, с краткими сведениями по истории бытования предмета. Приведены в книгах и инвентарные номера предметов, которые полностью совпадают с номерами шнуровых книг. Но в описи Талызина, как и в шнуровых книгах, под одним инвентарным номером мог числиться как один, так и более ста предметов.

При описании памятников Рыцарской комнаты Талызин под одним инвентарным номером 1422 отметил три японские сабли, имеющие вид большого кривого ножа с деревянными рукоятками, употребляемые знатными особами в церемониях. При них два деревянных футляра. Доставлены в арсенал в 1794 г. В графе время изготовления отмечено – неизвестно¹².

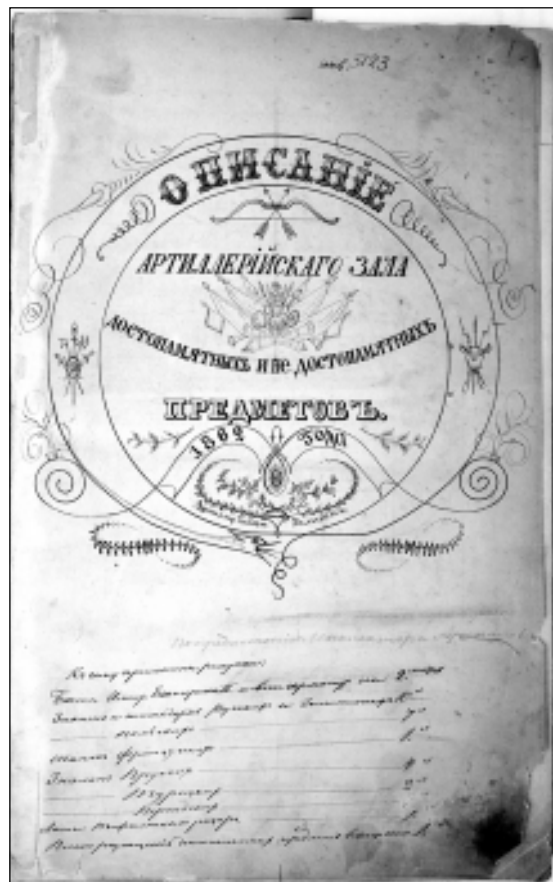
В 1868 г., переехав в Кронверк, собрание достопамятных предметов окончательно формируется в самостоятельное учреждение с наименованием «Артиллерийский музей».

С приходом в музей в 1872 г. талантливого военного строителя военно-музейного дела в России Н.Е. Бранденбурга впервые предпринимаются научные описания исторических памятников. В 1882 г. Бранденбург завершает многолетние исследования составлением новых инвентарных учетных книг на все музейные предметы. К этим описям, как к ценному источнику, неоднократно обращается не одно поколение музейных хранителей. В книге II части II за 1882 г. три японские сабли значатся уже под двумя новыми инвентарными номерами 905 и 906, но с указанием и старого номера 1422, проходящего по описи у Талызина и в шнуровых книгах.

Под № 905 сделана запись: «Сабля японская, неизвестного времени, из разряда употреблявшихся знатными японцами при торжественных церемониях. Клинок широкий, искривленный, с лезвием на одну сторону и обухом на другую, насажен на деревянное ратовище, окованное тремя лезными полосками. Вывезен из Японии лейтенантом Лаксманом (отвозил японцев на остров Матомай)».

Под № 906 сообщается: «Сабли японские неизвестного времени (вероятно XVIII в.), употреблявшиеся знатными японцами при тожественных церемониях. Клинок массивный, искривленный, с толстым обухом вдоль которого два коротких долика (широкий и узкий) вставлен в длинную деревянную рукоять для действия обеими руками. При них грубые ножны, представляющие род толстого деревянного футляра. Вывезены лейтенантом Лаксманом, который в 1792 г. отвозил на остров Матомай японцев, потерпевших крушение у Алеутских островов»¹³.

Это последнее и наиболее полное описание оружия, преподнесенное от имени японского императора Екатерине II. Сабли, неоднократно упоминавшиеся в публикациях XIX в., были достойно оценены современниками и признаны раритетными в коллекциях Достопамятного зала, а затем и Артиллерийского музея.

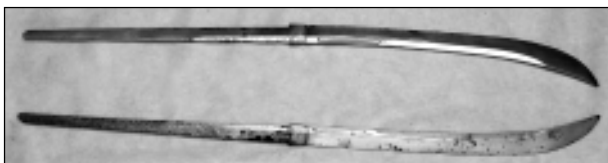
Титульный лист описания достопамятных и недостопамятных предметов Петербургского арсенала, сделанного И.Д. Талызиным в 1869 г.

Титульный лист шнуровой книги 1841 г. с описанием достопамятных вещей Петербургского арсенала

Нагината японские XVIII в. с деревянными футлярами, подаренные японским императором Екатерине Великой (из фондов ВИМАИВиВС № 0126/328 и 0126/331)

У классической нагината периода Эдо (1603–1868) длина клинка соответствует длине хвостовика

ятных условиях хранения. Возможно, в этот период инвентарный номер, закрепленный на саблях, был утрачен, и предметы остались в музее в полной неизвестности.

В начале 30-х гг. XX в. сотрудниками Артиллерийского исторического музея составляются новые учетные книги на все музейные коллекции. Предметы в книгах записываются под новыми инвентарными номерами без указания старых и описываются крайне скудно, в основном, присутствует лишь название предмета, а история его бытования, за редким исключением, и вовсе отсутствует.

На сегодняшний день выявить подарок японского императора по записям, сделанным в учетных книгах в 30-е гг. прошлого века, не представляется возможным. Тем не менее, проследив по архивным источникам почти 130 лет бытования сабель, подаренных японским императором Екатерине Великой, в стенах Достопамятного зала, а затем и Артиллерийского исторического музея, можно с большей долей вероятности предположить, что они находятся в музее.

В свою очередь, результаты архивных исследований дали возможность сотрудникам оружейного фонда обратиться к изучению коллекций японского оружия, хранящегося в ВИМАИВиВС.

Музей артиллерии располагает значительной и разнообразной коллекцией японского холодного оружия, которая складывалась на протяжении двух с половиной веков. К сожалению, степень изученности этой коллекции недостаточна, существует проблема правильной атрибуции и классификации японского оружия, которое представляет собой сложное и уникальное явление. Многие вопросы классификации, атрибуции и терминологии до сих пор являются предметом спора специалистов по японскому оружию во всем мире.

Описания японского оружия, которые даются в инвентарных карточках, составленных в 30-х гг., содержат неполные, а зачастую не совсем верные сведения о предметах. Усложняет задачу и тот факт, что основная часть надписей с ценнейшими сведениями о месте изготовления меча и мастере, его выковавшем, исполнена на японском языке и до сих пор не переведена. Есть острая необходимость в новой атрибуции предметов в свете новых знаний о японском оружии с участием специалистов-переводчиков.

«Сабли», о которых идет речь, должны находиться в коллекции предметов, которые поступили в музей в ту пору, когда он еще был Достопамятным залом. Поиск по старым инвентарным номерам не увенчался успехом, так как значительная часть старых музейных номеров не была перенесена на новые карточки в ходе инвентаризации, проходившей в музее в 1930-х гг.

Что же может скрываться под термином «сабля», который встречается во всех архивных источниках при описании предметов? Сабля является рубящим или колюще-рубящим холодным оружием с изогнутым клинком, с лезвием на выгнутой стороне и острием на конце¹⁸.

Наиболее логичным было бы предположить, что речь может идти о классическом японском большом мече дайто, со слегка изогнутым однолезвийным клинком, длиной более 60 см. Форма японского меча традиционна и практически не изменялась на протяжении IX – сер. XIX вв.¹⁹

Преподнесенные в дар «сабли» были «без прибору». То есть без оправы и в деревянных футлярах. Японский меч может находиться как в классической оправе, так и в оправе сирадзая (белые ножны), которая еще называлась оправой для отдыха²⁰.

Этот тип оправы не имеет гарды (цуба), состоит из деревянной рукояти и деревянных ножен, сделанных из древесины магнолии и использовался вместо настоящей оправы для защиты полосы меча от внешних воздействий. Сирадзая получили большое распространение в период Эдо, в частности для хранения коллекционных клинков²¹.

В оружейном фонде японские мечи числятся в 0116 номенклатуре среди восточных сабель и полусабель. По этой номенклатуре никаких предметов со сходными номерами или подходящих по описанию выявлено не было.

Первое упоминание об этих саблях встречается у большого знатока исторического прошлого Петербурга П.П. Свинына в его путеводителе «Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей», изданном в 1817 г. Автор включает японские сабли в число редкостей Достопамятного зала и дает такое описание: «Оне более похожи на косы или косари и действуют ими обеими руками»¹⁴.

В 1889 г. М.И. Пыляев в своем литературном труде «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга», представляя достопримечательности Артиллерийского музея, отмечает и сабли, подаренные Екатерине II, называя их «драгоценными»¹⁵.

Наиболее точное описание сабель содержится в опубликованном «Историческом каталоге Санкт-Петербургского Артиллерийского музея»¹⁶.

Как свидетельствуют архивные документы, сабли, привезенные из Японии для русской императрицы, благополучно пережили Первую мировую войну, революционные потрясения и трудности эвакуации музейных ценностей из Петрограда в Ярославль в сентябре 1917 г. Только в октябре 1923 г. три японские сабли возвратились в стены родного музея с повреждениями первой и второй категории¹⁷.

Повреждения произошли в результате длительного (более шести лет) пребывания предметов в самых неблагоприятных условиях хранения.

Кроме того, в описаниях, приведенных выше, внимание привлекают такие нехарактерные для классических японских мечей детали: «Они более похожи на косы или косари». Согласно энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона – коса боевая «представляет собой оружие с древком, образованное косою, насажено вертикально на древко или шест». Часто боевые косы не считают отдельным видом оружия, отождествляя их с косарем. «Косарь – или боевые вилы – оружие с древком... состоит из широкого крепкого клинка с двумя лезвиями. Это оружие рубило и кололо»²². А также такие детали описания «сабель» как: «Клинок широкий, искривленный, с лезвием на одну сторону и обухом на другую, насажен на деревянное ратовище (древко – Л.Р., М.А.), окованное тремя железными полосками..», «клинок массивный, искривленный, с толстым обухом вдоль которого два коротких долика (широкий и узкий) вставлен в длинную деревянную рукоять для действия обеими руками», – указывают на то, что речь идет все-таки о древковом оружии. В «Журнале посольства А. Лаксмана в Японию» говорится о подаренных саблях, что их «употребляют только их владельческие вельможи, в церемониях пред коими также и копыя, прикрепляя к ратовьям в два аршина с половиною (около 180 см – Л.Р., М.А.), носят»²³.

Надпись на японском языке на хвостовике нагината № 0126/331

Рукоять японского меча почти всегда делалась из двух склеенных вместе половинок дерева, закреплялась через отверстие на конце рукояти и хвостовика бамбуковым или металлическим клином мэкуги, а не оковывалось железными полосками²⁴. Длина рукояти даже большого японского меча не настолько значительна, чтобы посчитать ее за древко. Подобное описание скорее соответствует описанию другого традиционного японского оружия – нагината, которое относится к древковому виду оружия и менее известно, чем меч даже в наше время, не говоря уже о XVIII в. Нагината может быть переведен с японского языка как «длинный меч»²⁵. Он представляет собой длинный изогнутый мечеподобный клинок, расширяющийся к острию, заточенный по внешней кромке и вставленный в длинную рукоять. Нагината имеет более широкий и массивный клинок, чем меч, а также два коротких дола, идущих параллельно.

Классическая нагината, сформировавшаяся в период Эдо (1603–1868 гг.), имеет наконечник около 0,6 м, закрепленный в древке длиной 1,8 м. Как и у большинства японского древкового оружия, у классической нагината хвостовик был такой же длины или даже длиннее самого клинка, и входил в тщательно вырезанное углубление в древке. Хвостовик крепится в древке одним штырем мэкуги. Древко делалось из крепкого дерева и укреплялось металлическими полосами и кольцами²⁶. Нагината имеет более широкий и массивный клинок, чем меч, на клинке два коротких дола, идущих параллельно. Клинки нагината могли быть разного качества. Изготовленные знаменитыми кузнецами, они были наивысшего качества, имели ковку, конструкцию и шлифовку такие же, как у японского меча, в некоторых случаях могла быть подпись мастера на хвостовике²⁷. Клинки нагината, как копий (яри), защищены специальными деревянными ножнами-чехлами (это требование включено в военные законы самурайских кланов), так как обнажение любого оружия на улице или бряцание им было равнозначно вызову, за которым мог последовать удар без предупреждения²⁸.

На деревянном футляре нагината № 0126/331 следы бумажной наклейки, где был инвентарный номер, данный Н.Е. Бранденбургом

Во время боя нагината держали двумя руками и использовали как колюще-рубящее оружие. Точное происхождение этого вида оружия неизвестно, но по основной версии нагината имеет своим прототипом китайскую алебарду. В Японии она была известна с древних времен, но получает распространение с X в. как оружие ближнего боя, когда основной ударной силой становится конница, и нагината используется как эффективное средство против нее. Благодаря возможности широкого размаха нагината использовалась для подрезания ног лошади и уничтожения всадника после падения его на землю. До конца периода Хэйан (794–1185) нагината применяли преимущественно пехотинцы и монахи-воины (сохэй). В опытных руках нагината превращалась в смертельное оружие.

Начиная с периода войны Гэмпэй (1181–1185) нагината становится одним из основных видов самурайского оружия. Нагината можно описывать разнообразными круги и восьмерки, держа ее одной рукой и периодически подхватывая другой в различных местах для усиления удара; можно наносить фиксированные мощные удары. Нагината достигает особенно почетного статуса в этот период, появляется такой вид боевых искусств, как нагината-дзюцу, входящий в ряд обязательных дисциплин для каждого самурая. Существовало огромное количество школ, где были выработаны сложные стили и эффективные приемы их использования. Считается, что широкое применение нагината обуславливает изменение в самурайских доспехах, в частности, появление поножей (сунэата)²⁹, поскольку нагината наносились широкие рубящие и короткие подрезывающие движения в слабо защищенные места: коленные и локтевые сгибы, запястья, шею. Это оружие также активно использовалось женщинами из самурайских семей на войне и для самообороны. Женский вариант нагината был легче и короче. Гибкая в применении, многофункциональная нагината оставалась немаловажным атрибутом вооружения самураев вплоть до 1568 г.³⁰

В более спокойный и мирный период Эдо (1603–1868) нагината, как и копье, использовалось в официальных церемониях, а также ее носили с собой воины, сопровождавшие правителей провинций (дайме) в их путешествиях (само оружие хранилось в превосходном состоянии в арсеналах кланов)³¹.

В номенклатуре 0126, в которой числятся восточное древковое оружие, были выявлены две очень похожие между собой нагината с инвентарными номерами 0126/328 и 0126/331. Обе нагината имеют массивные, изогнутые, однолезвийные клинки, с двумя короткими долами – широким и узким, идущими параллельно. У основания клинка медная муфта хабаки с насечкой, служащей для плотного запираения клинка в ножнах, как и у японского меча. Древко у обоих предметов состоит из двух половин и сильно укорочено, неизвестно когда и кем, таким образом, что осталось меньше половины от первоначальной длины (вместо 1,8 м – 72 см). Оставшаяся часть древка состоит из двух половин, в которых закреплен хвостовик, что несколько напоминает рукоять. При обоих нагината имеются деревянные чехлы, грубой работы, надевающиеся как ножны на клинок. На хвостовике нагината инв. № 0126/331 вырезана надпись из двух иероглифов, скорее всего подпись мастера, что может свидетельствовать о ценности клинка. Длина нагината № 0126/328 – 62 + 64,5 см, ширина 6 см, длина № 126/331 – 62 + 72 см, ширина 4 см. Длина клинка обоих предметов соответствует длине хвостовика – 62 см, что характерно для классических нагината. Согласно инвентарным карточкам, составленным в 1936 и 1937 гг., № 126/328 датирован XIX в., а № 0126/331 – XVIII в., но эта датировка является очень приблизительной, так как в тот период не было возможности более точной атрибуции. В графе «поступление» значится – Артиллерийский исторический музей, что свидетельствует о месте нахождения предмета в музее с дореволюционных времен.

Состояние предметов: 0126/328 – нет подтока, креплений, составных частей древка, само древко расколото и укорочено; 0126/331 – также нет подтока, древко поломано и укорочено, ножны-чехол разбиты (отсутствует верхняя часть футляра). На деревянном чехле нагината с инвентарным номером 0126/331 имеются следы бумажной наклейки. Есть предположение, что это следы небольшого прямоугольника тонкой бумаги, на котором указывались инвентарные номера предметов, данные Н.Е. Бранденбургом. В фондах музея до сих пор хранятся экспонаты с подобными номерами.

На основе всего вышеизложенного можно высказать предположение, что сабли, привезенные в дар Екатерине II, являлись нагината – изогнутым мечом, закрепленным на древке. Саблями они могли быть названы по той причине, что Россия в XVIII в. располагала весьма скудными сведениями о Японии, не говоря уже об ее оружии, а клинок нагината действительно очень напоминает клинок сабли.

Прежние инвентарные номера этих предметов на карточках не указаны, и проследить их происхождение по документам пока не удалось, поэтому утверждать однозначно, что именно эти нагината являются подарком японского императора Екатерине Великой было бы преждевременно. Но сотрудниками музея ведется работа в этом направлении и, вероятно, со временем появится возможность подтвердить данную гипотезу.

¹ Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, 1904. Т. XLI а. С. 765.

² Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арс. Д. 1183. Л. 1.

³ РГИА Ф. 994. Оп. 2. Д. 1620. Л. 3 об.–15.

⁴ СПб. ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 476. Л. 113.

⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ШГФ. Д. 3567. Л. 1.

⁶ Там же. Л. 2.

⁷ Там же. Оп. Арс. Д. 1183. Л. 3.

⁸ Там же. Д. 1290. Л. 12.

⁹ Там же. Л. 34.

¹⁰ Там же. Ф. 22. Оп. 92/1. Д.9. Л. 23 об.–24.

¹¹ Там же. Л. 155.

¹² Там же. Л. 138.

¹³ Там же. Ф. 22. Оп. 111. Д. 5. Л. 177 об.

¹⁴ Свинын П.П. Достопамятности Санктпетербурга и его окрестностей. СПб., 1816–1817. С. 196.

¹⁵ Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб., 1996. С.137.

¹⁶ Бранденбург Н.Е. Исторический каталог С-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. III (приложение). СПб., 1889. Л. 209.

¹⁷ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 22. Оп. 111. Д. 5. Л. 178.

¹⁸ Военный Энциклопедический Словарь. М.: Военное издательство, 1983. С. 650.

¹⁹ Баженов А.Г. Экспертиза японского меча. СПб.: Атлант, 2003. С. 3.

²⁰ Носов К.С. Вооружение самураев. М.: Изд-во АСТ; СПб.: Полигон, 2002. С. 144.

²¹ Баженов А.Г. С. 212.

²² Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Брокгауза и И.А. Ефрона, 1895. Т. XVI. С. 366.

²³ Первое русское посольство в Японию. Вступительная статья А.А. Преображенского. «Исторический архив» 1961. № 4. С. 141.

²⁴ Энциклопедический словарь. СПб.: Изд-во Брокгауза и И.А. Ефрона, 1895. Т. XVI. С. 131.

²⁵ Хорев В. Японский меч. Десять веков совершенства. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. С. 40.

²⁶ Носов К.С. Вооружение самураев. С. 125.

²⁷ Там же. С. 125.

²⁸ Там же. С. 187.

²⁹ Там же. С. 124.

³⁰ Тёрнбулл С. Самурай. История военной аристократии. М.: АСТ; Астрель, 2005. С. 171.

³¹ Ратти О., Уэстбрук А. Тайны древних цивилизаций. Самурай. М.: Эксмо, 2004. С. 338.

Коллекция личных документов выдающихся флотоводцев Великой Отечественной войны в собрании Центрального военно-морского музея

Центральный военно-морской музей – один из старейших в России и четвертый по возрасту среди морских музеев мира. Старше его только датский Королевский военно-морской музей, а также военно-морские музеи Великобритании и Голландии. Он обладает морской коллекцией мирового значения.

Начало богатому собранию музея положила основанная Петром Первым в 1709 г. как хранилище моделей и чертежей строящихся для Балтийского флота кораблей «модель-камора» Санкт-Петербургского Адмиралтейства. Со временем, сохраняя функции хранилища корабельного и навигационного опыта, «модель-камора» стала приобретать музейные признаки. Сюда стали поступать не только модели и чертежи, но и книги, документы, оружие, трофейные флаги и многое другое, что было связано с судостроением и историей отечественного флота. На основе этой коллекции в 1805 г. и был создан «Морской музей». Благодаря инициативе таких выдающихся моряков, как И.Ф. Крузенштерн, Ю.Ф. Лисянский, Ф.Ф. Беллинсгаузен, М.П. Лазарев, Ф.П. Литке и др., а также живому участию в организации собирательской работы морского министра П.В. Чичагова, пополнялись фонды. Морской музей стал быстро расширяться.

За свою долгую историю музею пришлось, вместе со страной, вместе с ее флотом, вместе с Петербургом – Ленинградом пережить многое: расформирование в 1827 г. и восстановление в 1867 г., реэкспозицию в 1900–1904 гг., переезд из Адмиралтейства в здание бывшей Фондовой биржи в 1939 г., сохранение коллекции в тяжелейшие годы блокады...

За почти трехвековую историю музея трудом многих поколений сотрудников собраны и бережно хранятся более 700 тысяч экспонатов. В их числе почти 11 тысяч моделей кораблей и предметов корабельной техники, около 10 тысяч единиц хранения холодного и огнестрельного оружия, свыше 58 тысяч произведений изобразительного искусства, более 50 тысяч предметов формы одежды, нумизматики, фалеристики, а также знамен и флагов. Значительны фотонегативный, специальный и чертежный фонды.

Фонд хранения рукописей и документов насчитывает свыше 50 тысяч единиц хранения. Создание рукописно-документального фонда относится к 1948 г. В этом году были собраны воедино все имеющиеся на хранении в музее памятники на бумажной основе, отражающие этапы военно-морской истории: рукописи, личные и общеисторические документы, листовки, карты, карты-схемы, фотогазеты, газеты, брошюры, книги (редкие или с дарственными надписями, имеющие историческую значимость). Но и с 1948 г. документальный фонд не существовал отдельно – он был слит с фотонегативным фондом и в таком состоянии пребывал до 1954 г., до отделения и обособления в самостоятельный фонд.

Комплектование же музея памятниками на бумажной основе велось с самого начала существования музея, с 1805 г. Поступали они в виде дара. Среди дарителей были русские морские офицеры, такие как морской министр П.В. Чичагов, генерал-лейтенант З.Г. Чернышев, капитан-командор А.С. Грейг – будущий адмирал. Так, например, генерал-майор Тимашев в 1809 г. подарил музею коллекцию иностранных навигационных карт. Сын Ю.Ф. Лисянского, адмирал П.Ю. Лисянский, член Адмиралтейств-коллегии, принес в дар музею документы о первом кругосветном плавании. Сын командира крейсера «Варяг» капитана 1 ранга В.Ф. Руднева передал в дар документы, которые мы сейчас называем «Варяжская коллекция». Интерес к музею проявляли и члены императорской фамилии: нередко посещая его, они также становились дарителями. Даже в период блокады, в 1942 г. в музей поступили документы династии флотских офицеров Колокольниковых.

Эта замечательная традиция дарения, основанная на любви моряков и их семей, да и всего народа, к флоту и своему музею, к счастью, продолжается и в наши дни.

Весь период существования музея его сотрудниками постоянно велась и собирательская работа, результатом которой были новые поступления в фонды. Пополнение коллекции, в том числе и документов, шло также и за счет приобретения покупкой интересных документов. Одно из последних заслуживающих внимания приобретений – «План Афонского сражения» (1807 г.) к рапорту Д.Н. Сенявина с его автографом.

Структура рукописно-документального фонда предполагает разнообразное хранение:

1. Документы:

а) личные документы моряков (от матроса до адмирала), различные удостоверения, мандаты, дипломы, свидетельства, наградные документы людей, прославивших наш флот и просто честно на флоте служивших. Например, патент на чин Ю.Ф. Лисянского и документы моряков, служивших на крейсере «Аврора»; документы адмиралов В.Ф. Трибуца, В.А. Алафузова и удостоверения к орденам «Великой Отечественной войны» и «Красной Звезды», медали «За оборону Заполярья» юнги Северного флота Саши Ковалева; материалы Героя Советского Союза адмирала флота Советского Союза С.Г. Горшкова и документы погибших моряков атомной подводной лодки «Комсомолец» – от матросов до командира корабля Е.А. Ванина.

б) общеисторические – указы, приказы, грамоты к наградам российских моряков за участие в мирных миссиях. Например: грамота от сирот города Болонья за помощь во время землетрясения в Мессине (1908 г.). Два современных документа: Регламент ритуала отдания почестей в сентябре 1974 года экипажу подводной лодки «К-129», погибшей в Тихом океане в 1968 г., и документ с текстом гимна-молитвы, с которой британские подводники уходят в поход, вышитый 118 женами британских моряков в память о российских моряках, погибших на АПЛ «Курск».

II. Рукописи:

дневники, записи, письма, воспоминания, лекции, статьи, рукописи книг видных деятелей российского и советского ВМФ, российских мореплавателей, кораблестроителей, моряков-участников исторических и революционных событий, участников войн за весь период истории флота. Здесь много жемчужин. Можно отметить воспоминания моряков с крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец», хранящиеся в нашей «варяжской коллекции», записи матроса Железняк. Особое место занимают хранящиеся в фонде дневники периода Великой Отечественной войны. Например, дневники адмирала Ф.С. Октябрьского – командовавшего в годы войны Черноморским флотом, адмирала А.Г. Головки – командовавшего Северным флотом. За послевоенный период интересны дневники адмирала Л.А. Владимирского.

III. Листовки, каталоги, газеты и брошюры:

посвященные историческим событиям жизни страны и флота, героическим подвигам моряков, Героям Советского Союза, лучшим военным специалистам (разных уровней) в послевоенное время, визитам дружбы военных кораблей за рубежом и совместным мирным акциям, например по разминированию Суэцкого канала в 1970-е гг. Здесь листовки и издания периода Первой мировой войны. Особое место занимают материалы периода Второй мировой войны. Большая коллекция послевоенных материалов. Достаточно большая коллекция каталогов тех выставок, в которых участвовал и которые проводил музей, в том числе и на иностранных языках.

IV. Книги по истории флота:

редкие или с дарственной надписью, имеющие свою историю. Например, «Книга Устав Морской», изданная при жизни и по повелению Петра Великого, «Арифметика» Магницкого (учителя Навигацкой школы) издания 1703 г. Книги с дарственными надписями от авторов выдающимся морякам или музею, например книги К.В. Станюковича или Л.С. Соболева, книга с дарственной надписью Н.Г. Кузнецова – наркома ВМФ в период Великой Отечественной войны или томик А.С. Пушкина, который был с моряком на корабле и в бою пробит пулей, – т.е. имеющие историческую ценность.

V. Карты, атласы, схемы:

планы сражений, расстановки кораблей, диаграммы. Например, атлас адмирала русского флота при Петре I К.И. Крюйса, хранившийся в штабе ВМФ Нидерландов два с половиной века и в июне 1956 г. подаренный ЦВММ, карта-схема походного ордера одного из Северных конвоев, недавно переданная в музей капитаном 1 ранга А.Г. Уваровым.

VI. Фото и стенные газеты за разные периоды времени.

Составной и наиболее значимой частью хранения фонда рукописей и документов ЦВММ является коллекция личных документов. На ней сегодня и остановим внимание. Хотелось бы рассказать о ней на примере собрания документов четырех выдающихся флотоводцев периода Великой Отечественной войны: Льва Михайловича Галлера (1883–1950 гг.), Арсения Григорьевича Головки (1906–1962 гг.), Николая Герасимовича Кузнецова (1904–1974 гг.), Ивана Степановича Юмашева (1895–1972 гг.). Объединяет их то, что на определенном этапе своей службы в ВМФ каждый из них занимал либо пост Главнокомандующего (Народного комиссара), либо пост его Первого заместителя. О каждом из этих людей можно было бы подготовить отдельный доклад. Вот почему коллекции именно их личных документов были выбраны из всего собрания фонда для рассмотрения.

Галлер Лев Михайлович [17(29).11.1883 г. – 12.7.1950 г.], адмирал (1940 г.). Потомственный дворянин. Родился в Петербурге в семье военного инженера. Окончил Морской кадетский корпус (1905 г.) и офицерский артиллерийский класс (1912 г.). В период 1-й мировой войны был флагманским артиллеристом бригады линкоров Балтийского флота и старшим офицером линкора «Слава» (в звании капитана 2 ранга). На службе в Красном флоте с конца 1917 г. Участвовал в Ледовом походе Балтийского флота. В ходе Гражданской войны командовал эсминцем, крейсером, был начальником штаба отряда действующих судов Балтийского моря. В 1919 г., командуя линкором «Андрей Первозванный», участвовал в операциях против войск Юденича и английских интервентов. В 1921 г. – начальник минной дивизии, затем начальник штаба Балтийского флота. Окончил курсы высшего начсостава при Военно-морской академии (1926 г.) и с 1927 г. командовал бригадой линкоров Балтийского флота. В 1932–1937 гг. командующий Балтийским флотом. С 1937 г. заместитель начальника морских сил Наркомата обороны СССР, с 1938 г. – начальник Главного морского штаба, с 1940 г. заместитель наркома ВМФ по кораблестроению и вооружению. В 1947–1948 гг. начальник Военно-морской академии кораблестроения и вооружения им. А.Н. Крылова. Репрессирован в 1948 г. Умер в

тюрьме. Позднее был полностью реабилитирован. Награжден 3 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Ушакова 1-й степени, орденом Красной Звезды и медалями.

Коллекция личных документов адмирала Л.М. Галлера насчитывает более полусотни единиц хранения. Она в большей степени, чем другие, раскрывает понятие «коллекция личных документов», так как включает многочисленные разноплановые документы разных лет (с конца XIX в. до середины XX в.): похвальные листы и свидетельства за несколько классов гимназии, аттестат об окончании Морского кадетского корпуса, наградные документы к отечественным и иностранным наградам (орденские книжки, удостоверения к различным медалям, удостоверение о награждении часами), автобиографии, написанные в разные периоды жизни, приказы и предписания, лич-

ный листок по учету кадров, мандаты, членские билеты, пропуска, письма, рукописи, эскиз родословной Л.М. Галлера и многое другое.

Документы адмирала были переданы в дар Центральному военно-морскому музею в 1956 г. его сестрой – Евгенией Михайловной Галлер.

Головко Арсений Григорьевич [10(23).6.1906 г., станица Прохладная Терского казачьего войска, ныне Кабардино-Балкарская республика, – 17.5.1962 г., Москва], адмирал (1944 г.). Родился в казачьей семье. На флоте с 1925 г.

Окончил Военно-морское училище имени Фрунзе (1928 г.), специальные курсы комсостава (1931 г.), Военно-морскую академию (1938 г.). В 1938–1940 гг. командир дивизиона эсминцев и начальник штаба Северного флота, затем командующий Каспийской и Амурской военными флотилиями. В 1940–1946 гг. командовал Северным флотом, который во время Великой Отечественной войны вел успешные действия по обороне побережья Баренцева моря, защите наших морских коммуникаций и нарушению вражеских, обеспечивал проводку союзных Северных конвоев, участвовал в наступательных операциях при освобождении Печенгской области и Северной Норвегии. С 1946 г. заместитель начальника, в 1947–1950 гг. начальник Главного штаба ВМФ, в 1950–1952 гг. начальник Морского Генерального штаба и первый заместитель военно-морского министра. В 1952–1956 гг. командовал Балтийским флотом. С ноября 1956 г. – первый заместитель главнокомандующего ВМФ. Награжден 4 орденами Ленина, 4 орденами Красного Знамени, 2 орденами Ушакова 1-й степени, орденом Нахимова 1-й степени, 2 орденами Красной Звезды и медалями.

Несколько десятков единиц хранения насчитывает коллекция личных документов адмирала А.Г. Головко, столетие со дня рождения которого отмечает в 2006 году Военно-Морской флот: наградные документы к отечественным и иностранным наградам, автобиографии, написанные в разные годы, удостоверения личности, одно из них – с подписью И.В. Сталина, мандаты, пропуска, депутатские билеты, адреса, письма, книга мемуаров с дарственной надписью, тетради с конспектами лекций военно-морской академии, материалы о визитах в Великобританию (1955 г.) и Данию (1956 г.), которые возглавлял адмирал. Особенно хочется остановиться на дневниках А.Г. Головко, которые он вел с марта 1941 по июнь 1945 гг., будучи командующим Северным флотом весь период Великой Отечественной войны, значимость которых для историков флота трудно переоценить. Большая часть документов была принесена в дар музею вдовой адмирала – К.Н. Головко в 1962 г. Другая часть, из предметов, находившихся в сейфе в рабочем кабинете А.Г. Головко, поступила в музей в том же году из Управления кадров через адъютанта адмирала капитана П.Е. Чепурнова. Затем, в 2001 г. коллекция пополнилась еще рядом материалов, переданных сыном адмирала капитаном 1 ранга М.А. Головко.

Кузнецов Николай Герасимович [1904 г., деревня Медведки, ныне Устюженского района Вологодской области, – 1974 г., Москва], Адмирал флота Советского Союза (1955 г.), вице-адмирал (1956 г.), восстановлен в звании Адмирала флота Советского Союза посмертно в 1988 г., Герой Советского Союза (14.9.1945 г.). Родился в семье крестьянина. В ВМФ с 1919 г., участник Гражданской войны 1918–1920 гг. Окончил Военно-морское училище (1926 г.) и Военно-морскую академию (1932 г.). В 1934–1936 гг. командир крейсера «Червона Украина» Черноморского флота. В 1936–1937 гг. военно-морской атташе и советник в Испании, руководил советскими моряками-добровольцами в период испанской гражданской войны. В 1937–1939 гг. заместитель, а затем командующий Тихоокеанским флотом. В 1939–1946 гг. нарком ВМФ СССР, председатель Главного военного совета ВМФ (1941 г.). С февраля 1947 г. начальник Управления военно-морских учебных заведений. С июня 1948 г. заместитель главнокомандующего войсками Дальнего Востока по военно-морским силам. С февраля 1950 г. командующий Тихоокеанским флотом, с июля 1951 г. военно-морской министр. С марта 1953 г. 1-й заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий ВМФ. С февраля 1956 г. в отставке. Награжден 4 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды, 2 орденами Ушакова 1-й степени и медалями.

В рукописно-документальном фонде хранится свыше полусотни документов Героя Советского Союза Адмирала флота Советского Союза Н.Г. Кузнецова. Среди них: Указ о присвоении звания Героя Советского Союза от 14 сентября 1945 г., выписка из постановления СНК СССР о присвоении звания адмирала флота, удостоверение личности, удостоверение к нагрудному знаку об окончании ВВМУ им. М.В. Фрунзе, мандаты, удостоверения, пропуска, пригласительные билеты, рукописи, книги Н.Г. Кузнецова – «На далеком меридиане», «Накануне», «Курсом к Победе», и даже список абонентов правительственной автоматической связи. Документы Н.Г. Кузнецова появились в коллекции Центрального военно-морского музея также благодаря его семье – они были переданы в дар его вдовой В.Н. Кузнецовой в 1988 г.

Юмашев Иван Степанович [27.9(9.10). 1895 г., Тбилиси, – 2.9.1972 г., Ленинград], адмирал (1943 г.), Герой Советского Союза (14.9.1945 г.). Родился в семье железнодорожного служащего. В ВМФ с 1912 г., матрос и

унтер-офицер на Балтийском флоте. В феврале 1919 г. добровольно вступил в советский ВМФ, участник Гражданской войны 1918–1920 гг. на кораблях Волжско-Каспийской флотилии. Окончил специальные курсы состава флота (1925 г.), тактические курсы командиров кораблей при Военно-морской академии (1932 г.). Командовал эсминцем, крейсером, дивизионом эсминцев, бригадой крейсеров. С сентября 1937 г. начальник штаба, с января 1938 г. командующий Черноморским флотом. С марта 1939 г. командовал Тихоокеанским флотом, участвовавшим в разгроме войск империалистической Японии в 1945 г. С января 1947 г. заместитель министра Вооруженных сил СССР, Главнокомандующий ВМС, с февраля 1950 г. военно-морской министр СССР, с августа 1951 г. начальник Военно-морской академии. С 1957 г. в отставке. Награжден 6 орденами Ленина, 3 орденами Красного Знамени, орденом Красной Звезды и медалями.

Коллекция личных документов Героя Советского Союза адмирала И.С. Юмашева также насчитывает несколько десятков единиц хранения. В основном это удостоверения, депутатские и членские билеты, анкеты, автобиографии, написанные в разные годы, поздравительные адреса. Часть из них поступила в музей от самого адмирала в 1963 г. через научного сотрудника Ж.Н. Кулакову. Другая часть была передана музею уже после смерти адмирала в 1976 г. его семьей.

Коллекции личных документов особенно ценны тем, что позволяют не только проследить личные судьбы людей, но через них и различные этапы истории флота, да и всей страны.

Очень многое сделал для флота Николай Герасимович Кузнецов, ставший в 1939 г. наркомом ВМФ и обладавший ярким флотоводческим талантом. Он сумел приостановить обескровливание флотских кадров и даже, рискуя собственной головой, добился возвращения на флот части репрессированных. Этот человек понимал, что воевать придется в сложных условиях, а не так, как предполагалось по предвоенным планам. Именно благодаря Кузнецову, заранее (21 июня 1941 года) отдавшему своей властью приказ по флоту о полной боевой готовности, ни один советский боевой корабль не был потоплен или поврежден 22 июня в результате внезапного нападения. Ничего подобного Перл-Харбору советский флот не испытал. Адмирал А.Т. Чабаненко (командовавший после Великой Отечественной войны Северным флотом) говорил: «Молодому П.С. Нахимову было записано в аттестации: “Чист душой и море любит”». По отзывам сослуживцев это целиком относится и к Н.Г. Кузнецову. Ему было чуждо самодовольство, свойственна принципиальность в решении служебных дел, высокая требовательность к себе и подчиненным. В нем видели достойный для подражания пример – каким должен быть военачальник. Он внимательно выслушивал мнение, несоответствующее с его мнением, вникал, разбирался, и, если того требовала обстановка, пересматривал решение. С ним было удобно работать, в суть вникал быстро, создавалось благоприятная для откровенного разговора обстановка, что очень важно в работе».

Наполнена и в тоже время трагична судьба адмирала Л.М. Галлера, выпускника Морского корпуса, начавшего службу в царском флоте, служившего в Красном флоте и, наконец, в советском ВМФ, профессионального военного моряка, в самых тяжелых условиях оставшегося человеком чести и совести.

Самым молодым командующим флотом в годы войны был адмирал А.Г. Головкин, принявший Северный флот в возрасте 34 лет в 1940 г. О нем известный командир-подводник Г.И. Щедрин сказал: «Самым молодым флотом командует самый молодой по возрасту командующий... Нас удивляет его работоспособность. Он находит время, чтобы проводить в поход и встретить из похода почти каждый корабль, когда бы он ни возвращался. Успевают бывать на аэродромах, батареях... Нам кажется, именно таким должен быть командир для своих подчиненных, как для нас Головкин...». А вот что вспоминал адмирал В.М. Гришанов: «Командующий досконально знал флот во всем его многообразии, к тому обладал личным обаянием... Как известно, он был прост и доступен. Однако прост не в смысле простодушия. Он обладал тонким, я бы сказал утонченным умом и большой силой воли».

Значима и весома флотская судьба адмирала И.С. Юмашева. Не простым был его путь от юнги на кораблях царского флота в 1912 г., унтер-офицера в 1916 г., красного командира в Гражданскую войну до адмирала советского флота, замминистра Вооруженных сил, главнокомандующего ВМФ, министра Военно-Морского флота.

О перипетиях судеб, взлетах и падениях свидетельствуют документы. Все четыре адмирала были хорошо знакомы, служили одному делу, взаимодействовали при решении служебных вопросов.

На примере коллекций личных документов хотелось показать, что собрание памятников на бумажной основе, хранящееся в ЦВММ, ценно и обширно по временным рамкам (с петровских времен основания флота и до наших дней) и разное по структуре и технике исполнения (рукописные и печатные тексты, книги и газеты, чернила и карандаш, типографский текст). Отсюда вытекают и особенности в решении вопросов хранения, сохранности и экспонирования. Здесь нашим первым советчиком и помощником вот уже более 10 лет является Лаборатория реставрации и консервации документов РАН (ЛКРД РАН). Благодаря высокому профессионализму группы реставраторов, с которыми мы поддерживаем связь через реставратора высшей категории Л.В. Кудоярову, мы решаем вопросы хранения и сохранности документов. Трудно переоценить значимость их помощи в сохранности коллекции. Низкий им поклон за их высокопрофессиональный труд.

По следам голштинских знамен

В июне 1778 г. по именному указу императрицы Екатерины II, «прописанному в письме господина генерал-фельдцейхмейстера и кавалера князя Григория Григорьевича Орлова» на имя гофмейстера И.П. Елагина, Канцелярии главной артиллерии и фортификации было приказано принять в С.-Петербургский арсенал «из ведомства Ораиэнбомской конторы обще для содержания при оных цейхвартерских делах штандартов, знамен и прочих к тому ж подобных вещей...»¹ Ведомость переданных вещей, составленная артиллерии капитаном Карлом Гаком, содержит в алфавитном порядке сотни предметов военного назначения, связанных с именем императора Петра III. Возможно, что поводом для передачи вещей послужили предстоящие перестройки в Ораниенбауме².

Согласно ведомости в арсенал поступило 16 голштинских знамен «разных сортов и материй, в том числе с кистями 5, с кистями же и шитых шолком 4, бес кистей 7, ис коих старое з золотую бохромоу – одно, шитое шолком – одно, да у одного кругом бохрома». Кроме того 26 знамен «разных же сортов, что птицу растреливали, в том числе без шишек – 2; таких же, что в Оранинбоме растреливали птицу, бес кистей – два»³. Вот об этих необычных 28 знаменах и пойдет речь в данной статье.

Современникам было известно, что в Арсенале ораниенбаумской крепости «Петерштадт» «...хранились знамена голштинского отряда, шитые по оранжевому гродетуру разноцветными шелками, лежал также прусский мундир голубой с белыми лацканами, великого князя Петра Федоровича, и хранился еще образ Господа Саваофа, шитый Екатериной Алексеевной шелками по желтому бархату», и что «в 1792 г., когда гром шведских пушек достигал до Ораниенбаума, приказано было все украшения из дворца увезти в Петербург...», а также «сдать арсенал голштинских вещей – в Арсенал петербургский...»⁴ Не исключено, что события русско-шведской войны повлияли на решение Екатерины II окончательно расстаться в 1792 г. с Ораниенбаумом, где слишком многое напоминало ей о Петре III и передать Большой дворец со всеми службами и Петерштадтской крепостью Морскому кадетскому корпусу⁵.

18 сентября 1792 г. в Канцелярию главной артиллерии и фортификации была прислана «Опись, сколько в Ораниенбаумском цейхгаузе состоит разных вещей», содержание которой свидетельствует, что это были в большинстве поломанные, ветхие, не имеющие особой ценности предметы, не переданные в 1778 г. Для хранения в арсенале было отобрано около десятка вещей, и среди прочего «знамя, по оранжевому гранитуру шитое разными шелками, неоконченное, начато вышивать россейской герб» и «флагов крепостных – 5»⁶.

Таким образом в общей сложности из Ораниенбаума в арсенал поступило в 1778 и 1792 гг. пятьдесят различных знамен, флагов и штандартов.

Согласно «Описанию артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов» 1862 г. в Кабинете Петра III находились кроме барабанов, пушек и оружия еще три шкафа (№№ 6,7,8) с голштинскими вещами и знаменами (валовая нумерация 1000–1085)⁷. Мы насчитали в списке 60 различных знамен и штандартов, в том числе четыре знамени лейб-гвардии Семеновского полка и один штандарт лейб-кирасирского полка⁸. Очевидно, в Ораниенбауме началось изготовление новых знамен для гвардейских полков после вступления на престол Петра III, т.к. часть их содержит в оформлении «семь гербов герцогства Голштинского»⁹.

В пояснении к списку содержимого шкафов сказано: «Знамена, описанные в статьях с 602 по 608, бывшие военные голстинского герцогства, а в статьях с 608 по 627¹⁰ невоенные, употреблявшиеся при празднованиях стрельбы охотников в птицу. Все эти знамена привезены из Голстинского герцогства Императором Петром III при приезде его в Россию, а в арсенал поступили из Ораниенбаумской конторы в 1778 г.»¹¹

Это примечание не отличается особой точностью. Например, упомянутые выше 5 крепостных флагов, поступивших в 1792 г., не обозначены в «Описании Достопамятного зала» как «крепостные», но определенно объединены между собой валовой нумерацией, ораниенбаумской символикой и материалом:

№ 599/1057 – «Знамена, два, шерстяные; одно красное, а другое оранжевое; с ораниенбаумским гербом;

№ 598/1058 – одно, шелковое, белое, с изображением триумфальных ворот, государственного и ораниенбаумского гербов;

№ 1480/1059 – флаги, два, шерстяные, белые, с нашитыми на них из шерстяной же синей материи триумфальными воротами и грубо рисованными государственным и ораниенбаумским гербами»¹².

С большой долей вероятности можно идентифицировать эти флаги как принадлежность потешных крепостей Катариненбург и Петерштадт, построенных Великим князем Петром Федоровичем в Ораниенбауме.

В связи с прибытием в Россию в 1742 г. 13-летнего принца Карла Петера Ульриха, будущего наследника российского престола, нам не удалось найти упоминаний о привезенных им с собой каких-либо голштинских знаменах. Очевидно, знамена Достопамятного зала имеют иное происхождение.

О пристрастии Великого князя Петра Федоровича ко всему военному написано немало, тем не менее обратимся к некоторым фактам. По запискам его воспитателя Якоба Штелина, с лета 1744 г. в Петергофе «...иногда для удовольствия великого князя устраивали маленькую охоту. Он выучился при этом стрелять из ружья и дошел до того, что мог, хотя больше из амбиции, чем из удовольствия, застрелить на лету ласточку...»¹³ Одним словом, он стал отличным стрелком. Только с лета 1746 г., проведенного в Ораниенбауме, у него «...в первый раз высказалась в большом размере страсть к военному (militaere marotte)...», которая вылилась в устройство роты из придворных кавалеров и прочих окружающих: «Он сам – капитан, князь Репнин – его адъютант»¹⁴. Упражнения в стрельбе не прекращались и в зимние месяцы. Ж.-Л. Фавье в записках «Русский двор в 1761 году» пишет, что на протяжении 8 месяцев, которые Великий князь проводит в Зимнем дворце, он «...забавляется там стрельбой в цель, чему

предается, может быть, с излишней страстью, но это не бесполезно для его здоровья в климате, где господствует скорбунт»¹⁵.

В 1745 г., когда по достижении совершеннолетия Великий князь Петр Федорович вступил в права герцога Голштейн-Готторф, герцогство имело под ружьем 381 человека батальона инфантерии и драгунский корпус. В 1751 г. корпус был преобразован в полк в составе 4 рот, а инфантерия была разделена на два батальона: «Великой княгини» («Grossfürstin») и «Цере фон Мантойфеля». 8 ноября 1751 г. Петр Федорович назначил свою супругу Великую княгиню Екатерину Алексеевну генерал-майором и шефом Ее Императорского Высочества Великой княгини батальона, в котором числилось 17 офицеров, расквартированных в Киле¹⁶. Одно из знамен в Описании Достопамятного зала безусловно связано с именем Екатерины: № 597/1055 – «шелковое, розовое, с ораниенбаумским гербом, в углах вензель “Е.А.”»¹⁷.

По мнению некоторых исследователей, императрица Елизавета разрешила Великому князю вызвать в Россию голштинский корпус в составе 1500 человек после рождения его сына Павла (20.09.1754)¹⁸. В немецких источниках название «гарнизон Ораниенбаум» появляется также в конце 1754 г. Для прибывших в Россию солдат и офицеров во вновь построенной в 1756 г. крепости Петерштадт были устроены казармы и вызван из Голштейна лютеранский проповедник. Несмотря на то, что солдатские жены с детьми остались на родине, немецкая община Ораниенбаума постепенно разрасталась, не в последнюю очередь за счет прибывающих тайком, вопреки строжайшему запрету, ко двору Великого князя его голштинских чиновников и придворных, а также за счет пополнения гарнизона прибалтийскими немцами. Поддерживая немецкие обычаи и традиции, Петр Федорович организовал «Ораниенбаумскую стрелковую гильдию» («Oranienbaumer Schützengilde»), которая проводила ежегодный праздник «стрельбы в птицу» («Vogelschiessen»). В 1759 г. для Ораниенбаумской стрелковой гильдии было доставлено из Голштейна для изготовления знамени «11 эллен кармазинового гродетюра, а также 6 барабанов, 6 пар барабанных палочек, 6 гарнитуров квер-флейт, 8 эспантонов и столько же прямых, коротких охотничьих ножей («Kurzgewähr»)»¹⁹.

Из Описания Достопамятного зала известно, как выглядели два знамени Ораниенбаумского общества стрелков: «двойной шелковой материи, одно белое, а другое малиновое. На одной стороне Ораниенбаумский герб, т.е. оранжевое дерево с плодами, а на другой вензель “С.А.”». В описи имеется еще одно «невоенное» знамя с тем же вензелем: № 602/1060 – «голштинское шелковое белое с изображением на обеих сторонах двух ангелов, поддерживающих корону и лавровый венок, в коем вензель “С.А.”»²⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что изображение двух ангелов, поддерживающих серебряную корону в колесе, помещалось над золотым медальоном с красным «пламенеющим» крестом в звезде Ордена Святой Анны, основанного 3/14 февраля 1735 г. отцом Петра Федоровича, герцогом Карлом Фридрихом, в память умершей супруги Анны Петровны²¹. Вероятно, святой покровительницей Ораниенбаумского общества стрелков являлась Святая Анна, что соответствует принятому в то время сокращению ее имени «С.А.».

Косвенное подтверждение данного тезиса можно усмотреть в истории возникновения стрелковых гильдий в Германии. Ранние средневековые гильдии в Европе были религиозными братствами, носившими обычно имена их святых патронов. С XIII в. в северо-западных германских княжествах начали возникать бюргерские гильдии, целью которых была самооборона населения от шаек грабителей, а также взаимопомощь в случае нужды, голода, пожара, эпидемий и т.п. Параллельно с этим появились гильдии как профессиональные объединения ремесленников и торговцев, которые назывались также цехами. Светские гильдии в большинстве получали название по дню основания или по дню проведения традиционного праздника стрельбы в птицу. Наряду с благотворительной деятельностью, актами взаимопомощи и военной подготовкой гильдии осуществляли и ряд функций общественного самоуправления. Понятие «гильдии» включало «...акцентирование регулярной ритуализированной общественной жизни и выделяло тем самым определенную постоянную группу людей»²². В уставах гильдий были четко определены обязанности «братьев» и «сестер»: количество дней безвозмездной помощи в случае пожара и объем выплаты пострадавшему, устройство достойного погребения умершего члена гильдии и его домашних, включая колокольный звон, обязательное участие в санитарных мероприятиях во время эпидемий под угрозой «потери своего честного имени», соблюдение правил общественного порядка и многое другое. Некоторые функции постепенно отмирали, по мере возникновения страховых обществ. Оплата различных взносов и штрафов зачастую исчислялась в бочках пива. Например, вступление в Бюргерскую гильдию Ноймюнстера сопровождалось взносом в размере стоимости полбочки пива, а за выход из гильдии надо было оплатить бочку²³.

Главный ежегодный праздник гильдий – «стрельбы в птицу» (Vogelschiessen) – проводится и до настоящего времени, как правило в июне, на неделе после Троицы (Pfingsten). В этот день демонстрировалось не только умение стрелять, но и единство членов гильдии между собой: в совместном застолье с использованием серебряных сосудов и предметов из так называемых «гильдейских сокровищ» (Gildenschatz), в ритуале приема новых членов с обязательным осушением большой дозы пива из специального кубка «добро пожаловать» (Willkomm), в музыке и танцах, в угощении гостей особыми сортами пива, свободного от налогов, что являлось привилегией гильдии.

Как происходила стрельба в птицу, можно описать на примере одной из старейших гильдий, существующих до настоящего времени, «Большой зеленой стрелковой гильдии» города Кила, основанной в 1412 г. Во вторник после Троицы члены гильдии собирались после церковной службы в доме гильдии и совместно завтракали за счет «стрелкового короля» (Schützenkönig). Затем проводилась жеребьевка среди участников соревнования, после чего вооруженные стрелки маршировали под звуки барабанов и флейт со знаменем гильдии на «стрелковый луг». Там заранее был установлен укрепленный распорками высокий шест, так называемое «дерево», на верхушке которого была укреплена вырезанная из дерева раскрашенная мишень в виде птицы с расправленными крыльями и лапами. Во время стрельбы полагалось соблюдать очередность в поражении цели. Стрелок, сбивший крыло птицы, мог получить, например, в качестве промежуточного приза серебряную ложку. Стрельба продолжалась до тех

пор, пока кто-либо «королевским выстрелом» не сбивал птицу и она падала. «Стрелковый король» был обязан отремонтировать сбитую птицу или сделать новую к следующему празднику. Как знак королевского достоинства он получал королевскую цепь с подвеской в виде серебряной птицы. По окончании стрельбы все маршировали обратно в дом гильдии, где в танцевальном зале было выставлено угощение. На следующий день «братья и сестры» забирали короля из его дома и под музыку провожали в гильдейский дом на праздничный обед, для которого новый стрелковый король представлял хлеб, табак и трубки. Разлив пива продолжался до 9 часов вечера, после чего по желанию члены гильдии могли оплатить следующую бочку пива сами²⁴.

Первоначально в гильдиях стреляли из арбалетов по мишени, изображавшей попугая, вследствие чего эти гильдии назывались «попугайными» (Papageiengilde). В Описании Достопамятного зала имеются пять шелковых знамен с изображением попугая (№№ 613/1071 – 615/1073 и 623/108, 626/1084), четыре из них голубые, а одно – белое. Хотя все они названы «голландскими», следует сказать, что геральдическими цветами Голштейна были красный и белый (серебряный), а Шлезвига – голубой и желтый.

«Кильская стрелковая гильдия 1412 г. называлась сначала “попугайной”. То, что она впоследствии была названа “зеленой”, очевидно связано с тем, что стрелки, как и охотники, издавна носили зеленый цвет»²⁵. Имеющееся в Описании Достопамятного зала под № 608/1066 «очень ветхое» шелковое белое знамя, «на коем видны остатки изображений лошади и всадника в зеленой одежде»²⁶, когда-то, возможно, принадлежало «Большой зеленой стрелковой гильдии» города Килья.

Время блестящего расцвета стрелковых гильдий в Голштейне пришлось на период правления герцога Карла Фридриха (1702–1739). В результате неудачного окончания Северной войны (1700–1721) ему пришлось уступить свои шлезвигские владения Дании. Киль стал резиденцией оставшейся «готторфской части» герцогства. Во время пребывания герцога в России, где он женился в 1725 г. на дочери Петра I Анне Петровне, Карл Фридрих даровал стрелковому королю Зеленой гильдии годовое освобождение от контрибуций и постоянной повинности, а месяц спустя, 23 мая 1725 г., сам стал стрелковым королем гильдии. Королевский выстрел за него произвел, как это было принято, кильский чиновник («Kammer-President») Иоахим Отто фон Бассевитц. Он же собственноручно передал герцогу королевские регалии в С.-Петербурге. «Позднее это происходило многократно, когда вместо владетельной персоны королевский выстрел производил кто-то из лучших стрелков гильдии. Иначе не объяснить, как мог в 1732 году тогда еще 4-летний наследный принц Карл Петер Ульрих стать стрелковым королем»²⁷.

В 1726 г. Зеленая гильдия получила от герцога в подарок подвеску для королевской цепи взамен сломанной: отлитую из серебра позолоченную птицу в короне, украшенной 8 рубинами и алмазами, с алмазным вензелем «С.Ф.» на груди. По возвращении в 1727 г. в Киль герцог Карл Фридрих, за неимением сколько-нибудь значительного войска, начал усиленно заниматься военной подготовкой членов стрелковых гильдий. Гильдейских стрелков так сильно муштровали на плацу, организованном в парке Кильского замка, что они уже подумывали, не слишком ли дорого обходится им милость господина. В 1735 г. герцог подарил гильдии великолепный бокал с крышкой, украшенной восьмидужной короной. На бокале были выгравированы имена всех герцогов готторфского дома, начиная с герцога Адольфа (1544 г.), включая наследного принца Карла Петера Ульриха²⁸. Одновременно Карл Фридрих подписал новый устав (Gilderolle) Зеленой гильдии и назначил себя президентом гильдии, а наследного принца и своего двоюродного брата Фридриха Августа Голштейн-Готторфского – вице-президентом.

После смерти отца (1739) и вызова в Россию, будущий Петр III не выпускал из поля зрения Зеленую гильдию. Не без влияния Тайного правительственного совета, заседавшего в Кильском замке, русская императрица Елизавета Петровна стала стрелковой королевой в 1744 году, т.е. в год совершеннолетия Петра Федоровича. В 1748 г. гильдия вновь сделала его своим королем. В 1756 г. стрелковым королем стал 2-летний наследник российского трона, Вел. кн. Павел Петрович, а в 1764 г. управлявшая Голштинией после смерти мужа от имени сына Екатерина II также удостоилась чести стать стрелковой королевой²⁹. Кильская гильдия была далеко не единственной, хотя возможно и наиболее привилегированной «столичной» гильдией: ее стрелки составляли почетный герцогский эскорт во время церемониальных шествий и выставляли охрану у спальни герцога во время его пребывания в Кильском замке.

Исследователи сходятся во мнении, что с 1735 г. произошла «милитаризация» голштинских стрелковых гильдий, их число значительно возросло за счет вновь созданных, а личный состав старых гильдий увеличился, что привело к разделению их на несколько «рот». Готтофская часть герцогства Голштинского в так называемый «период великокняжеского правления» (до 1773 г.) была разделена на 9 округов, амтов (Amt), в каждом из которых, помимо городов (Киль, Нойштадт и Ольденбург) и местечек (Flecken), во многих деревнях «ландшафта Северный Дитмаршен» на берегу Северного моря также существовали старинные стрелковые гильдии. До 1559 г., когда герцог Адольф Голштинский завоевал и сжег Хайде, главный город Северного Дитмаршена, это была территория свободной крестьянской республики, наподобие Новгородской. Об этом, как чудо, напоминает огромная рыночная площадь в Хайде (27 000 кв. м), где с 1434 г. происходили общеземельные собрания вольных крестьян, упорно отстаивавших свою независимость перед лицом своих воинственных соседей³⁰. В память завоевания Северного Дитмаршена (Южный Дитмаршен отошел Датской короне) голштинские герцоги поместили в своем гербе «золо-

Император Петр III

того с подъятым мечом всадника не серебряном коне». Эта геральдическая фигура присутствует на знамени № 619/1077 из Описания Достопамятного зала: «шелковое, белое, на середине рыцарь в золотых латах на белом коне, в углах корона с прорезью в нее лавровой ветвью», что дает основание атрибутировать его как знамя Северного Дитмаршена³¹.

Яркие воспоминания о традиционных стрелковых праздниках сохранились у юного Великого князя Петра Федоровича благодаря его личному участию в них вместе с отцом, например в 1736 г. в Ноймюнстере, где с 1578 г. существовали две гильдии: Святого Якоба (Jakobygilde) и Гильдия бюргеров (Bürgergilde), которые по очереди устраивали ежегодный праздник стрельбы в птицу. 23 августа / 3 сентября 1725 г. герцог Карл Фридрих подписал в С.-Петербурге указ об освобождении стрелкового короля Большой гильдии Ноймюнстера от податей за тот год, в который проводилась стрельба, а 25 апреля 1726 г. было повелено выдавать из казны по 16 талеров в год в пользу той гильдии, из которой происходил очередной король. В 1735 г. герцог объявил себя «особым патроном» («Schutzherr Spetiatim») Бюргер- и Якоби-гильде и подарил им «золотой щит» с короной, инициалами «С.Ф.» и датой «1735», а также знамя и серебряный кубок. Золотой щит до сих пор украшает королевскую цепь.

В празднике 1736 г., отличавшемся особой пышностью, в шествии участвовал также герцогский Корпус Грандмушкетеров («Grandmusketairs») в составе 18 человек во главе с капитаном. Они маршировали впереди стрелков и несли «красное личное знамя» герцога («rote Leibfahne»), были вооружены эспантонами (род алебарды) и короткими пиками, были одеты в праздничную униформу с большими круглыми воротниками. Герцог Карл Фридрих принимал участие в стрельбе и стал «птичьим королем» Якоби-гильде³². (Королевский выстрел за него произвел камергер Берггольц.) В 1739 г. после смерти герцога Корпус Грандмушкетеров прекратил свое существование, но гильдия переняла французские названия «капитан» и «лейтенант» для председателя и его заместителя.

28 сентября / 9 октября 1751 г. Великий князь Петр Федорович утвердил Устав Бюргер-гильде 1747 г. Разумеется, он не мог забыть стрелкового праздника 1736 г., а в памяти гильдейских братьев сохранилось, что юный принц, как и его отец, прекрасно владел нижненемецким народным диалектом (Plattdeutsch). Со смертью Петра III стрелковые гильдии Ноймюнстера утратили прежний блеск, но их традиции не были забыты. В списке стрелковых королей под 1767 г. стоит имя Великого князя Павла Петровича.

В «Хронике Якоби-Бюргер-гильде города Ноймюнстер 1578 года», составленной Генрихом Брунстампом, имеется упоминание под 1755 г. о «старом, нуждающемся в ремонте флаге», который был белым с голубым щитом в центре. В 1735 г. наряду с пожалованным совместно обеим гильдиям личным герцогским красным флагом каждая из гильдий получила еще по одному голубому знамени, на передней стороне которого находился вызолоченный вензель «С.Ф.», а на оборотной стороне – герб Амта Ноймюнстер: слияние двух рек Штер и Швале на рассеченном щите, обрамленном крапивным листом, над которым находились пять павлиньих перьев и флаг с позолоченным древком³³. К сожалению, ни одно из четырех названных знамен стрелковых гильдий города Ноймюнстер не упоминается в Описании Достопамятного зала, хотя имеются документальные подтверждения того, что одно из них (по сведениям «Хроники...» – красное личное герцогское знамя) было доставлено в Петербург.

26 апреля 1760 г. Тайный правительствующий совет в Киле получил приказ Великого князя Петра Федоровича от 21 марта / 1 апреля того же года, «чтобы со всех употребляемых знамен, находящихся во владении стрелковых гильдий, как в городах, так и в местечках герцогства Голштинского, были сделаны копии и, по одному каждого сорта, предстоящей весной должны быть отправлены в С.-Петербург»³⁴. Уже 11 сентября 1760 г. последовало всеподданнейшее донесение, что Ренте-Камера в Киле спешит отправить в Петербург 8 флагов, которые уже успели изготовить. К донесению был приложен список знамен: одно знамя Ноймюнстерской гильдии (в футляре), 3 знамени в одном футляре из городов Северного Дитмаршена (Попугайной гильдии г. Хайде, гильдии г. Лундена и гильдии г. Веддингштедта) и еще одно знамя из Дитмаршена, упакованное в провощеную ткань. Остальные знамена было обещано выслать, как только они поступят³⁵.

Из донесения ландес-фогта Северного Дитмаршена Х. Паульсена от 31 августа 1760 г. на имя Петра Федоровича узнаем, что «Стрелковая и Попугайная гильдии здешнего городишки Хайде и местечка Лунден, а так же равных им Хеннштедта, Дельве, Веддингштедта и Палена уже доставили свои знамена, а так как в ближайшие дни должен отправиться из Кили корабль в С.-Петербург, то решено отправить уже готовые знамена, а копии недостающих, из Вессельбюрена, Бюзума и Теллингштедта, отправить следом при первой возможности». Однако из Кили первые 9 знамен из Северного Дитмаршена были отправлены не ранее 22 ноября 1760 г.³⁶

Следующее донесение об отправке знамен гильдий Северного Дитмаршена и города Нойштадт поступило на имя обер-камергера Брокдорфа 18 августа 1761 г. Каждое знамя, завернутое в провощеную ткань, помещалось в запечатанном футляре. Знамена были упакованы в три нумерованных ящика, обозначенных буквой «Р.» под короной. Присматривать в дороге за сохранностью ценного груза было поручено отправлявшимся на том же корабле в Петербург голштинским дворянам фон Вольфу и де Брюйеру³⁷.

Описания знамен в донесениях отсутствуют, однако на основании имеющейся литературы можно предположить, что из города Лунден были отправлены 2 знамени: Птичьей гильдии (Vogelgilde), или так называемой «Гильдии роговых братьев» (Gilde der Hornbrüder), а также знамя основанной в 1508 г. для поддержки бедных Гильдии Святого Панталеона (Panthaleongilde); из Дельве – два – Птичьей гильдии, прекратившей свое существование в 1793 г., и «прежней Гильдии моряков любителей стрельбы» (Lustgilde der Schiffer)³⁸. Из других местечек Северного Дитмаршена, вероятно, поступило по одному знамени, атрибутировать которые не удалось.

Гораздо больше известно о том, как выглядели знамена стрелковых гильдий города Нойштадт, расположенного на берегу Балтийского моря. Получив великокняжеский приказ об изготовлении копий знамен, депутаты от бюргеров города донесли 14 мая 1760 г., что у них имеется три знамени:

первое, «герцога Христиана Альбрехта, сверху красной, а внизу белой тафты, на котором нарисованы два ангела, которые поддерживают большой лавровый венок над ... короной, в котором помещены инициалы «С.А.» с

девизом: “Per adversa ad astra” (Через тернии к звездам) вместе с крапивным листом. А внизу находится девиз: “Ein tapferes Hērz hält Stand in Glück- und Unglückes-Fällen, es scheuet keine Nots, durchdringet starke Wellen” (Смелое сердце сохраняет стойкость в счастье и несчастье, не боится никакой нужды, преодолевает бури). Наверху над короной стоит дата – 1681 год. Это знамя разорвано и очень запачкано.

Другое знамя – Его Королевским Высочеством герцогом Карлом Фридрихом подаренное, голубой и красной тафты, а щиты, на которых городской герб нарисован – белой тафты.

Третье – светло-голубой тафты, на котором /вензелевое/ имя Вашего императорского высочества, вышитое золотым и серебряным галуном»³⁹.

Приложив к письму рисунки двух последних знамен, депутаты просили разъяснить, должны ли быть изготовлены копии старых флагов такими, какие они есть («in natuga») и откуда должны быть покрыты расходы на их изготовление, так как горожане «очень отягощены в этом году содержанием солдат, расквартированных в городе», а копии знамен должны быть заказаны в Гамбурге или Любеке.

Хотя ответ на это прошение в архиве не обнаружен, из сравнения данных описаний знамен с Описанием Достопамятного зала можно предположить, что копии знамен не всегда были абсолютно точны. Первое из упомянутых знамен можно лишь с большой натяжкой сравнить с № 602/1060, т.к. оно шелковое, белое, а не красно-белое, и девизы и дата на нем отсутствуют⁴⁰. Зато описание второго и третьего знамен полностью совпадают:

– № 606/1064 – «шелковое, верхняя половина красная, а нижняя голубая, на середине вензель “С.Ф.”, а внизу лодка с красным флагом и двумя гребцами». (Лодка с двумя гребцами является принадлежностью герба города Нойштадт до настоящего времени.)

– № 621/1079 – «шелковое, голубое, на середине коего вензель “P.V.”, составленный из нашитого серебряного и золотого позумента»⁴¹.

Известно, что в Нойштадте существовали две так называемые «Похоронные» гильдии (Totengilde), основанные в 1706 и 1745 гг. и являвшиеся довольно распространенной разновидностью стрелковых гильдий. Главной задачей этих гильдий являлось вспомоществование в случае смерти кого-то из ее членов. Праздник стрельбы в птицу проводится в Нойштадте с 1723 г.⁴²

30 мая 1761 г. старейшины и настоятели Старой Ольденбургской гильдии Святого Иоханнеса (Alte Oldenburgische St. Jochannis Beliebung, основана в 1192 г.)⁴³, отправляя в С.-Петербург копию своего старинного знамени, написали пятистраничное прошение на имя Великого князя с просьбой закрепить за этой гильдией привилегию пользования гильдейским лугом. Дело было в том, что в последние 200 лет эта гильдия была единственной, пока незадолго до своей смерти герцог Карл Фридрих не организовал новую стрелковую гильдию по образцу старой. Он пожаловал ей знамя и другие регалии, с тем чтобы обе гильдии во время общественных мероприятий выступали совместно «двумя дивизионами», так же и при стрельбе в птицу, когда создавался объединенный «корпус». Победитель, сделавший королевский выстрел, получал возможность не только сохранять у себя серебряный кубок, но и право пользования в течение года гильдейским лугом. Так как этот луг изначально являлся собственностью старой гильдии, возникла спорная ситуация, разрешить которую мог только правящий герцог. Что ответил своим подданным Великий князь, остается неизвестным. Копия другого знамени, которым покойный герцог Карл Фридрих лично одарил новую Ольденбургскую гильдию и оригинал которого хранился в городской ратуше, была отослана в Киль 1 июня 1761 г.⁴⁴ Таким образом установлено, что из Ольденбурга были отправлены два знамени: одно – старинной (попугайной) гильдии Св. Иоханнеса, и второе – новой гильдии, основанной Карлом Фридрихом. К сожалению, в сопроводительных письмах отсутствует описание знамен, что не дает возможности выявить их в Описании Достопамятного зала.

Несмотря на то, что других сведений об отсылке в Петербург знамен стрелковых гильдий в архивах обнаружить не удалось, есть косвенная возможность атрибутировать еще несколько знамен. Например, знамя № 611/1069 – «шелковое, состоящее из 2 белых и 2 голубых полос, на середине в венке надпись: «Аппо 1723»⁴⁵, обозначающая год основания гильдии. Единственная известная на сегодняшний день это Какёлерская похоронная гильдия 1723 г. (Kaköhler Totengilde von 1723). Какöh – деревня в окрестностях г. Лютьенбурга близ побережья Балтийского моря, что символизирует чередование белых и голубых полос.

Еще в двух случаях в Описании присутствует дата 1733 год:

№ 617/1075 – «шелковое, голубое, на середине вензель “С.Ф.”, вокруг семь голштинских гербов, внизу 1733 год и еще ниже птица»;

№ 607/1065 – «шелковое, желтое, на котором изображено знамя, разделенное на две половины: в верхней красный вензель “С.Ф.”, а в нижней синий вензель “С.P.V.”, внизу означен 1733 год, а еще ниже голштинский герб»⁴⁶.

Действительно, в Списке «свободных» гильдий, просуществовавших более 100 лет, составленном Северонемецким стрелковым союзом, имеются две гильдии, основанные в 1733 г.: Дамендорфская костоломная гильдия (Damendorfer Knochenbruchgilde) и Козелерская костоломная и похоронная гильдия (Koseler Knochenbruch- und Totengilde)⁴⁷. Главной целью этих гильдий, как видно из их названий, являлась взаимопомощь в случае несчастья или смерти. Деревни Дамендорф и Козел расположены недалеко от Шлезвигской бухты (Schlei) в округе Эжернфёрде, однако определить, какое из знамен принадлежит какой из двух гильдий, пока не представляется возможным.

К сожалению не удалось определить принадлежность «голландского знамени общества стрелков» 1745 г., изображенного на акварели, помещенной в Описании Достопамятного зала (л. 29).

Вступив на российский престол, Петр III попытался реализовать замысел Петра Великого «...поднять мещанское сословие в городах России, чтоб оно было поставлено на немецкую ногу...»⁴⁸. Идея привить на русской почве многовековую немецкую традицию объединения бюргерского сословия и свободных крестьян в гильдии, «братские» сообщества как составную часть системы местного самоуправления, взаимного страхования и обществен-

ного призрения не могла вызывать сочувствия верхушки российского дворянства, видевшего в Петре III лишь опасного чудака и фантазера, что и решило в итоге его судьбу.

Что касается дальнейшей истории его голштинских знамен, то она тоже оказалась не простой. До Октябрьской революции они входили в экспозицию Артиллерийского музея. Во время Великой Отечественной войны, по рассказам старых сотрудников музея, большая часть коллекции знамен сгорела при пожаре в эвакуации. В 1948 г. четыре голштинских знамени были переданы в Эрмитаж⁴⁹. Находящееся в запасниках Военно-исторического музея артиллерии незначительное количество «знамен 1762 года» еще ждет своего исследования.

¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 1045. Лл. 1, 9.

² «Последние крупные работы в Ораниенбауме велись А. Ринальди в 1778–80 гг., когда был разобран почти весь одноэтажный западный флигель Большого дворца со стороны парадного двора и отстроен заново с сохранением первоначального облика». – См.: Раскин А.Г. Город Ломоносов. Л., 1979. С. 10.

³ Архив ВИМАИВиВС. То же. Л. 206.

⁴ Пыляев М.И. Забытое прошлое окрестностей С.-Петербурга. СПб., 2003. С. 364, 366.

⁵ РГИА. Ф. 492. Оп. 1. Д. 148. Лл. 1–13.

⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Арсенальная. Д. 1165. Л. 22.

⁷ Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 44. Лл. 79об.–85.

⁸ Штандарт как принадлежность конных полков – в отличие от знамен пехоты отделялся по краю бахромой.

⁹ Составной частью родового Е.И.В. герба являлся наряду с гербом рода Романовых и «герб шлезвиг-голштинский: щит четверочастный с особою внизу оконечностью и малым на середине щитом. В первой червленой части – герб норвежский: золотой коронованный лев с серебряною алебардою; во второй части – герб шлезвигский: два лазоревые леопардные льва; в третьей червленой части – герб голштинский: пересеченный малый щит, серебряный и червленый; вокруг оного серебряный, разрезанный на три части лист крапивы и три серебряные гвоздя с концами к углам щита; в четвертой части – герб стормарнский: серебряный лебедь с черными лапами и золотою на шее короною; в червленой оконечности – герб дитмарсенский: золотой с поднятым мечом всадник на серебряном коне, покрытом черной тканью; средний малый щит также рассеченный: в правой половине герб Ольденбургский – на золотом поле два червленые пояса; в левой – герб дельменгорский – в лазоревом поле золотой, с острым внизу концом, крест. Этот малый щит увенчан великогерцогскою короною, а весь щит – королевскою». – Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона – Государственный герб.

¹⁰ Цифра 6 зачеркнута, т.к. знамена описаны не подряд. Несмотря на то, что военные знамена не являются предметом данной статьи, укажем еще на одну деталь, важную для отличия «не военных» голштинских знамен. Со времен Петра Первого было установлено, что военные полки должны были иметь по одному знамени в каждой роте. Знамя, состоявшее в первой роте, считалось полковым и было белого цвета, в прочих ротах знамена были разных цветов.

(Таких комплектов в «Описании...» два, оба состоят из одного белого шелкового и трех малиновых – в одном случае знамен, а в другом – штандартов).

¹¹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 44. Лл. 84об.–85.

¹² Там же. Л. 83.

¹³ Штелин. Я. Записки о Петре III. – В кн.: Екатерина. Путь к власти. М., 2003. С. 21.

¹⁴ Там же. С. 29.

¹⁵ Там же. С. 200.

¹⁶ Ландес архив Шлезвиг /далее LAS/. Abt. 8.1. № 1443.

¹⁷ Архив ВИМАИВиВС. То же. С. 82об.

Еще одно знамя «№ 620/1078 – голштинское, шелковое, розовое, на середине белая оседланная лошадь, а внизу 1735 год» помещено в группе «невоенных» знамен и должно принадлежать одной из стрелковых гильдий. Что касается штандарта розового цвета (№ 1684/1040 – «один, голштинского полка 1761 г., шелковый, розовый, шитый золотом, серебром и шелками, на середине в звезде двуглавый орел. На груди коего вензель императора Петра III, внизу вензеля ордена Св. Андрея Первозванного с цепью, в углах арматура, а по краям бахрома», можно лишь предполагать, что переформирование полков после вступления на престол Петра III сохранило цветовую преемственность новых знамен, т.к. еще в 1755 г. в полку «Великой княгини» (в 1760 г. переименован в полк «Принца Вильгельма») существовала кавалерийская бригада. – См.: Heinz Mai. Kriegsvolk – Miliz – Militär. Teil 2 (1723–1773). S. 18–22.

Машинописная копия рукописи книги в LAS. Abt. 399140. № 1.

¹⁸ Jurgen Lafrenz. Schloss Oranienbaum als Sitz des russischen Tronfolgers und späteren Zaren Peter III. – В кн.: Готторфская династия по пути на Российский престол. Каталог выставки. Шлезвиг, 1997. С. 125.

¹⁹ Heinz Mai. Указ. соч. С. 20. Здесь и далее перевод с немецкого – авт.

Elle – старинная немецкая мера длины, различалась в разные периоды, но была всегда меньше русского аршина. Carmoisin Gros de Tour – тяжелая шелковая ткань, изготовлявшаяся в городе Тур во Франции.

Кармазиновый цвет – один из оттенков красного.

²⁰ Архив ВИМАИВиВС. То же. Л. 83.

²¹ H. v. Heuningen, gen. Huene. St.-Annen-Orden – eine gottorfische Stiftung. – В кн.: Готторфская династия по пути на Российский престол. С. 123.

11 полных комплектов одеяния кавалеров ордена Св. Анны вошли в сдаточную опись из Ораниенбаума 1778 г. По первоначальному статуту ордена количество кавалеров не могло превышать 12 персон, включая командора, которым являлся герцог Голштинский. Очевидно недостающий комплект орденового одеяния Петра III был передан его сыну Павлу.

²² M. Bejschowitz-Iserholt. Geselligkeit und Feste: Vogelschiessen, Ringreiten und Rolandreiten.

In: Gilden in Schleswig-Holstein. Vorträge zur Ausstellung in Landesarchiv Schleswig. Schleswig, 2000. S. 159.

²³ Die Bürgergilde in Neumünster seit 1578. Neumünster, 1982. S. 12.

Бочка пива равнялась 137 л.

²⁴ Hedwig Sievert. 550 Jahre Grosse Grüne Schutzengilde in Kiel. Kiel, 1962. S. 33–35.

²⁵ Там же. С. 8.

²⁶ Архив ВИМАИВиВС. То же. С. 83об.

²⁷ Hedwig Sievert. Указ. соч. С. 36.

²⁸ Там же. С. 31. Все исторические предметы до настоящего времени находятся в собственности Большой зеленой стрелковой гильдии г. Киль и используются во время праздничных церемоний при стрельбе в пистол.

²⁹ Там же. С. 39–41.

³⁰ Schleswig-Holstein meerumschlungen in Wort und Bild. Monkopf Reprints, Frankfurt am Mein, 1979. S. 306–315.

³¹ Архив ВИМАИВиВС. То же. Л. 84.

³² Die Bürgergilde in Neumünster seit 1578. S. 14–18.

Звание «птичьего короля» употреблялось наряду со званием «стрелкового короля».

³³ Неоконченная машинописная версия Хроники..., обработанная нынешним архивариусом Якоби-гильде Клаусом Селком, была любезно предоставлена автору статьи после проведенного 7 июня 2006 г. очередного праздника стрельбы в птицу.

³⁴ LAS. Abt. 8.1. № 442.

³⁵ Там же.

³⁶ LAS. Abt. 8.2. № 321.

³⁷ Там же.

³⁸ Henning Oldekop. Topographie des Herzogtums Holstein. Bd.1. Kiel, 1908. Teil VI. S.11, 14, 23, 37, 42, 59, 61.

³⁹ LAS. Abt. 8.2. № 321.

⁴⁰ Архив ВИМАИВиВС. То же. Л. 83.

⁴¹ Там же. Л. 83об., 84об.

⁴² Henning Oldekop. Указ. соч. С. 113–114.

⁴³ Konrad Köstlin. Gilden in Schleswig-Holstein. Göttingen, 1976. S. 50. 292.

⁴⁴ LAS. Abt.8. 2. № 321.

⁴⁵ Архив ВИМАИВиВС. То же. Л. 83.

⁴⁶ Там же. Л. 83, 84. Третья буква «V» в вензеле, скорее всего, является латинской буквой «U» в имени Карл Петер Ульрих.

⁴⁷ Konrad Köstlin. Указ. соч. С. 295.

⁴⁸ Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь». Рязань, 2003. С. 378.

⁴⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 9. Ед. хр. 107. Акт от 25 ноября 1948 г. – Сообщ. И.А. Вознесенской.

Фронтной рисунок.

Обзор графической коллекции Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 годов

С 1986 г. Центральный музей Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. собирает коллекцию фронтной рисунка. Особое место в ней занимают зарисовки, переданные нашему музею через сорок лет после окончания войны самими авторами. К документальным свидетельствам тех героических лет относятся работы художников-участников войны: П.И. Баранова, А.М. Лаптева, Б.В. Щербакова, К.И. Финогенова, П.М. Чернышева, С.С. Урановой; военных корреспондентов, командированных на фронт от Студии военных художников имени М.Б. Грекова: Н.Н. Жукова, П.Я. Кирпичева, Е.И. Комарова, С.М. Годыны, В.К. Дмитриевского. Эстетика этих работ сурова, их реализм прямолинеен и лаконичен, но благодаря этим качествам художественно-документальный материал, собранный на фронте, в тылу, в партизанских отрядах, стал памятью о подвиге народа.

Сегодня в графической коллекции музея более 2000 фронтных зарисовок. Запечатленные в них события – объективный, очень живой и непосредственный источник для воссоздания подлинной истории Великой Отечественной войны. Эти рисунки, полные искреннего чувства, человеческого тепла, наблюдательности, можно сравнить с рассказом о людях, которые воевали и победили. Небольшие карандашные портреты отличившихся бойцов, нарисованные в тесных блиндажах и окопах, печатались во фронтных газетах, потом отсылались домой, где бережно хранились в альбомах как самые дорогие семейные реликвии.

После войны художник П.И. Баранов вспоминал: «У меня сохранился портрет фронтного друга лейтенанта Андреева. Он самый первый в части был награжден медалью “За отвагу”. Мы с Андреевым больше года проработали в части, где занимались в основном рекогносцировкой тех районов, где возводились наши оборонительные линии. Наши части с тяжелыми боями отходили к Волге. В эти дни рисовать почти не удавалось. Позже для Андреева я нарисовал карандашом второй его портрет. Этот портрет Саша послал своей жене и написал, что “рисовался” он в блиндаже в двухстах метрах от немецких траншей. Блиндаж был вырыт в обрыве на берегу Волги. Весь этот обрывистый берег был изрыт землянками и стал почти неуязвимым – немецкие снаряды из города не могли попасть в крутой обрыв берега, а авиация его не бомбила, потому что в пятидесяти – ста метрах, а местами и ближе, проходили уже немецкие траншеи. Саша Андреев погиб при форсировании Днепра, а через некоторое время я получил от его жены письмо, где она просила сообщить подробности гибели Саши и писала, что его портрет семья хранит, как самую дорогую память об отце и муже, и благодарит меня за этот карандашный рисунок». («Военные художники Студии имени М.Б. Грекова на фронтах Великой Отечественной войны». Издательство «Художник РСФСР». Ленинград, 1962 г., стр. 54). Автор этого рисунка Петр Иванович Баранов прошел боевой путь от Волги до Влтавы. Кроме портретов однополчан рисовал он и эпизоды из повседневной армейской жизни.

Работы фронтных художников сохранили для истории портреты не только всем известных героев, но и образы сотен обычных людей, волею обстоятельств оказавшихся на фронте. Они показали их душевную красоту, передавали те качества, которые особенно ярко проявляются во время войны: беззаветная храбрость, воинское умение, священная ненависть к врагу, любовь к Родине.

В напряженные дни боев под Москвой в столице было сформировано множество диверсионно-разведывательных групп. Далеко не всем их участникам довелось вернуться. Многие были схвачены фашистами и казнены. Этой теме посвящено немало графических работ. В коллекции музея есть рисунок «Перед казнью» художника А.М. Лаптева, который с 1942 г. часто ездил на фронт в действующую армию и к партизанам. Позже художник на основе своих зарисовок создает графическую работу «Юный партизан».

Рисунок старшего сержанта, командира взвода связи П.М. Чернышева «Резервы под Дмитровом» (1941 г.) напоминает нам о переброске с восточных границ страны сибирских и уральских полков для защиты столицы.

Живописец Б.В. Щербаков с первых дней войны был в рядах действующей армии, участвовал в подготовке обороны Москвы – командовал взводом саперов. Он сделал на фронте сотни рисунков, среди них портретные зарисовки участников боев на ближних подступах к Москве (старший лейтенант Комаров, ефрейтор Петряев), в которых добивается не только внешнего сходства, а исследует характеры людей, одолевших сильного и коварного врага, что проявилось в немалой степени в боях под Москвой.

К этим работам можно отнести и портрет разведчика И.П. Хохлова, выполненный художником-грековцем Е.И. Комаровым, который по заданию командования находился весной 1942 г. на Западном фронте. Свою работу на передовой Е.И. Комаров начал в отдельном мотострелковом батальоне на обороне переправы через реку Жиздра, в полосе 16-й армии под командованием К.К. Рокоссовского (рисунок «На обороне переправы реки Жиздры». Западный фронт. 1942 г.). Позже художник вспоминал: «Хотелось передать все, как увиделось. И бойцов взвода боепитания, ремонтирующих здесь же, на передовой, поврежденное оружие, и их автомашину с дымящейся трубой от печки в машине, и рукомойник, повешенный на борт машины. И бойцов у повозки, чистящих оружие, и меж деревьев замаскированный танк. Потом в Москве, сразу после приезда с фронта, был выполнен большой рисунок углем. А позднее, через много-много лет закончена автолитография» (Е.И. Комаров. Листы фронтного альбома. Издательство «Советский художник». Москва, 1989 г., стр. 4).

В массе натуральных зарисовок, хранящихся в нашем музее, при всем различии их содержания, документальной и художественной ценности можно выделить главные сюжетно-тематические линии, которые возникли и определились в ходе реальных событий и под их влиянием. Это боевые эпизоды, поведение человека на войне, самые многообразные проявления военного быта: жизнь людей на фронте, в партизанских отрядах, в тылу, в осажденных

городах, в освобожденных деревнях. Что же касается пейзажа, способного выразить самые тонкие переживания, то в нем, пожалуй, с особой пронзительностью проявился драматизм войны, ее жестокость. Природа, служившая фоном и ареной военных действий, изменила свой мирный облик. Вторжение врага на нашу землю, беспощадная борьба с ним, его изгнание – вся долгая эпопея войны оставила на нем уродливые отметины. Кроме Москвы и Ленинграда, художники много рисовали в Севастополе, Новороссийске, Одессе, Керчи, Сталинграде, Мурманске, Курске, Киеве, в освобожденных городах Европы. Их работы фиксировали последствия ожесточенной борьбы за каждую улицу, каждый дом. Но среди страшных руин и пустынных развалин художники подмечали все, что указывало или хотя бы намекало на возрождение. Контраст войны и мирной жизни стал одним из излюбленных мотивов в изображении военного пейзажа.

В конце 1942 г. художники-грековцы подали рапорт с просьбой о командировке в Сталинград. Их зарисовки 1942–1943 гг. запечатлели перерывы улицы, проволочные заграждения, жизнь в траншеях с беспрерывно пробегающими фигурками бойцов, доставляющих боеприпасы, санитаров, склоняющихся над ранеными, пушки противотанковой обороны на боевой позиции. О том, как в ожесточенных схватках метр за метром очищалась от гитлеровцев территория завода «Красный Октябрь», рассказывает рисунок Е.И. Комарова «Наблюдательный пункт 120-го гвардейского полка на фермах завода «Красный Октябрь». Сталинград. Январь 1943 года». Из фронтовых портретов-зарисовок санитаров, связистов, незаметных женщин-солдат, переживших испытание обороной города, несших душевное тепло, помощь раненым, раздававшие горячую пищу и «положенные сто граммов», после войны художник создает графическую работу «Сталинградские официантки» – солдатское спасибо и признание в любви героическим женщинам Сталинграда. Здесь же Е.И. Комаров создает портрет Героя Советского Союза младшего лейтенанта В.Г. Зайцева, легендарного снайпера, которому солдатская молва приписывала ставшие историческими слова: «За Волгой для нас земли нет!».

Наиболее яркие эпизоды фронтовой действительности, врезавшиеся в творческую память, нашли свое образное выражение в дальнейшей работе и других художников. Так из рисунков выпускника Московского художественного института 1941 г., командира саперного взвода на Сталинградском фронте П.И. Баранова возникли после войны серии линогравюр «Сталинградская битва» и «Сталинград – Город-герой». П.Я. Кирпичев также создал после войны серию работ о битве на Волге. Участник обороны Сталинграда П.М. Чернышев запечатлел свои воспоминания в работе «В стенах Сталинграда». Все перечисленные авторы в дальнейшем стали заслуженными художниками России.

Фронтовые зарисовки выполняли роль конкретного факта и точного документа в сводках и очерках о происходящем на фронте. Грековец Б.В. Преображенский в 1943 г. был командирован на Юго-Западный фронт. Ему пришлось по просьбе артиллеристов-разведчиков рисовать панораму противоположного берега, где расположился противник. Он писал после войны: «Я забирался на деревья и с помощью бинокля старался подробно рисовать. Потом все склеил, и получилась лента метра в два. Все увидели, что работа художника нужна и в военном деле. Я был очень рад, что мои рисунки помогли артиллеристам уничтожать врага». Портрет гвардии майора В.А. Егорова создан Б.В. Преображенским 8-го июня 1943 г. в преддверии Курской битвы.

Фронтовые рисунки, созданные художниками во время Курской битвы, зафиксировали конкретные события в момент их свершения. Среди них работы Н.Н. Жукова, К.И. Финогенова, С.С. Урановой, Н.М. Мацедонского, В.С. Житенева, Н.И. Осенева, А.М. Лаптева, рисовавших в районах боевых действий и в тольке что освобожденных городах. Живя среди солдат в окопах и землянках, развезая по фронтовым дорогам, художники имели возможность не только видеть самых различных людей, но и понять и пережить то, что волновало тогда каждого человека. Война была проверкой людей перед лицом смертельной опасности. Обнажалась психология человека, проявлялись подлинные качества личности – все, что в совокупности образует моральный дух армии. Рисунки, датированные 1943 г., выражают главные черты воинов переломного года войны – собранность, сдержанность, уверенность, которая дается осознанием своей силы и достигнутых побед.

Художник К.И. Финогенов, работавший на Орловско-Курском направлении, в графической работе «Они развеяли миф о непобедимости фашизма» запечатлел командира взвода противотанковых пушек А.П. Иванова, удостоенного за подвиг на Курской дуге звания Героя Советского Союза. Грековец В.С. Житенев, работавший по заданию Студии в Степном военном округе, преобразованном в Степной фронт, перешедший 9-го июля в наступление и отбросивший врага на прежние позиции, запечатлел героев этой операции: майора П.М. Гришкова, гвардии капитана А.С. Лукаша и помогавшего отвоевывать захваченные фашистами территории местного жителя Т.С. Кучеренко, лишившегося во время оккупации крова и близких (два сына Кучеренко воевали в Красной армии).

Задуманность интонации, благородная тонкость характеристик отличают портреты художника Студии им. Грекова Р.Ф. Житкова. Среди них – безымянный боец-разведчик Центрального фронта и лейтенант медицинской службы Л.И. Карпуха. Житкову удалось передать общность судеб своих героев. Перед нами люди, для которых война стала неизбежным, ответственным и трудным делом, не терпящим в поведении человека ничего показного.

«Боец-казах» – бывалый солдат с широкоскулым лицом, в его взгляде выражено чувство спокойной уверенности. Автор этого рисунка – художник армейской газеты Центрального фронта «За Советскую Родину» С.Б. Телингатер, он прошел боевой путь от Москвы до Берлина, награжден орденами Красной Звезды и Отечественной войны I-й и II-й степеней.

Фронтовые рисунки С.С. Урановой, гвардии рядовой 31-го артиллерийского полка 2-й гвардейской дивизии, сделанные на огневых позициях Центрального фронта, выделяются среди других работ особой правдивостью, мягкостью и добротой. Полные человеческого тепла «Землянка», «Связист Забродин», «Радист Врублевский» резко отличаются по тональности от некоторых других ее листов, где художница изобразила военную технику: «Батарея на марше», «Орудие немцев, выведенное из строя нашей авиацией». Рисунки Урановой стали летописью боевых действий лета 1943 г. В эту летопись вошла и графика Н.И. Осенева, который в 1943 г. обеспечивал переправы через реки. На материале пережитого на фронте он создал серию графических работ «По дорогам

войны». Лист с названием ««Катюши» на фронтовых дорогах» рассказывает о применении реактивной артиллерии для отражения массированных танковых атак противника на Курском выступе. Напряженную жизнь переднего края обороны на берегу Северского Донца запечатлел волгоградский художник А.И. Бородин в своем рисунке «НП Юго-Западного фронта». В годы войны он был командиром танка, потом командиром 3-го танкового взвода, а после ранения – помощником начальника штаба по оперативной работе.

Мастер политического плаката и военного рисунка Н.Н. Жуков запечатлел фронтовые дороги, мужество, силу и скромность русского солдата. Его графическая работа «Атака» передает то состояние человека в бою, которое трудно выразить словами, но зритель ощущает ярость битвы. В своих работах Н.Н. Жуков рассказывает не только о хладнокровии и выдержке советских бойцов, подчеркивает их деловитость, но и раскрывает войну как тяжелый каждодневный труд, требующий воинского мастерства. Мы видим не просто героев, перед нами – опытные солдаты, прекрасно владеющие своим оружием, специалисты своего дела.

Спецкор «Красной Звезды» Б.Е. Ефимов был одним из самых оперативных газетных карикатуристов. Своей ответственности ему прозорливость, подлинное остроумие и тонкое чувство юмора были справедливо оценены в тылу и на фронте. Новая техника вермахта была метко осмеяна им в газетном рисунке «Битые звери» («тигры» и «пантеры»). Его товарищи по жанру политической сатиры – Кукрыники (М.В. Куприянов, П.Н. Крылов, Н.А. Соколов) – также день за днем высмеивали хвастливые планы гитлеровцев и их фюрера. Пример тому рисунок в газете «Правда» от 5 сентября 1943 г. – «Ни сна, ни отдыха». Талантливой тройке сатириков довелось побывать и на фронтах Курской битвы. В коллекции музея хранятся рисунки Н.А. Соколова «П. Крылов в землянке пишет дневник» и «Бойницы в Курске после отступления фашистов».

9 сентября 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования издала директиву «О быстром и решительном форсировании рек...». В ней, кроме всего прочего, указывалось, что за подвиги по закреплению на плацдармах советские воины должны представляться к высшим правительственным наградам. Всего за форсирование Днепра к званию Героя Советского Союза было представлено 2605 человек.

В музейной коллекции фронтового рисунка есть портреты восьми участников этой стратегической операции, из которых трое – Герои Советского Союза.

Мозжаров Иван Иванович – механик-водитель танка 208-го танкового батальона (22-я гвардейская танковая бригада 5-го гвардейского танкового корпуса Воронежского фронта). Гвардии старшина Мозжаров в числе первых форсировал реки Десну и Днепр, участвовал в боях по захвату и расширению Букринского плацдарма на правом берегу Днепра. Умело маневрируя танком, обеспечивал командиру управление батальоном в бою.

Висящев Александр Иванович – телефонист 1266-го стрелкового полка (385-я стрелковая дивизия, 50-я армия, 2-й Белорусский фронт). Рядовой Висящев в составе десантной группы 27 июня 1944 г. преодолел Днепр в районе деревни Дашковка Могилевской области и в течение дня отражал многочисленные контратаки противника, обеспечивая форсирование реки батальоном. В боях за удержание и расширение плацдарма участвовал в штурме вражеских опорных пунктов.

Оба эти рисунка созданы в 1944 г. художником армейской газеты «За Советскую Родину» С.Б. Телингатером, которому тоже приходилось преодолевать реку под огнем противника.

Грицев Иван Иванович – сапер 109 отдельного инженерного саперного батальона (57-я армия Степного фронта). Будучи рулевым и старшим расчета, он успешно доставил десант на правый берег Днепра. В ночь на 26 сентября 1943 г. за 17 рейсов перевез под сильным огнем 172 бойца, 4 пушки, 6 минометов и комплект боеприпасов, затем переправлял артиллерию, минометы и другую технику на пароме. Автор этого рисунка П.И. Баранов. Большинство рисунков Петра Ивановича не сохранилось, художник отдавал их на армейские выставки, во фронтовые газеты, дарил бойцам. Но после войны автор по памяти восстановил свои фронтовые впечатления в нескольких графических сериях. Пример тому – графическая работа 1946 г. «Десант», рассказывающая о том, как форсировали Днепр.

В дни напряженных боев на подступах к Днепру вся политическая работа на фронте была подчинена одной цели: поддержать высокий наступательный порыв воинов, обеспечить успешное форсирование Днепра. Сохранилась запись высказывания Василия Гроссмана от 10 октября 1943 г. о первом дне на Днепре: «Люди пошли к воде, начали мыть лица. Многие становились на колени и пили днепровскую воду. И делали они это не потому, что им хотелось пить после долгого и мучительного перехода, а потому, что и умывание, и питье днепровской воды – все приобрело в эти минуты значение торжественного символа» (Издание материалов «От Советского Информбюро», том 2, стр. 152).

Скромные участники форсирования Днепра запечатлены в работах военных художников И.М. Ильина – «Сержант Салов (обеспечивал переправу через Днепр)», Л.Г. Ройтера. – «Санинструктор старшина Кулагина» и «Красноармеец Стоянов», В.С. Житенева – «Гв. капитан Лифшиц. Начальник разведки 93-й гвардейской дивизии (Воронежский фронт)», С.С. Урановой – «Ранен в боях за Днепр».

Рисунки конца 1943 г. рассказывают о том, как советские войска подошли к Днепру и, используя все средства, все, что могло держаться на воде, под ураганным огнем противника, с ходу форсировали его на 750-километровом участке фронта; но битва за Днепр в его верхнем течении продолжалась до конца июня 1944 г.

Партизанское движение – особая глава в истории Великой Отечественной войны. Возникнув стихийно в первые дни вражеского вторжения, вскоре оно стало сплоченной управляемой силой, оказывающей ожесточенное сопротивление оккупантам.

Несмотря на то, что комплекс работ, посвященных партизанам, далеко не полный, музейная коллекция дает возможность представить жизнь и борьбу партизан, запечатленную фронтовыми художниками. Некоторые из них были членами партизанских отрядов, другие командировались туда Студией военных художников им. М.Б. Грекова и редакциями газет.

В 1943 г. партизанки Надя Костюченко и Нина Флиговская участвовали в бою за поселок Пышно в Белоруссии. Вместе с командиром взвода Алексеем Карабицким они прикрывали отход отряда. Когда кончились патро-

ны, Надя Костюченко бросилась под танк со связкой гранат. Медсестра Нина Флиговская во время боя перевязала пять ранений Алексею Карабицкому и отстреливалась из его винтовки, пока их не настиг немецкий танк. Рисунки товарища по оружию, художника Николая Обрыньбы – «Здесь отстреливалась Нина Флиговская», «Окоп Нади Костюченко» и «Бой за Пышно» – теперь единственное свидетельство их подвига. Сам художник попал к партизанам, когда, будучи военнопленным, бежал из концлагеря. Он сражался вместе с ними с августа 1942 по октябрь 1943 г., в свободное время рисовал, раздобыв в разведке краски. Благодаря этому мы сегодня можем увидеть лагерь Дубова, где жил и даже провел выставку своих работ, посвященных партизанской жизни, художник. Его графика самобытна, выполнена в реалистической манере и проникнута большой любовью к своим товарищам.

В том же партизанском отряде находился бежавший из плена Н.Т. Гутиев. После войны он создал иллюстрации к книгам своих друзей-партизан. Они рассказывают об основной их боевой операции – «Рельсовая война».

Партизаны Советской Белоруссии за три года боевых действий разгромили сотни штабов и гарнизонов, подорвали тысячи эшелонов, взорвали огромное количество рельсов и железнодорожных сооружений, разрушили тысячи километров линий связи, уничтожили большое количество самолетов, танков, бронемашин, автомашин, орудий, складов.

В белорусских лесах сражалось много партизанских соединений: групп, отрядов, бригад. Бригада «Буревестник» была создана в декабре 1943 г. в Минской области. В ней сражалось 537 человек. На счету бригады – уничтожение высших немецких чинов, диверсии, открытые боевые действия. Художник-грековец А.В. Кокорин создал на основе фронтовых впечатлений, полученных в этой партизанской бригаде, серию рисунков: «Партизан Воропаев», «Партизанское хозяйство», «У партизан в бригаде “Буревестник”».

Отряд имени В.И. Чапаева, созданный в конце июля 1942 г., действовал в лесах Витебской области. В этот отряд был командирован художник В.А. Арлашин. Ему принадлежат портреты партизан-героев Кузнецова и Рощинского.

Работа Р.Ф. Житкова «Девушка партизанка» построена на контрасте мужественной выносливости, героической храбрости и обаятельной женственности. В серьезном и решительном взгляде героини видна способность совершить подвиг.

Во время оккупации на территории Брянской области развернулось активное партизанское движение. Особому воздействию народных мстителей подверглись железнодорожные пути от Брянска на Смоленск, паровозоремонтные предприятия, депо, станции водоснабжения. Там воевали около 60-ти тысяч человек. В конце лета 1943 г. художник К.И. Финогенов поехал на Орловско-Курскую дугу, где шли упорнейшие бои, а затем отправился в брянские леса, вслед за наступающей армией. Там Константин Иванович был свидетелем того, как навстречу нашим наступающим частям, освобождавшим временно оккупированные территории, из густых лесов выходили партизаны. Армия соединялась с их отрядами, но базы еще оставались в глубине лесов. Финогенову удалось побывать на партизанских стоянках, поэтому среди его рисунков можно видеть портреты и красноармейцев, и народных мстителей.

Однажды он попал в бригаду В.Г. Бойко. С ноября 1941 по сентябрь 1943 г. в поселке из землянок и шалашей жили старики, женщины и дети. Они выращивали хлеб, собирали урожай, здесь действовали советские законы, хотя совсем рядом находились фашисты. Чем больше художник всматривался в быт партизан, тем яснее становилось ему, что каждый человек в бригаде выполнял свою роль и вносил вклад в дело разгрома врага. Константин Иванович зарисовал сцены из жизни этих отважных людей. Его рисунки знакомят нас с походной типографией, с освобожденными от врага деревнями и местными жителями. Общаясь с этими людьми, художник чувствовал огромный патриотический подъем народа, его готовность сражаться до полной победы.

Рисуя партизан в короткие передышки между боями, Финогенов понимал, как им дорого время, они постоянно куда-то спешили. Поэтому делать их портреты надо было как можно скорее. Несколько минут напряженно позировал Бойко. Константину Ивановичу удалось передать его настороженный взгляд, худое лицо, твердо очерченные сомкнутые губы, движение рук, а уже в линиях фигуры чувствуется, что рисунок пришлось заканчивать наспех. И все же в этом небольшом портрете раскрывается внутренний мир, психологическое состояние человека, которого, как и многих других, стихийно начавшееся партизанское движение постепенно превратило в профессионального военного.

Когда окончилась упорнейшая битва за Берлин и над рейхстагом заалели наши знамена, художники пытались запечатлеть в набросках невыразимое словами торжество, охватившее победителей, помнивших о тех злодеяниях, которые оставили за собой фашисты на нашей земле. К.И. Финогенов зарисовал поверженный Берлин с купола рейхстага, а затем места боев той дивизии, доблестную историю которой он начал еще в руинах Сталинграда. Рисунок называется «Здесь прорывались сталинградцы к рейхстагу».

Все художники тогда стремились передать переживания тех, кто дошел до Берлина и водрюзил над рейхстагом Знамя Победы. На рисунках часто встречаются солдаты, стоящие у Бранденбургских ворот, советские танки, проходящие по улицам Берлина. Интересный момент в Берлине увидел Л. Соифертис, он зарисовал торжественно идущего верблюда – труженика войны, который в составе своей дивизии прибыл в столицу Германии из калмыцких степей.

Художник-грековец С.М. Годына подарил музею свои зарисовки 1945 г., среди них рисунки: «После уличных боев», «У Бранденбургских ворот. Берлин. 5 мая 1945 года». Его товарищ В.К. Дмитриевский, встретивший победу в Праге, передал в 1999 г. музею фронтовые работы: «В словацкой деревне», «Народный театр в Праге». «Солдатское хозяйство», «Мирное оружие» и др.

Графическая коллекция музея хранит память о том, как вместе с Красной армией проходили по трудным дорогам войны художники, и их искусство помогало людям в священной борьбе с фашизмом. Фронтовые рисунки возвращают нас к тяжелым для нашей страны военным годам, героическому сопротивлению и небывалым победам.

Гладкоствольная крепостная пушка из собрания музея «Коломенское»

В собрании музея-заповедника «Коломенское» в экспозиции хранится 10 единиц артиллерийских орудий. Среди них крепостная чугунная пушка начала XVIII в. В учетных документах музея она была датирована XVII в., но благодаря исследованиям, проведенным в фондах, экспозиции и архиве Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС) в Петербурге, а также музея горнозаводского дела в Нижнем Тагиле и заводского музея в Мотовилихе (Пермь) удалось определить, что она датируется именно началом XVIII в.

Пушка поступила в собрание музея «Коломенское» из Симонова монастыря, в котором с 1920 по 1932 гг. был организован музей. В 1928 г. там создана экспозиция, посвященная военной истории допетровского быта и размещавшаяся в Палатах 1485 г. Вероятно, пушка входила в состав этой экспозиции. В 1930 г. музей ликвидирован как «идеологически вредный» (директор музея Василий Троицкий поощрял проведение церковных служб в соборе монастыря, который находился в совместной собственности с музеем). Тогда же собор был взорван.

В 1932 г. пушка поступает в собрание музея «Коломенское». В фондах Отдела письменных источников Государственного исторического музея сохранился план комплектования музея, но данная пушка в документах не значилась. По-видимому, она была найдена на территории самого Симонова монастыря, который, подобно большинству русских монастырей, являлся мощной крепостью, защищавшей подступы к Москве с юга. В 1591 г., когда на Москву двигались полчища хана Казы-Гирея, царь Федор Иоаннович приказал во всех монастырях непрерывно, и ночью и днем, палить из пушек. Ханское войско ушло из Москвы. Среди монастырей, защищавших город, был и Симонов монастырь.

Однако в то время, когда пушка изготовлена, Симонов монастырь уже не использовался как крепость.

Пушка могла оказаться на территории монастыря другим путем. С Уральских заводов, где в начале XVII в. было налажено производство пушек, продукцию доставляли в Москву водным путем – вверх по реке Чусовой до Камы, по Каме до Волги, по Волге до Оки, по Оке – до реки Москвы. В Москве орудия выгружали на специальной пристани, которая располагалась рядом с Симоновым монастырем.

Эта пушка является памятником истории литейного дела. Изготавливалась она методом вертикальной формовки, который был распространен в XVII – начале XVIII вв. Отливалась пушка следующим образом. За основу брался стержень, размеры которого близки к размеру будущей пушки. Стержень обматывался канатом, в том месте, где должно быть дуло – вдвойне. Канат обмазывают глиной, которой дают подсохнуть, затем кружалом (шаблон, вырезанный из железного листа с профилем пушки) лишняя глина снимается. После этого форму обмазывают салом и воском, к которому подмешивают толченый уголь, затем снова производится очистка кружалом, но, в отличие от предыдущего этапа, уже начисто. На форму накладываются гербы, надписи (отдельно) также из сала и воска с углем, изготавливаются ручки и два цилиндра, которые образуют цапфы. В этом виде форма напоминает саму пушку, но немного большего размера (расчет на усадку чугуна) и без казенной части. Эту форму снова начинают обмазывать салом и воском с углем и волокнистым веществом (паклей, соломой) толстым слоем, 15–20 см на обмазку накладывают обручи поперек, затем ряд полос вдоль (6, 8, 12 в зависимости от толщины пушки) и снова ряд обручей. На этом изготовление формы заканчивается, ее высушивают над костром, вытапливая сало и воск, после этого выбивают стержень, который увлекает за собой канат, при этом ломается и отчасти вытягивается первая глиняная обмазка. Затем к форме прикрепляют отдельно изготовленную казенную часть. Перед этим на место стержня вставляется сердечник, образующий в грубом виде будущее дуло пушки. При изготовлении формы к дулу делают утолщенное продолжение длиной примерно на 1/4 длины ствола, образуется «голова». Это делается для того, чтобы при отливке сверху накапливался запас жидкого металла, который своим давлением должен заполнить пустоты, получающиеся при образовании пузырей (раковин). Готовые формы ставят в чан, пространство между формами заполняют землей с глиной, небольшие каналы от выпускного отверстия домны до жерла форм. Каналы периодически переграживаются небольшими заслонками, чтобы по очереди направлять струи металла в разные формы. После отливки пушек дают остыть земле, ее выбирают из чана, вытягивают еще теплые формы, затем их разбирают и получают готовые пушки, но с большими наростами со стороны дула, которые спиливаются в сверлильном амбаре, там же высверливается дуло. Если пушка отлита с сердечником, отверстие рассверливается.

Такой способ отливки пушек просуществовал до 2-й половины XVIII в. В условиях, когда пушки нужно было производить в большом количестве, он стал неудобен. На каждую пушку нужно было изготавливать свою модель, которая после отливки разрушалась. Процесс изготовления занимал много времени. Затем начали использовать деревянную модель, которая служила долго. Когда старый Пушечный наряд при Петре I превратился в войсковую артиллерию, и начала приводиться в жизнь классификация пушек и деление по размерам (калибру и т. д.), способ отливки с помощью неразборной глиняной формы уже был пережитком прошлого.

При отливке использовался сыродутный метод, который окончательно сменился доменным процессом лишь в XIX в. Сущность сыродутного процесса: в печь загружается измельченная железная руда вместе с древесным углем. В результате горения угля образующаяся и нагреваемая до высокой температуры окись углерода поднимается вверх, нагревает находящуюся выше руду и уголь и вступает с ними в соответствующую химическую реакцию. Окись железа в руде восстанавливается до металлического железа, в это же время порода руды шлакируется и отделяется от металла. Образующийся жидкий шлак стекает на дно печи, а восстановленные зерна железа,

опускаясь по мере выгорания угля в низ печи, слипаются и образуют крицу, которая некоторое время остается пропитанной шлаком.

Пушка, о которой идет речь, является памятником истории военного дела в России. Диаметр канала ствола – 17,5 см, что соответствует калибру 4 фунта. Петр I ввел строгую систему калибров. До Нарвского похода 1700 г. на вооружении российской армии было более 25 образцов орудий, после же осталось только 12. Пушки изготавливались с калибром 3, 6, 8, 12, 18, 24 фунта. До ввода указанного регламента использовались и 4-х фунтовые пушки, но редко и, вероятно, они заимствованы из Швеции и Франции, где были широко распространены. К началу 2-й пол. XVIII в. их сняли с производства и вооружения.

Кроме того, Петр I разделил артиллерию на крепостную, осадную, полковую, полевую и морскую.

В то время, когда была отлита эта пушка, организация крепостной артиллерии еще не была регламентирована, впервые регламентация крепостной артиллерии осуществлена во времена императрицы Анны Иоанновны. В конце ее царствования при артиллерийском ведомстве учреждена комиссия, которая должна была определить состав артиллерийского вооружения в крепостях. Эта комиссия за основную единицу при определении числа крепостных орудий приняла крепостной полигон, и в этих единицах определила вооружение как крепостей, взятых отдельно, так и пограничных линий и укрепленных пунктов малых размеров, соединенных по несколько в крепости о пяти и большем числе полигонов. Всего на все существующие и проектировавшиеся в то время крепости и другие укрепленные пункты было определено 359 полигонов, но неопределенной оставалась сама единица, служившая основанием при расчете числа вооружения относительно рода, числа и калибра орудий.

Пушка отлита на Каменском заводе, расположенном на территории тогдашней Тобольской губернии (ныне это город Каменск-Уральский Свердловской области). Изготовлена в XVIII в., в период с 1700–1705 гг. В это время заводчик Никита Демидов переносит артиллерийское производство из Тулы на Урал. Одновременно строятся два завода – Невьянский (Верхотурский) и Каменский.

Что дает основание считать, что данная пушка отлита именно на Урале? На ней нет клейма с изображением двуглавого орла, которое ставится на продукцию государственного завода. Государственным заводом был Олонецкий, основанный Петром I. В музее истории г. Санкт-Петербурга (Петропавловская крепость) хранится пушка, обладающая аналогичными размерами и калибром. Она отлита в 1729 г. на Олонецком заводе. (Модель этой пушки хранится в фонде Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи). Уральские же заводы были частными.

На Каменский завод поступил заказ на изготовление артиллерийских орудий калибром от 8 до 3 фунтов, орудия более крупных калибров (от 8 до 36) изготавливались в Невьянске. После 1705 г. производство пушек на Невьянском заводе прекращено, на Каменском заводе их начали изготавливать в небольших количествах. Связано это с тем, что доменные печи были устроены по шведскому образцу, но при этом не учтены свойства местной руды. И, как следствие, качество выплавляемого чугуна ухудшилось, при испытании большинство пушек разорвалось. Возобновлено артиллерийское производство на Урале в 30-х гг. XVIII в., но перенесено на Каму, один из наиболее известных заводов – Мотовилихинский (Пермь).

Пушка изначально была датирована XVII в., но в результате исследований, проведенных в фондах и архиве ВИМАИВиВС, а также в Нижнетагильском музее горнозаводского дела становлено, что она отлита в начале XVIII в. Основанием для датировки является следующее: 1) Крепостные орудия столь крупных размеров стали применять именно в XVIII в. К этому времени крепости стали уже каменными. В XVII в. большинство крепостей было деревянными и их стены не выдерживали стрельбу из столь тяжелых орудий. Длина данной пушки – 138,5 см без вингарда и 149,5 см с вингардом (вингард – утолщение на казенной части ствола). По указанным параметрам с помощью специальных таблиц удалось определить вес пушки, он равен около 300 кг (т. е. почти 20 пудов). 2) Чугун как материал для изготовления артиллерийских орудий также начал широко применяться именно в XVIII в., до этого времени основным материалом была медь.

Принадлежала пушка именно к сухопутной артиллерии, о чем говорит следующее: затравочное отверстие выполнено без защитной раковины, на вингарде отсутствует отверстие для крепления орудия на палубе корабля.

Отсутствие дельфинов на средней части ствола и заплечиков (небольших утолщений для крепления на лафете) на цапфах также говорит о том, что пушка являлась составной частью крепостной артиллерии. Дельфины – две скобки на средней части ствола, нужные для того, чтобы ствол можно было разворачивать вправо и влево, в то время как в крепости орудие стоит неподвижно. Название произошло от того, что на орудиях, отливавшихся в Европе, эти скобки изготавливались в виде дельфинов.

Заплечики для полковой артиллерии были обязательной составной частью конструкции, чтобы ствол орудия предохранялся от ударов о лафет при транспортировке. Только во 2-й половине XVIII в. начали устанавливать на лафет, что было связано с созданием оборонительных линий (главным образом на Кавказе). Оборонительная линия – это система крепостей и иных оборонительных сооружений. Во время боевых действий существует необходимость перевести орудие от одного оборонительного сооружения к другому.

Именно крепостные орудия, тяжелые для транспортировки, отливались из чугуна. Для изготовления осадных, полковых и полевых орудий использовалась медь.

Первые орудия, появившиеся в Европе, делались из железных полос, которые скрывались между собой. Казенная часть была съемная и снималась, когда орудие нужно было зарядить. В ВИМАИВиВС хранится орудие XIV в., выкованное из железа. Ствол сделан из сваренных между собой железных полос, стянутых кольцами в нескольких местах. Кроме того, здесь же хранится орудие XV в., его ствол сделан почти также, но кольцами он обит полностью. Выемная камера, в которой помещался заряд, крепилась с помощью специальной скобы и клиньев. У орудия XV в. камера крепилась на специальной раме. Рама была снабжена железным хвостом с шишкой, с помощью которых орудие можно было повернуть.

В Подмоскowie завод, изготовлявший кованые пушки, располагался в Звенигороде. Археологические раскопки, которые проводились в городе в 30-е и 50-е гг., позволили реконструировать здания этого завода. Место его расположения – берег Москвы-реки, недалеко от Саввино-Сторожевского монастыря.

Литые же орудия являются неразъемными, благодаря чему их прочность значительно выше, чем у кованых. Кроме того, их производство занимает существенно меньше времени, следовательно, обходится дешевле, что очень важно для обороноспособности государства

Рассматриваемая пушка является гладкоствольной и дульнозарядной. Такой тип орудий просуществовал в России с середины XV в. до 2-й половины XIX в., пока не появились казнозарядные нарезные пушки. Новый этап в истории русской артиллерии начался через несколько лет после окончания Крымской войны, когда император Александр II проводил военную реформу. Тогда же появилась орудийная сталь.

Известны и другие пушки с аналогичными тактико-техническими данными. В ВИМАИВиВС хранятся подобные по параметрам пушки, найденные в разное время на территории Санкт-Петербурга. Среди них – пушка, отлитая на Олонцеком заводе. Крепостные орудия такого же калибра, но с меньшей длиной ствола (которые по типу относятся к гаубицам), хранятся в собрании Музея истории горнозаводского дела Среднего Урала (Нижний Тагил Свердловской обл.). В Перми при Мотовилихинском заводе существует музей, экспозиция которого также отражает историю пушечного дела.

В экспозиции музея «Коломенское» пушка хранилась в одном из залов Сытного двора. В 1998–1999 гг. и с 2003 г. по настоящее время она экспонируется в сенях Приказных палат.

Остается открытым вопрос, где эта пушка могла использоваться. Вероятно, в одной из крепостей, строившихся в то время на Северо-Западе России. Но при каких обстоятельствах она осталась в Москве?

Образцы артиллерийских орудий хранятся во всех музеях, экспозиция которых связана с русской военной историей, но работ, посвященных истории отдельно взятого образца артиллерийского орудия, опубликовано мало. Из опубликованного известна статья заведующей архивом музея «Коломенское» М.Н. Ильиной о пищали «Змеиная голова», хранящейся в собрании музея «Коломенское». Статья издана в научном сборнике Боровского музея «Боровский краевед». Сама пищаль привезена из Пафнутьева-Боровского монастыря, на вооружении которого она состояла.

Артиллерия и время. СПб., 1993.

Бех Н.И. Мир художественного литья. М., 1997.

Бранденбург Н.Е. Каталог Санкт-Петербургского артиллерийского музея. СПб., 1877.

Де Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов 1735 г. М., 1937.

Дельбрюк Ганс. История военного искусства. М., 1938.

История отечественной артиллерии. Т. 1. Кн. 2. М., 1960.

Кафенгауз Б.Б. История хозяйства Демидовых в XVIII–XIX в. М.-Л., 1949.

Колчин Б.А. Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. М., 1953.

Крепостная мануфактура в России. Тульские и Каширские железные заводы. М., 1939.

Левидова С.М. История Онежского завода.

Львовский П.Д. К вопросу о типах орудий древнерусской артиллерии / Артиллерийский исторический музей: сб. исследований и материалов. Л., 1958.

Любомиров П.Г. Очерки по истории металлургической и металлообрабатывающей промышленности. М., 1937.

Мартынов М.Н. Горнозаводская промышленность на Урале при Петре I. Свердловск, 1948.

Онисим Михайлов. Устав ратных и пушечных дел. М., 1775.

Правила для вооружения крепостей и укреплений. СПб., 1844.

Рубцов Н.Н. История литейного производства в СССР. Ч. 1. М.-Л., 1947.

Фальковский Н.И. Москва в истории техники. М., 1951.

Фриман Л. История крепостей в России. СПб., 1895.

Хмыров М.Д. Артиллерия и артиллеристы. СПб., 1865.

Яковлев В.В. Фортификация. Вып. 1. Л., 1924.

От Морского музея имени императора Петра Великого к Центральному военно-морскому музею

Центральный военно-морской музей – один из старейших музеев России и, по размеру своих коллекций, один из крупнейших морских музеев мира. Его собрание берет начало от Санкт-Петербургской модель-камеры – хранилища кораблестроительных моделей и чертежей. Датой основания Модель-камеры принято считать 13 (24) января 1709 г., когда она впервые была упомянута в письме Петра Великого. Первоначально Модель-камера располагалась в Зимних хоромах Петра I, но в том же 1709 г. ее перевели в Санкт-Петербургское адмиралтейство, ближе к стапелям, на которых строились корабли Балтийского флота.

В 1805 г. было принято решение о создании «Морского музеума», основой которого стали коллекции Модель-камеры. Собрание музея быстро росло, но в 1827 г. император Николай I принял решение о его «раскассировании». Большую часть собранных в «Музеуме» предметов передали другим учреждениям, в том числе Академии наук и Морскому кадетскому корпусу. «Морской музеум» был вновь превращен в Модель-камеру. В 1867 г., под давлением флотской общественности, Морской музей воссоздан. В его основу вновь положены материалы Модель-камеры, а дополнительным источником сбора памятников явилось обследование адмиралтейств, арсеналов и других хранилищ. Помещения для возрожденного музея были выделены в западном крыле здания Главного Адмиралтейства.

Экспозиция музея быстро разрасталась. В 1900–1904 гг. она значительно перестроена и расширена, после чего петербургский Морской музей заслуженно признавался одним из лучших морских музеев мира. К 1917 г. его экспозиция состояла из следующих отделов:

- эпоха Петра I,
- эпоха императриц Анны, Елизаветы и Екатерины II,
- эпоха Павла I и Александра I,
- эпоха Николая I и Александра II,
- эпоха Александра III и Николая II,
- «отдел бытовой эпохи генерал-адмирала Константина Николаевича» (созданный на основе морской коллекции, завещанной музею Великим князем),
- Русско-турецкая война 1877–1878 гг.,
- Русско-японская война 1904–1905 гг.,
- отдел мировой войны,
- артиллерийский отдел,
- механический отдел,
- отдел портовых сооружений,
- этнографический отдел,
- гидрографический отдел.

Помимо этого существовало Отделение образцов по снабжению кораблей и обмундированию команд, не входившее в состав музейной экспозиции. Здесь были сосредоточены образцы предметов снабжения – от приборов и обмундирования до посуды и образцов сухой провизии. Они служили эталонами для подрядчиков, выполнявших государственные заказы по снабжению флота¹. На основе этих образцов разрабатывались новые предметы морского быта.

В 1909 г. музею исполнилось 200 лет. Годом ранее, 24 июля 1908 г., император Николай II своим указом повелел присвоить Морскому музею имя основателя регулярного Российского флота и Модель-камеры – Петра Великого. Юбилей был приурочен ко дню рождения Петра I – 30 мая. Празднование прошло в торжественной обстановке. Почти вся столичная пресса обстоятельно рассказала своим читателям о создании музея и его богатых коллекциях, о пышном церемониале самого празднования, дав при этом высокую оценку общественному значению музея. В кронштадтской газете подчеркивалось, что Морской музей «вырос в огромное учреж-

Один из залов Морского музея. Здание Главного Адмиралтейства, 1900-е гг.

дение, полное самого серьезного значения для изучения истории русского флота... Два пережитых им столетия достаточно говорят сами за себя»².

Летом 1917 г., в связи с захватом немцами Риги, руководство музея получило указание продумать вопрос об эвакуации коллекций. Директор музея доложил начальству, что большинство моделей эвакуировать невозможно из-за их громоздкости и что следует обязательно вывезти малые модели петровского времени, реликвии самого Петра I, портреты и картины выдающихся художников, коллекцию закладных досок, наиболее ценное оружие и предметы из серебра. Вещи упаковали в ящики, и 29 августа 1917 г. музей закрылся для посетителей. В таком положении его застала Октябрьская революция и заключение Брестского мира. Вопрос об эвакуации отпал.

То обстоятельство, что Морской музей не успел эвакуировать свои богатства в 1917 г., давало большое преимущество: все коллекции остались неразрозненными, и музей смог открыть свои залы для посетителей значительно раньше других подобных учреждений, 24 февраля 1918 г. Через четыре дня, 28 февраля, приказом по флоту и морскому ведомству он получил новое название – Центральный морской музей Советской Республики. Впрочем, в марте того же года по распоряжению Морской коллегии в связи с опасным военным положением музей приказали закрыть. Однако по настоянию посетителей был разрешен осмотр экспозиции организованным группам матросов, солдат и учащихся.

**Фрагмент экспозиции артиллерийского отдела
Центрального военно-морского музея. 1937 г.**

мандования была создана специальная комиссия, которая разработала генеральный план коренной перестройки музея. В этом документе он определялся как политико-просветительское учреждение, предназначенное для пропаганды боевых и революционных традиций флота, его истории. В соответствии с этим перед музеем ставились три задачи: показ истории флота и его значения для государства, показ истории революционного движения на флоте и, наконец, показ современного состояния военно-морского флота и постановки военно-морского дела в РСФСР. Каждый раздел экспозиции делился на две части: показ общей истории флота и его атрибутов, прежде всего оружия и техники. При этом первый, исторический отдел подразделялся в соответствии с марксистской периодизацией истории по общественно-экономическим формациям: на феодальный и капиталистический периоды.

Председатель комиссии по реорганизации музея И.В. Егоров в одном из своих рапортов, напомнив о генеральном плане перестройки музея, указывал, что дальнейшая работа должна заключаться в разработке «подробных планов переустройства отделов музея» и что составление этих планов – сложный труд, требующий большой работы по систематизации материала и тщательного изучения истории. В заключение автор указывал, что «при существующем штате Военно-морского музея (всего три человека) такая работа не может быть выполнена сотрудниками музея, т. к. они всецело заняты текущей работой...»⁵. И.В. Егоров предлагал поручить эту работу за особую плату нескольким специалистам высокой квалификации, но из-за материальных трудностей такое пред-

В 1919 г. в музее по-прежнему посетители обслуживались только в составе экскурсий. Часть материала продолжала оставаться нераспакованной с 1917 г., ибо не хватало денег не только на то, чтобы полностью развернуть экспозицию, но даже на отопление.

9 апреля 1919 г. Совет Народных Комиссаров РСФСР принял специальное постановление, подписанное его председателем В.И. Лениным, выделить «сверхсметным кредитом 5000 (пять тысяч) рублей на приведение в порядок Центрального Морского Музея в Петрограде»³. Свободный доступ в музей для одиночных посетителей был открыт уже в 1920 г.

Бурная революционная эпоха сказалась даже на наименовании музея, которое менялось с калейдоскопической быстротой. С 1 октября 1922 г. музей несколько изменил свое название, став Центральным морским музеем Республики, а 24 мая следующего года был переименован в Морской музей Народного комиссариата по морским делам. 20 октября 1923 г. его вновь переименовали – в Военно-морской музей⁴. Наконец, 29 декабря 1924 г. он получил название, существующее и поныне – Центральный военно-морской музей.

В 1920–1930-е гг. фонды музея значительно пополнились за счет частных и государственных коллекций, в том числе благодаря коллекциям расформированных музеев Гвардейского экипажа и Морского корпуса.

В 1920-е гг. экспозиция музея, как и до 1917 г., продолжала разделяться на отделы в основном по эпохам царствований. Лишь в 1925 г. добавился революционный отдел, который развернули в помещении бывшей церкви Св. Спиридона в Адмиралтействе.

В декабре 1924 г. по приказу высшего морского ко-

ложение принято не было и перестройку экспозиции удалось осуществить лишь в 1930-х гг.

В 1926 г. было разработано первое Положение о Центральном военно-морском музее, согласно которому назначение музея состояло в сборе, хранении и научном изучении памятников истории и быта морских сил, ознакомлении войск и населения страны с достижениями Советской власти в области строительства, воспитания и быта личного состава Военно-Морских сил Рабоче-Крестьянской Красной армии.

В 1930 г. музей перешел в подчинение Политическо-го управления флота. Тогда же было утверждено следующее положение о музее. Не внося принципиальных изменений в структуру ЦВММ, этот документ подробнее раскрывал суть, задачи и характер деятельности музея, придавая всей работе более идеологическую, чем историческую или техническую направленность. Музей признавался в первую очередь политико-воспитательным учреждением. Как результат комиссия Главного политуправления, проверявшая музей в 1938 г., отметила слабый показ в экспозиции роли Коммунистической партии, бедность отдела строительства Советского Военно-Морского флота, недостаточное освещение героического прошлого нашего народа.

В конце 1930-х гг., после принятия программ строительства в СССР большого морского и океанского флота, музею стали выделяться значительные средства. Это позволило воссоздать закрытую в 1913 г. модельную мастерскую, без которой был невозможен ремонт старых и изготовление новых моделей.

24 августа 1939 г. по решению советского правительства Центральному военно-морскому музею было передано здание Биржи – одно из красивейших сооружений города, построенное по проекту архитектора Ж.-Ф. Тома де Томона в 1805–1816 гг. Впервые в своей истории музей получил достаточные штаты научных сотрудников.

Работы по переводу экспонатов в новое здание оказалось очень много. В ней наряду с сотрудниками музея принимали участие такелажники, грузчики, курсанты Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф.Э. Дзержинского. Например, курсанты на руках переносили хрупкие модели кораблей из панциря черепахи и слоновой кости. Все делалось в большой спешке, работали по 11, а иногда и по 13 часов. Нужно было разместить экспонаты в новом помещении, составить план экспозиции и к весне 1941 г. снова открыть музей. Наконец, 6 февраля 1941 г. состоялось его торжественное открытие в новом помещении.

Одновременно ряд сотрудников музея подготовил временные выставки, которые экспонировались в Ленинграде, Петергофе и Москве.

Экспозиция, развернутая в здании Биржи и построенная в строго хронологическом порядке, размещалась в девяти залах и отражала историю русского флота до 1917 года, показывала участие военных моряков в Октябрьской революции и Гражданской войне, строительство Советского Военно-Морского флота в 1921–1940 гг.

Воскресным утром 22 июня 1941 г. ленинградцы узнали о нападении Германии на СССР, началась Великая Отечественная война. 27 июня вышло постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Вскоре поступило распоряжение Наркомата Военно-Морского флота об эвакуации имущества музея на Волгу, в Ульяновск.

Специалисты решили эвакуировать музейные ценности по воде, посчитав, что так безопаснее для хрупких моделей кораблей и других предметов. В первых числах июля к пирсу, находящемуся рядом с музеем, подвели две деревянные баржи-берлины, и на них началась погрузка экспонатов, в их числе таких тяжеловесных, как ботик Петра I, скульптура «Петр I» работы М.М. Антокольского и модели кораблей советского флота в масштабе 1:50 в стеклянных футлярах. В конце июля в Ульяновск ушел второй караван барж. На них, помимо музейного имущества, были погружены книжные фонды Центральной военно-морской библиотеки.

В то время как сотрудники музея проводили эвакуацию его имущества из Ленинграда, шла борьба за сохранность экспонирующейся в Москве выставки. В конце июля 1941 г. столица стала подвергаться бомбардировкам вражеской авиации, и было принято решение отправить экспонаты в Ульяновск. Выставку упаковали и начали грузить на баржу, стоявшую у пирса Московского речного порта. Во время очередного авианалета часть ящиков загорелась, но, к счастью, с пожаром удалось справиться. Когда экспонаты выставки благополучно прибыли в Ульяновск, там уже шло размещение прибывшего из Ленинграда по Волге имущества музея в здании бывшей Симбирской лютеранской кирхи.

Оставшиеся в Ленинграде работники музея в августе 1941 г. готовили к эвакуации третью очередь музейных ценностей, но на этот раз по железной дороге. 28–29 августа ящики с музейным имуществом погрузили в три вагона-пультмана. В этих же вагонах разместились несколько сотрудников музея с семьями. Но эшелон не ушел по

Один из залов первоначальной экспозиции Центрального военно-морского музея в здании Биржи. 1941 г.

Фрагмент экспозиции выставки «Военно-Морской Флот в Отечественной войне». Москва, март 1943 г.

предстояло работать в Ульяновске. В ее задачи входило обеспечение хранения музейных ценностей и книжных фондов в непригодных для этих целей помещениях, обработка – оприходование поступивших с действующих флотов и мест боев реликвий и трофейного оружия, справочно-консультационная работа по запросам воинских частей, центральных управлений ВМФ, прессы и киностудий, а также формирование выставок и организация командировок на флоты и в подразделения морской пехоты для сбора экспонатов. Третья группа находилась в Москве, являясь связующим звеном между командованием ВМФ и музеем. Она же производила отбор интересных музейных материалов, поступающих непосредственно в Наркомат ВМФ с действующих флотов и частей, сражавшихся на берегу.

Оставшиеся в Ленинграде сотрудники музея в августе–сентябре 1941 г. создали первую за военное время передвижную выставку «Военно-Морской Флот в Отечественной войне». На ней были показаны наиболее яркие эпизоды действий ВМФ СССР, боевые подвиги моряков в первый период войны и образцы трофейного оружия. Выставка с октября 1941 по март 1942 гг. экспонировалась на кораблях и в частях Краснознаменного Балтийского флота и на предприятиях блокированного Ленинграда, ее посетило более 12 000 человек.

Ленинградская группа, из состава которой в блокаду от голода погибло восемь человек, во второй половине 1942 г. и в 1943 г. основные усилия направляла на спасение здания Биржи и оставшихся в ее стенах музейных ценностей. В течение 1941–1943 гг. на Стрелку Васильевского острова, где находится здание Биржи, были сброшены одна фугасная и 50 зажигательных бомб, из них 20 – на здание. В этот район попали 14 снарядов, три из них – в музей. Кроме бомб немецкие самолеты сбрасывали на Стрелку бочки с горючей смесью, но ни одна из них, к счастью, в здание Биржи не угодила.

Ульяновская группа к началу 1942 г. разместила по местам хранения музейные предметы и библиотечные фонды, которые для подготовки справок и осмотра состояния частично распаковала. В течение 1942–1944 гг. сотрудники группы сформировали семь выставок, которые экспонировались в Куйбышеве, Баку, Ашхабаде, Горьком, Астрахани, Свердловске, на Северном флоте и в Москве. Самую большую стационарную выставку «Военно-Морской Флот в Отечественной войне» музей развернул в залах Государственного исторического музея в Москве, она открылась 11 марта 1943 г. и работала до мая 1944 г. На этой выставке побывало 200 000 посетителей.

В целях упорядочения сбора и накопления наиболее интересных материалов народный комиссар ВМФ адмирал флота Н.Г. Кузнецов подписал приказ № 268 от 27 июля 1943 г. «О сборе реликвий и боевых трофеев Отечественной войны при ЦВМ музее». Этот приказ значительно облегчил сбор музейных предметов, проводившийся сотрудниками музея при поездках на действующие флоты и флотилии и в части морской пехоты, сражавшиеся на сухопутных фронтах. Всего в годы войны в музей поступило более 20 000 новых экспонатов⁶.

После снятия блокады Ленинграда и развернувшегося наступления Красной армии на всех фронтах, 12 апреля 1944 г. нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов принял решение о возвращении из Ульяновска в Ленинград фондов Центрального военно-морского музея, восстановлении всех ранее существовавших экспозиций и создании нового отдела «Военно-Морской Флот в Великой Отечественной войне».

В конце мая 1945 г. в Ленинград прибыла по железной дороге из Ульяновска первая тысяча ящиков с экспонатами музея. К началу 1946 г. все имущество музея было возвращено в Ленинград.

Ко дню Военно-Морского флота, 28 июля 1946 г., после пятилетнего перерыва, музей был вновь открыт для посетителей. В связи с созданием нового раздела экспозиции – «Военно-Морской Флот в Великой Отечественной войне» – потребовалась полная перестройка остальных разделов истории советского флота. Новая экспозиция разместилась в 10 залах. Вскоре начал создаваться и раздел, посвященный послевоенному развитию флота. К 1950-м гг. сложилась современная структура основной экспозиции музея, состоящая из четырех разделов:

назначению из-за того, что 30 августа противник захватил станцию Мга и последняя железнодорожная ветка, связывающая Ленинград со страной, оказалась перерезанной.

С началом войны личный состав музея стал значительно сокращаться. Те из сотрудников, кто имел флотские специальности, ушли на действующий флот, другие либо вступили в народное ополчение, либо были призваны в армию. Некоторые уволились по семейным обстоятельствам, связанным с эвакуацией.

В новой сложной обстановке военного времени из оставшихся в штате музея лиц были созданы три группы. Первая осталась в Ленинграде. В задачу ленинградской группы входили охрана оставшегося в помещениях Биржи музейного имущества и сохранение здания при налетах авиации и артиллерийских обстрелах, а также комплектование музея и научно-пропагандистская работа. Второй группе

- История русского флота до 1917 г.;
- История флота в 1917–1941 гг.;
- ВМФ в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.;
- Военно-Морской флот с 1945 г. по настоящее время.

Первая половина XX в. стала очень насыщенным периодом в истории Центрального военно-морского музея. Он пережил переезд из Главного Адмиралтейства в здание Биржи и эвакуацию в годы Великой Отечественной войны, претерпел несколько коренных реэкспозиций, сменил семь названий. Но, изменяясь, он сохранил главное – остался значительным научно-просветительным центром, сокровищницей русской морской славы, главным морским музеем нашей страны. Менялись государство и идеология, но реликвии, хранящиеся здесь, давали возможность все новым поколениям узнать и полюбить флот и его историю, осознать необходимость флота для благополучия своей страны.

Главный зал экспозиции Центрального военно-морского музея. 1950-е гг.

¹ РГАВМФ. Ф. 578. Оп. 1. Д. 150 (Переписка о выдаче заказчикам образцов предметов снабжения флота... Январь 1909 г. – август 1916 г.)

² Цит. по: Рогачев Г.М., Ларионов А.Л., Курносов С.Ю. Девять десятилетий Морского музея России (1909–1999) // Морской музей России. Центральный военно-морской музей. СПб., 2000. С. 115.

³ Центральный военно-морской музей: Путеводитель. Л., 1968. С. 15.

⁴ РГАВМФ. Ф. 402-р. Оп. 1. Д. 40. Л. 6.

⁵ Рогачев Г.М., Ларионов А. Л., Курносов С.Ю. Указ. соч. С. 116.

⁶ Ларионов А.Л. Центральный военно-морской музей в годы Великой Отечественной войны // Труды Центрального военно-морского музея: Сб. науч. ст. СПб., 1999. Вып. I. С. 99–107.

Хранители Достопамятного зала

Достопамятный зал, 250-летний юбилей которого в этом году отмечает научная общественность, сыграл важную роль не только в истории Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, но и ряда других музеев России. С момента своего возникновения и обустройства хранилище достопамятностей являлось мощным аккумулятором лучших традиций русской армии.

Истории Достопамятного зала посвящена большая по объему литература¹. В ней достаточно подробно отражены процессы его образования и формирования, упоминаются и люди, стоявшие за этими процессами. Но последние не были главным в прежних публикациях. А между тем, в судьбе Достопамятного зала принимали участие императоры и Великие князья, генералы и офицеры, чиновники различного ранга. Все они в широком смысле слова являлись хранителями достопамятностей. Им мы обязаны сохранением многих музейных предметов, которые в настоящее время относятся к ценнейшим памятникам мировой истории и культуры.

Данная статья посвящена всем хранителям Достопамятного зала, но особое внимание уделено цейхвартерам – «содержателям достопамятных предметов на законном основании». Именно они в течение столетия принимали, учитывали и хранили достопамятности, но их имена почти неизвестны специалистам².

Поскольку вопросы создания и развития Достопамятного зала и вопросы людей, принимавших участие в этих событиях, тесно сомкнуты, в статье упоминаются некоторые факты, уже в той или иной степени известные специалистам.

Первым заведующим и хранителем Достопамятного зала по распоряжению Канцелярии главной артиллерии и фортификации (КГАиФ) от 28 июня 1756 г. стал поручик Меллер Иван Иванович³, будущий генерал-аншеф, известный военачальник, участник боев за овладение г. Кольберга в период Семилетней войны (1756–1762), герой 2-й Русско-турецкой (1787–1791), отличился при взятии крепостей Очакова и Бендер. 6 октября 1790 г. во время боев за крепость Килию был тяжело ранен и умер 10 октября 1790 г. За долгий период службы барон И.И. Меллер-Закомелький занимал многие ответственные посты. Он был главным членом КГАиФ, с 1783 г. исполнял обязанности генерал-фельдцейхмейстера. Награжден многими орденами, в том числе Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия 2-й степени⁴.

Иван Иванович Меллер вступил в должность заведующего особым подразделением в 31 год, будучи уже зрелым человеком, прошедшим путь от канонира до поручика, и вполне мог оценить значимость доверенных ему достопамятностей. Известно, что именно по его требованию темное хранилище новоинвентованных курьезных и достопамятных вещей было оборудовано двумя окнами и отдельным входом. Время пребывания Меллера заведующим было очень трудным и сложным. 11 октября 1756 г. вышел указ Правительствующего Сената, по которому старые и негодные орудия, кроме достопамятных, подлежали переливке в монеты⁵. В указе, правда, была оговорка насчет достопамятных вещей, но на самом деле сохранить их было почти невозможно. По ведомости от 13 декабря 1756 г. в С.-Петербургском арсенале числилось 88 достопамятных орудий (сюда же вошли новоинвентованные и курьезные)⁶. А на 14 октября 1759 г. их осталось всего 23⁷. Только за 1759 г. на Сестрорецкий оружейный завод, где шло изготовление монет, было отправлено 17 курьезных и достопамятных орудий из С.-Петербургского арсенала⁸. И все же, когда подполковник Меллер уходил в действующую армию, в его ведомстве на 2 января 1760 г. числилось 46 предметов, из них 31 орудие, 3 предмета стрелкового оружия, одна железная бомба, 10 домкратов и экспериментальных камор и одна одноколка⁹. Расставаясь с особым подразделением достопамятных вещей, его первый заведующий на всю жизнь сохранил приверженность к нему. Став Главным членом КГАиФ, он много раз был инициатором пополнения Достопамятного зала не только предметами вооружения, но и другими воинскими вещами. Пользуясь доверительными отношениями, которые у него сложились с генерал-фельдцейхмейстером Г.Г. Орловым, Меллер неоднократно «словесно» докладывал в КГАиФ указы императрицы Екатерины II, присланные ему в письмах Орлова, о передаче в С.-Петербургский арсенал из других хранилищ достопамятные вещи¹⁰.

После ухода И.И. Меллера, 6 февраля 1761 г. состоялся указ КГАиФ о передаче подразделения новоинвентованных курьезных и достопамятных вещей в ведение цейхвартеров¹¹.

Все предыдущие авторы резко отрицательно отнеслись к этому факту. Конечно, особое хранилище потеряло свою самостоятельность, став одним из подразделений Санкт-Петербургского арсенала. Но мне кажется, не следует особенно драматизировать это событие. Сами цейхвартеры также, как и прежний заведующий достопамятностями, подчинялись непосредственно КГАиФ до 1799 г.

Поскольку должности цейхвартеров и унтер-цейхвартеров утверждены были позже (6 февраля 1761 г.), И.И. Меллер временно передал достопамятные предметы капитану «над мастеровыми» капитану Ивану Шпекле.

26 апреля 1761 г. цейхвартером, ответственным и за достопамятные орудия, был назначен капитан Алексей Кибасов. Назначен он был, очевидно, не случайно. Именно капитан Кибасов еще в августе 1760 г., обеспокоенный тем, что многие ценные орудия отправляются на переплавку, докладывал в КГАиФ, что 24-х фунтовая парадная пушка перелита и на следующий воинский парад в День Богоявления Литавренская колесница со знаменем окажется без сопровождения орудия¹².

В послужном списке Кибасова записано, что он – капитанский сын, поступил на воинскую службу 23 июня 1752 г., «грамоте читать и писать умеет, и артиллерийскую науку знает».

В июне 1763 г., в связи с переводом во 2-ой фузелерный полк, передал достопамятное подразделение цейхвартеру Андрею Козлянинову¹³. Образованный человек Козлянинов¹⁴ вполне справлялся со своими обязанностями. При нем еще продолжался процесс отправки орудий на переплавку, буквально опустошивший хранилища

С.-Петербургского арсенала, в том числе и достопамятных предметов. На ноябрь 1763 г. в арсенале состояло 29 курьезных, новоинвентованных и достопамятных орудий и 69 «негодных», среди которых было много трофейных¹⁵.

Предотвратил окончательное разорение достопамятного подразделения генерал-фельдцейхмейстер А.Н. Вильбоа. Он начал сам тщательно просматривать ведомости, которые посылались в КГАиФ. На ведомости, составленной в феврале 1764 г., куда были включены орудия, уже отправленные на Сестрорецкий и Черноретский заводы, Александр Никитич сделал собственноручные пометки к каждому орудию: «отставить» или «не надобна».

Все трофейные орудия были с пометкой «оставить», многие российские пушки, гаубицы, и мортиры тоже не подлежали переливке. Всего по решению Вильбоа было возвращено в С.-Петербург 146 орудий¹⁶.

Почти в тоже время была приостановлена отправка на заводы 63-х так называемых «негодных» орудий. На ведомости, составленной цейхвартером Козляниновым, стоит резолюция А.Н. Вильбоа: «Оные все не отсылать к переделу в деньги, но оставить как достопамятные»¹⁷.

В июне 1772 г. Андрея Козлянинова сменил капитан Федор Саврасов. Он был в этой должности очень недолго. В марте следующего года назначается новый цейхвартер – капитан Алексей Беклешев.

И Федор Саврасов и Алексей Беклешев закончили Сухопутный шляхетный кадетский корпус¹⁸. В октябре 1776 г. должность цейхвартера занимает капитан Гакс. Карл Иванович Гакс родился в г. Ревеле в семье «юстиц-советчиков» (юристов), получил хорошее, по-видимому, домашнее, образование: владел помимо русского, немецким языком, знал не только «артиллерийскую науку», но был и знающим инженером. До службы в арсенале прошел суровую школу военного – с 1768 по 1772 г. участвовал в боях против польских конфедератов, в 1772 г. был переброшен на турецкий театр военных действий, где оставался до окончания первой Русско-турецкой войны (1768–1774). Один из немногих был награжден Военным орденом 4-го класса¹⁹.

В бытность его цейхвартером начались большие поступления достопамятных вещей в С.-Петербургский арсенал. С февраля 1777 г. К.И. Гакс рапортует лично генерал-поручику Меллеру о принятых предметах. Он же и составляет ведомости. Если первые из них еще носят общий характер (курьезные и достопамятные предметы перечисляются вместе с другими орудиями)²⁰, то, начиная с июня 1778 г., при приеме вещей из С.-Петербургской крепости для достопамятностей составляются особые ведомости. Впервые в состав достопамятных предметов помимо инвентарских, курьезных и достопамятных орудий вошли алебарды, протазаны, булавы, ружья и пистолеты, много российских и трофейных знамен, предметов военной одежды²¹. В том же 1778 г. из Ораниенбаумской конторы поступило много разнообразных воинских предметов, среди которых были: бердыши, берендейки, барабаны, офицерские и охотничьи ружья, литавры и литавренные завесы, нагрудные офицерские знаки, один из которых принадлежал Петру I, шведские, прусские и голштинские кирасы, кивера и шапки, кафтан и камзол Фридриха Великого, его шпага и кортик, а также российские и голштинские трофейные знамена, в основном охотничьих обществ²².

Ведомость всего переданного имущества, составленная цейхвартером К. Гаксом, весьма обстоятельная. Многие предметы оказались в плохом состоянии и по предложению Гакса были отданы в ремонт²³. С 1777 г. все вновь поступившие достопамятные предметы по распоряжению И.И. Меллера помещались в «новопостроенный каменный магазин». По-видимому, речь идет об Орловском арсенале.

В конце 1778 г. капитан К. Гакс был назначен начальником Охтинского порохового завода. Там он проявил себя хорошим организатором и грамотным строителем. По его проектам, начиная с 1780 г., строится множество небольших объектов: здания мастерских, сараи, магазины, мостики, караульные будки. В 1781 г. началось строительство каменной церкви Илии Пророка. Изящество и красота постройки до сих пор вызывают восхищение. К сожалению, автор проекта неизвестен. Но в архиве музея сохранился ряд документов, составленных Гаксом, которые дают вполне реальное основание предположить, что он активно участвовал не только в процессе строительства, но и в разработке самого проекта²⁴. В сентябре 1782 г. Гакс получил чин майора и далее следы его теряются. Возможно, сложились все иначе, и цейхвартер С.-Петербургского арсенала, хранитель достопамятных вещей Карл Иванович Гакс снискал бы себе славу среди российских архитекторов или строителей. Но история не оставляет места человеческим фантазиям. Дальнейшую судьбу Гакса установить не удалось.

На смену Гаксу пришел капитан Антон Кроман. Он закончил Артиллерийский инженерный шляхетный кадетский корпус. Боевой офицер, до вступления в должность цейхвартера успел побывать в двух военных кампаниях: с 1768 по 1773 г. – в Польше, в 1774 г. в боях за турецкие крепости Шумла и Очаков.

За недолгий период его пребывания в должности хранилище достопамятностей значительно пополнилось. По прямому указанию генерала Меллера в арсенал поступило большое количество трофеев, находившихся в Петропавловском соборе: около 600 турецких знамен, флагов и вымпелов, большое количество бунчуков, булав, ключей от завоеванных городов и других предметов.

23 июля 1779 г. Андрей Кроман подал в КГАиФ ведомость, в которой указывалось, не только название вещи, но и приводились сведения в каком бою они были взяты в качестве трофеев²⁵. С сентября 1779 г. Кроман продолжил службу в Бомбардирском полку, в 1786 г. получил звание майора и в 1791 г. в том же чине находился в составе Финляндской армии²⁶.

16 октября 1779 г. цейхвартером арсенала назначается капитан Геринг Иван Федорович. Он происходил из саксонского шляхетства. В русской армии с 1757 по 1760 гг. был «на своем коште». На действительную службу поступил в 1767 г. сержантом и первое офицерское звание получил в 1768 г. До 1779 г. находился в составе 1-го и 2-го канонирских полков, а затем 1-го и 2-го фузелерных полков. В составе 2-го канонирского полка в 1774 г. участвовал в Очаковской экспедиции. Боевой грамотный офицер. О его компетентности как хранителя можно судить по составленной им в 1781 г. по требованию КГАиФ описи достопамятных орудий. В ней вещи были распределены по национальной принадлежности, а затем уже по предметно-тематическому признаку. По описи 1781 г. русских орудий насчитывалось 726, иностранных – 273, а всего – 999²⁷.

В декабре 1782 г. Иван Федорович Геринг был переведен во 2-й канонирский полк, затем в Бомбардирский полк, в составе которого участвовал в Русско-шведской войне (1788–1790), закончил войну подполковником и с 1791 по 1794 г. находился в армии, расположенной по р. Двине²⁸.

В июле 1783 г. И.Ф. Геринга сменил капитан Карл Албедил. До вступления в должность цейхвартера он закончил Сухопутный шляхетный кадетский корпус. Судя по формулярному списку, знал и артиллерийскую и фортификационную науку. С 1770 по 1774 гг. находился в действующей армии во время Русско-турецкой войны (1768–1774)²⁹. При его непосредственном участии в арсенал была принята большая коллекция русских и трофейных знамен из С.-Петербургской крепости. До поступления знамени хранились в сыром, не обустроенном складе с постоянно протекающей крышей, и большинство из них находилось в плохом состоянии. Цейхвартер доложил КГАиФ о состоянии прибывших из крепости предметов и предложил новые поступления осмотреть контролеру прежде, чем записывать их «в приход». Так, из 300 русских знамен годными оказались всего 70; из 112-ти прусских и 80-ти польских не нашлось ни одного, которого можно было бы выставить в зале вместе с достопамятными предметами. Карл Албедил предложил срочно разобрать все вещи и те, которые еще можно спасти, отдать в ремонт. Но это оказалось делом не простым. Предметы, поступившие в июле 1785 г., только в октябре 1787 г. были «починкой исправлены, препровождены в зал с прочими достопамятными вещами и записаны в приход»³⁰.

В октябре 1788 г. цейхвартером был назначен капитан Фок Иван Егорович (Григорьевич). Он проработал в этой должности почти 10 лет. При нем поступило много предметов трофейного вооружения и знамен, захваченных в военных компаниях с Турцией (1787–1791), Швецией (1788–1790), Польшей (1790–1792). Часть вещей передавалась непосредственно военачальниками – участниками сражений. Поэтому информация о них была более подробная. И.Г. Фок – грамотный офицер, он закончил Артиллерийский инженерный шляхетный кадетский корпус, фиксировал все известные ему сведения, иногда переданные словесно, в соответствующей документации. И делал это добросовестно. Недаром в его послужном списке отмечено: «В должности звания своего прилежен, от службы не отбывает»³¹. Насколько он четко и квалифицировано вел документацию свидетельствует «Ведомость инвентованным, курьезным и достопамятным орудиям и разным древним вещам», составленная 22 декабря 1797 г. при передаче подполковником Фоком капитану Васильеву цейхвартерской должности. Эта ведомость, по праву, считается первой описью достопамятных вещей. Предметы описаны более подробно, в некоторых случаях указано происхождение вещи, чаще – в основной графе, где изложено описание; начиная с 1778 г., приводится время и место, откуда поступил предмет. Примечательно, что достопамятным вещам, изначально состоявшим при С.-Петербургском арсенале, но числившимся у других цейхвартеров, поступление не дается. Очень важным, на мой взгляд, является наличие пометок в описи с указанием источника информации. Например, «Вылитый по инвенции статского советника Нартова в 1754 г.» – «Дело по инвенции, книга 2, № 13» или другой источник – «Журнал графа Шувалова». Очень интересная запись сделана напротив описания щита, на котором изображен российский герб, – «исправлено капитаном Гаксом. – рапорт 779 декабря 14, в деле № 9 по магазинным делам»³². Все эти записи свидетельствуют о том, что учет достопамятных предметов не ограничивался только составлением ведомостей, существовали и другие документы, ведение которых входило в обязанности цейхвартеров. К сожалению, они до сих пор не обнаружены.

К концу XVIII в. собрание достопамятностей из сугубо артиллерийского превращается в хранилище воинских вещей. К этому времени вся коллекция была сосредоточена в великолепном здании Орловского, с 1799 г. называемого Старым, арсенала. Здание арсенала предназначалось не только для производства и хранения оружия, но и для демонстрации военной мощи страны. Поэтому оно было обильно оснащено военной атрибутикой. Монументальность композиции, пышность и изысканность архитектурной декорации, послужили основанием для большинства исследователей считать автором проекта Старого арсенала архитектора В.И. Баженова. Это ошибочное утверждение бытует в литературе и по сей день³³.

В 2002 г. научные сотрудники архива ВИМАИВиВС³⁴ при разработке выставки «Военно-архитектурные комплексы северной столицы» очень тщательно изучили документы, связанные со строительством Старого арсенала, и восстановили имя настоящего автора проекта. Им был Иоган Валентин Тобиас фон Дидрихштейн (Дидерихштейн). Он прибыл в Россию 24 июля 1762 г. по приглашению КГАиФ, главным образом, для строительства арсенала «по представленному от него чертежу»³⁵. Началось строительство в августе 1763 г.³⁶ К моменту прибытия Баженова в С.-Петербург в 1765 г. оно шло уже полным ходом по чертежам Дидрихштейна. Он сделал даже модель внутреннего расположения будущего здания³⁷. Известно, что Баженов вскоре выехал в Москву. А в 1766 г. покинул Россию и Дидрихштейн. Строительство арсенала осуществлял архитектор Инженерного корпуса Карл Иоган Шпекле. С 1770 по 1780-е гг. по его проектам были построены: присутственное здание КГАиФ, модельный дом, склады, фурштатские казармы, различные мастерские. Постройки Шпекле, созданные по его проектам, во многих случаях стали первыми образцами архитектуры классицизма. По-видимому, это обстоятельство и проект Шпекле здания Киевского арсенала, имеющего некоторые общие черты с С.-Петербургским, послужили поводом одному из исследователей истории архитектуры В.В. Дмитриеву назвать автором проекта Старого арсенала К.-И. Шпекле³⁸. Но эта версия не имеет достаточного обоснования. Во всех документах, связанных с деятельностью Шпекле, включительно его челобитной 1794 г.³⁹, где подробно перечислены все его работы, в том числе и те, автором проектов которых он являлся, Старый арсенал не упоминается. Кстати, и в челобитной В.И. Баженова 1777 г., где обстоятельно изложена его деятельность с момента приезда в Россию, Санкт-Петербургский арсенал не указан⁴⁰. И последний аргумент в пользу версии научных сотрудников архива. Докладная записка Артиллерийского департамента генерал-фельдцейхмейстеру Михаилу Павловичу 1826 г. В ней автором проекта Старого арсенала назван Дидрихштейн⁴¹.

В здании, о котором шла речь, названного П.П. Свиным «замком», на втором этаже в «самой великолепной его части», разместилось собрание достопамятностей, получившее в последствии наименование Достопамятный зал.

Хранителем Достопамятного зала после И.Г. Фока становится капитан Васильев. Николай Николаевич Васильев закончил Артиллерийский инженерный шляхетный кадетский корпус, к моменту прибытия в арсенал 12 лет прослужил в артиллерийских войсках, знал не только материальную часть артиллерии, но и лабораторное «искусство»⁴². К чести его надо сказать, что он пытался усовершенствовать учетную документацию. В рапорте Артиллерийской экспедиции 17 августа 1797 г. капитан Васильев предлагает ввести не одну Шнурованую книгу, а несколько, разделив их по предметам хранения. Он даже определил количество листов для каждой книги.

Так, для книг прихода и расхода «куръезным, инвентованным и достопамятным орудиям и разным древним вещам» – по 60 листов. Книга прихода «осадной, полевой и полковой артиллерии» – 60 листов, расходная – 50 листов. И так для каждого предмета: книги материалов и припасов по 15 листов, инструментов – 6 листов, книга предметов «Ведомства главного кригскомиссариата – оружейным, шпажным и прочим вещам» – 15 листов. Артиллерийская экспедиция распорядилась об изготовлении новых книг учета⁴³. Но были ли они сделаны и вошли в употребление, сказать трудно. В дальнейшем в документах они не упоминаются.

7 марта 1799 г. по приказу Инспектора всей артиллерии А.А. Аракчеева была введена должность начальника Литейного дома (арсенала). Цейхвартеры, унтер-цейхвартеры и капитан над мастеровыми перешли в подчинение к нему. Вся переписка – «повеления» канцелярии и рапорты цейхвартеров – адресовалась на имя командира арсенала⁴⁴. С одной стороны, ответственность за достопамятные предметы повысилась. Теперь вместе с цейхвартером ее разделял и командир арсенала, лицо более высокого ранга. С другой стороны, цейхвартеры, лишившись возможности прямого общения с высшим органом артиллерийского управления, вынуждены были обращаться со всеми вопросами к командиру арсенала. А он, естественно, занятый в основном выпуском и ремонтом материальной части артиллерии и оружия, не всегда имел возможность вникнуть в дела достопамятного подразделения или не считал на данный момент это важным.

А между тем, коллекция достопамятностей постоянно пополнялась новыми предметами. Начиная с 1797 г., в Достопамятный зал регулярно поступают большие партии знамен и штандартов. Их передавали сами полки, комиссариатское ведомство, военный министр. И не редко в сопровождающей документации отсутствовали самые элементарные сведения о них. Знамена учитывались чаще всего количественно. Артиллерийский департамент рассматривал их только как декоративный элемент. В распоряжениях о приеме знамен каждый раз указывалось «поставить в залах для украшения».

В начале XIX в. благоустраивается и территория перед арсеналом. По приказу Инспектора всей артиллерии были изготовлены новые станки и лафеты под достопамятные орудия, стоявшие перед зданием. Они были поставлены на вновь построенные платформы, цоколь которых обложен плиткой. Под горки из бомб и ядер были сделаны специальные настилы из булыжника⁴⁵.

В это время уже тяжело болел цейхвартер Н.Н. Васильев. И хотя официально он был уволен только в 1814 г.⁴⁶, последние два года исполнял должность хранителя Достопамятного зала цейхвартер 9-го класса И.Б. Зацер. Он прослужил в С.-Петербургском арсенале до декабря 1816 г. Боевой, грамотный офицер, участник Русско-турецкой войны (1787–1791 гг.) и польских событий 1790-х гг. Там он был ранен в ногу. К службе в любом качестве относился добросовестно и как отмечено в его формулярном списке, «имел добрые рассуждения, ревностен и неутомим»⁴⁷.

В дальнейшем ответственность за достопамятности возлагалась на унтер-цейхвартеров. С 1820 по 1826 г. хранителем Достопамятного зала был унтер-цейхвартер 13-го класса Федор Кириллович Васильев. С 1826 по 1834 г. – унтер-цейхвартер 10-го класса Константин Николаевич Семенов. Ф.К. Васильев до перехода в С.-Петербургский арсенал долгое время служил в 1-й Лабораторной роте и хорошо знал фейерверочное дело⁴⁸.

К.Н. Семенов закончил 2-й кадетский корпус, в начале был направлен в Инженерный корпус, затем Чертежную Артиллерийской экспедиции, продолжил службу на Охтинском пороховом заводе и в Шварцгольсской крепостной артиллерии, откуда и был переведен в С.-Петербургский арсенал⁴⁹.

О последующих хранителях Достопамятного зала сведений почти не сохранилось. В документах упоминаются лишь их фамилии. С 1834 по 1835 гг. заведовал достопамятностями цейхвартер 9-го класса Михаил Федоров⁵⁰, его сменил унтер-цейхвартер Липгарт, в 1838 г. фигурирует унтер-цейхвартер 12-го класса Васильев⁵¹.

Победоносное завершение войн России с Персией, Турцией, Швецией и, особенно тяжелой, с Францией, повлекло за собой новые большие поступления реликвий и трофеев русской армии в Достопамятный зал.

Разгром армии Наполеона вызвал всплеск национального сознания в обществе. В истории России наступила удивительная эпоха, которую часто называют «пушкинской». Спасение Отечества всколыхнуло интерес к истории, к памятникам старины, таивших в себе страницы прошлого, славу русской армии. Изменилось отношение к памятникам военной старины и со стороны Императорского дома. С декабря 1825 г. по июль 1826 г. в С.-Петербургский арсенал были переданы мундир и шпага генерала от инфантерии Милорадовича, оружие, мундиры и ордена императора Александра I, гардероб и оружие Петра Великого, Петра III и Екатерины II. Как указывалось в документе, вещи передавались по высочайшей воле императора Николая I. Но каждое поступление предварялось личным распоряжением генерал-фельдцейхмейстера Великого князя Михаила Павловича.

В распоряжении не только подчеркивалась ценность передаваемых предметов, но и содержались требования об особых условиях их хранения. Зал (покой), где они будут находиться, должен быть светлым и сухим, а сами предметы помещены в особые застекленные шкафы. Позже в этом покое по инициативе Михаила Павловича были сделаны паркетные полы. «Сбережение сих вещей» возлагалось теперь не на цейхвартера, а на командира арсенала. Он лично отвечал за их сохранность и не реже одного раза в год должен был докладывать Великому князю⁵².

Интерес Михаила Павловича к достопамятному подразделению не был ни случайным, ни одномоментным. Дальнейшие события покажут это. А личность его была гораздо сложнее и многограннее, чем она представлялась до недавнего времени.

Генерал-фельдцейхмейстер советскими исследователями изображался как жесткий военачальник, любивший муштру и не желавший ничего знать, кроме фронта. Трудно согласиться с такой характеристикой, зная, что Михаил Павлович стоял во главе военно-учебных заведений, был инициатором создания артиллерийского училища и академии, артиллерийского технического училища и др. Кроме того, исследования последних лет показали, что генерал-фельдцейхмейстер был хорошо образован, свободно владел русским и французским языками, был человеком наблюдательным, прекрасным рассказчиком и обладал большим чувством юмора. По свидетельству современников, он был сведущ в новинках русской литературы, встречался с Пушкиным и Гоголем. Михаил Павлович, по-видимому, был поклонником великого поэта, так как, при встречах с ним «был очень любезен и откровенен». Приверженность Великого князя к истории подтверждается не только его отношением к Достопамятному залу: человек, который считал ценным подарком «архивский» документ, не может быть равнодушным к ней.

«Великий князь Михаил Павлович под личиной строгого фронтовика скрывал много черт и прелестей образованного и любившего образование человека», – такую характеристику дал Михаилу Павловичу один из его современников⁵³. И она мне кажется наиболее справедливой.

Внимание Великого князя к Достопамятному залу благотворно сказалось на деятельности последнего. После выхода в свет путеводителей по С.-Петербургу⁵⁴, где восторженно описаны достопамятные предметы, хранившиеся в С.-Петербургском арсенале, популярность Достопамятного зала значительно возросла. Да и не ослабевал интерес к древностям вообще. Начались издания различных атласов предметов старины.

В марте 1827 г. Николай I «Высочайше повелел составить историческо-хронологическую ведомость всем достопамятным вещам, хранящимся в С.-Петербургском арсенале»⁵⁵.

Идея создания такой описи принадлежала еще Александру I. В 1806 г., после осмотра Достопамятного зала, он обязал начальника Чертежной Артиллерийского департамента Сент Жоржа, о художественном даровании которого ему было известно, сделать цветные чертежи со всех «достопримечательных» предметов и к ним приложить подробное описание, где указать происхождение вещи, когда и откуда она поступила и в чем состоит ее ценность⁵⁶. Но это пожелание императора не было реализовано.

Составление нового описания находилось под пристальным вниманием Великого князя Михаила Павловича. Работа над ним была поручена одному из ведущих специалистов С.-Петербургского арсенала подполковнику Эрдману Василию Андреевичу. В 1830 г. Эрдман представил первый вариант краткого хронологического описания достопамятных предметов. Генерал-фельдцейхмейстер, рассмотрев рукопись, внес исправления в ней и приказал сделать такое же, только более подробное описание по покоем (залам). Предыдущее хронологическое описание было составлено по предметам. В.А. Эрдман не мог приступить сразу же к составлению рукописи, поскольку был занят своей непосредственной работой – приемом изготовленного оружия не только в С.-Петербургском арсенале, но и в других технических заведениях Артиллерийского департамента. Михаил Павлович был настолько заинтересован в скорейшем завершении описания, что предложил заменить Эрдмана до его приезда другим офицером. А в мае 1832 г. потребовал, чтобы к описанию достопамятных предметов приложена была справка по истории С.-Петербургского арсенала.

В августе 1832 г. работа над рукописью была завершена, и в октябре труд представлен Николаю I. Великий князь, направляя два экземпляра рукописи «Краткого историческо-хронологического описания достопамятных вещей», в одном из которых достопамятности распределены были по предметно-типологическому принципу, в втором – по расположению их в покоем, просит повеления отпечатать несколько экземпляров Описания для хранения их при С.-Петербургском арсенале «на случай востребования посетителей»⁵⁷.

«Краткое описание достопамятных вещей, хранящихся в Санкт-Петербургском арсенале (по покоем)» – так

Альбом чертежей к «Описанию образцов ручного огнестрельного и белого оружия, хранящегося в С.-Петербургском арсенале». Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 38

официально называлась рукопись – первый путеводитель по Достопамятному залу. Оригинал ее находится в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁵⁸. Он подписан подполковником Эрдманом и генерал-лейтенантом Козеном. Правда, подписи зачеркнуты, по-видимому, это сделано позже в Управлении штаба генерал-фельдцейхмейстера. Копия имеется в архиве музея⁵⁹.

Эта рукопись дает нам возможность представить Достопамятный зал конца 1820 – начала 1830-х гг. Экспозиция его располагалась в двух залах и пятнадцати покоем. Предметы размещены пока довольно хаотично, правда, с попыткой придерживаться хронологии. Только в трех комнатах из 17-ти вещи распределены соответственно определенной теме: комната, где хранились вещи «особ августейшей императорской фамилии», Ружейный зал и комната, в которой хра-

нились предметы «Печальной церемонии». В Описание включены артиллерийские орудия, стоявшие во дворе Старого арсенала и перед фасадом Нового арсенала. Предваряет рукопись краткая справка по истории арсенала.

В принципе одобренное Описание 1832 г. уже через год перестало удовлетворять генерал-фельдцейхмейстера. В августе 1834 г. В.А. Эрдман получил распоряжение о составлении нового Описания с более расширенной информацией о достопамятностях и включением в него вновь поступивших предметов. На этот раз работа над рукописью продвигалась очень медленно, несмотря на жесткие требования и ежедневный контроль со стороны штаба генерал-фельдцейхмейстера⁶⁰.

Самая большая трудность заключалась в описании знамен. «Главнейшей», по мнению Эрдмана, – «частью достопамятных предметов», сведения о которых в старых инвентарях отсутствовали⁶¹. Следует заметить, что Василий Андреевич добросовестно пытался найти о них информацию в архиве арсенала, прибегал к печатным источникам, обращался за помощью в другие ведомства, в частности, в Интендантское и Комиссариатское, но все это дало небольшие результаты. Только, когда к нему был прикомандирован сведущий в знаменах А.В. Висковатов⁶², работа над Описанием значительно продвинулась. В январе 1836 г. Великий князь Михаил Павлович решил, что к новому Описанием должны быть приложены чертежи «замечательнейших из достопамятных вещей». Чертежи выполнили ученики Технической школы на уроках рисования под руководством поручика Зембулатова⁶³. В их создании приняли участие: Яков Новоселов, Иван Зубков, Борис Кухтин, Федор Игнатьев. Поражает уровень знаний этих учеников: помимо русской грамматики, они «знали черчение и рисование, владели французским и немецким языками». Двое из них за выполненную работу удостоились денежной награды⁶⁴.

17 апреля 1837 г. подполковник Эрдман доложил о завершении Описания достопамятных предметов. 3 июня 1837 г. две рукописи «Описание достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале. 1837» и «Хронологический указатель достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале», а также 74 чертежа представлены императору Николаю I⁶⁵.

Описание было снабжено развернутой справкой по истории арсенала, оглавлением и списком чертежей. Автором Описания был подполковник В.А. Эрдман. Хронологический указатель составил полковник князь Голицын⁶⁶.

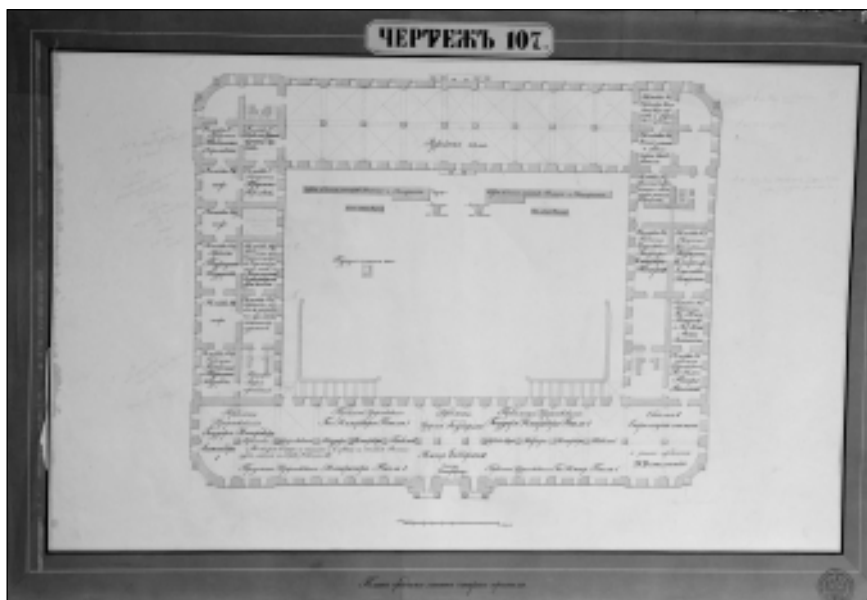
Обе рукописи прекрасно оформлены: листы с золотым обрезом, в зеленом кожаном переплете с тиснением, покрытым сусальным золотом, находятся в основном фонде Отдела рукописей РНБ⁶⁷.

В изготовлении чертежей, кроме учеников Технической школы, принял активное участие капитан Силич. При их составлении также использованы рисунки Сент Жоржа, предоставленные его дочерью Великому князю. К сожалению, полного комплекта всех чертежей отыскать не удалось. В архиве музея хранятся отдельные разрозненные листы, правда, в альбоме, специально изготовленном для них. Переплет альбома сделан по типу переплета рукописи, обтянут зеленой кожей с золотым тиснением и надписью: «Чертежи к описанию достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале»⁶⁸.

Представленные рукописи и чертежи были одобрены. Но генерал-фельдцейхмейстер выразил неудовольствие по поводу того, что в Описание не вошли предметы, хранящиеся в кладовой арсенала. В своем приказании о дополнительном включении этих вещей он пояснил: «...ибо никакие достопамятности в кладовой храниться не должны, не быв в подробности рассмотрены и разобраны»⁶⁹. В.А. Эрдман, в свою очередь, так объяснил свой подход к отбору достопамятных вещей: «... в Описании прописано только то число предметов, которое можно было поместить в залах Музеума; по отобрании лучших из каждого рода предметов»⁷⁰.

Уже в декабре 1837 г. Эрдман приступил к описанию вещей, находившихся в «особой» кладовой и 30 декабря 1838 г. «Окончательно дополненное Описание достопамятностей С.-Петербургского арсенала» с 34-мя новыми рисунками было представлено Николаю I⁷¹.

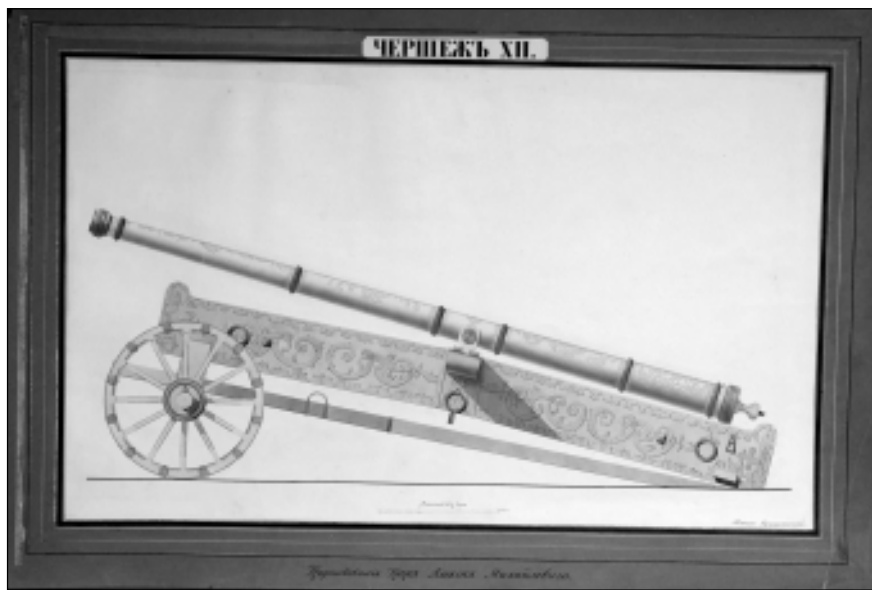
Описание 1838 г.⁷² отличается от предыдущего только большим количеством предметов и дополнительными чертежами. В конце рукописи имеется следующая надпись: «К сему описанию приложено 74 чертежа, с 1 по 75, находившиеся при Описании 1837 г., к которым нынче приписана новая нумерация и прибавлено 34 чертежа, с 75 по 108». Описание 1837 г. и Описание 1838 г. имеют одинаковую структуру. Единой нумерации нет. Она соблюдается по трем видам предметов: для знамен и штандартов – одна, для всех типов артиллерийских орудий – другая, и отдельная нумерация для всех остальных предметов. Аннотации к достопамятным вещам даны более точные и пространные, иногда с ссылкой на архивные документы. По описанию 1838 г. отчетливо видно, как изменилась экспозиция Музеума. В данном случае она построена по хронологическому принципу с соблюдением национальной принадлежности достопамятных предметов.

План размещения экспозиции Достопамятного зала. 1838 г.

Из разрозненных чертежей (из 107 их осталось всего 44), которые прилагались к рукописи, сохранился план размещения предметов Достоянного зала. В плане четко видно расположение комнат и залов и их тематическая направленность.

Предметы, относящиеся к русскому государству, распределены по залам и комнатам соответственно хронологии. В большом зале, в первом отделении – стрелецкие знамена и вещи XVII в. Затем размещение предметов идет

**5-фунтовая железная кованая нарезная пищаль. 1663 г. (вид сбоку).
Чертеж юнкера Крыжановского. Из собрания Великого князя Михаила Павловича. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 39. Л. 14**

ранных, частью трофеев, доставленных по высочайшим повелениям из разных мест империи».

Описание достопамятных предметов, хранящихся в С.-Петербургском арсенале, 1838 г. с приложенными чертежами явилось первым иллюстрированным путеводителем по музею.

Описание 1838 г. получило одобрение Николая I, понравилось оно и Великому князю. Михаил Павлович выразил желание иметь чертежи особо примечательных достопамятных вещей. 26 января 1841 г. начальник Артиллерийского училища генерал-майор Розен преподнес Его Высочеству Михаилу Павловичу 34 чертежа достопамятных предметов, выполненных под руководством барона Клодта, обучающимися офицерами и юнкерами училища. Вначале чертежи хранились в личной библиотеке Великого князя⁷³, в настоящее время они находятся в архиве музея⁷⁴.

Император Николай I, «рассмотрев с особым удовольствием» труд В.А. Эрдмана, выразил желание дополнить его хронологическим описанием образцов ручного огнестрельного и белого (холодного) оружия, начиная с создания регулярной армии и до 1840 г., приложив к нему рисунки⁷⁵. Для исполнения высочайшей воли генерал-фельдцейхмейстер приказал Артиллерийскому департаменту доставить в его штаб все образцы оружия, имевшиеся в арсеналах и на оружейных заводах. В январе 1839 г. заводы и арсеналы получили распоряжение подготовить описание и чертежи находившихся у них образцов. Предприятие это заняло довольно много времени. Вначале были присланы списки оружия, затем его описания и чертежи, а вскоре и сами образцы для сравнения их с рисунками, а главное, для изготовления новых чертежей. Работа над составлением описания ручного огнестрельного и холодного оружия была поручена дежурному офицеру штаба генерал-фельдцейхмейстера полковнику Яковлеву. Подготовка чертежей осуществлялась под руководством полковников Голицына и Эрдмана⁷⁶.

В данном случае речь шла не только о составлении хронологического описания, но и о создании новой экспозиции⁷⁷. «Особое собрание» должно было быть помещено в колонном зале Нового арсенала по образцу Берлинского цейхгауза.

Новый арсенал был построен по проекту архитектора Ф.И. Демерцова в 1808 г. и находился на Литейном проспекте, напротив Старого арсенала. Крупный масштаб сооружения, лаконизм форм, величавость облика придавали зданию триумфальный характер. Новый арсенал считался одной из лучших построек Петербурга первого десятилетия XIX в. Не меньше поражал современников и интерьер здания, особенно 16 колонный круглый зал, к которому вела «прекрасная отлогая лестница».

Для помещения образцов оружия было изготовлено 6 специальных шкафов по рисунку архитектора А.П. Гемпиана. Шкафы были из красного дерева, с резьбой и позолотой, застекленные, внутри оббитые красным сукном. Вместо полок устроены пирамиды тоже из красного дерева⁷⁸.

Точная дата открытия выставки «особого собрания» неизвестна. Рукопись «Описания образцов ручного огнестрельного и белого оружия, хранящегося в С.-Петербургском арсенале» и 78 чертежей были готовы в 1843 г. Рукопись хранится в РНБ⁷⁹, а чертежи в архиве ВИМАИВиВС⁸⁰. Оформлены они так же, как предыдущие Описания, в зеленом кожаном переплете с золотым тиснением. Рукопись впервые имеет валовую нумерацию и включает 329 единиц оружия, каждое из которых изображено на чертеже. Поскольку в ней не называется место расположения образца, а приводится номер чертежа, где он изображен, «Описание образцов ручного, огнестрельного и белого оружия, хранящегося в Санкт-Петербургском арсенале. 1843 г.» без сомнения можно рас-

в соответствии со временем царствующих особ. Отдельные комнаты отведены для достопамятностей, бытовавших при Петре I, Петре II, Анне Иоановне и так далее, вплоть до Александра I. Особая комната предназначалась для личных вещей императоров. Предметы иностранных государств располагались отдельно и имели свои покои. Один из залов был посвящен ручному огнестрельному и холодному оружию. В Описание вошли все артиллерийские орудия, стоявшие во дворе и перед новым арсеналом. Предваряла его, как обычно, справка по истории арсенала, только более пространная. В ней впервые указывалось место расположения Музеума и его содержание. «В зале переднего фасада и 17-ти комнатах», – как сообщалось в справке, – «хранится большое, великолепное собрание любопытных и достопамятных воинских вещей, как российских, так и иностран-

смагивать как первый иллюстрированный каталог отдельной коллекции достопамятных предметов.

В архиве ВИМАИВиВС имеется рукопись еще одного Описания достопамятных предметов по залам⁸¹, но она, к сожалению, неполная, отсутствует 119 страниц. Совершенно очевидно, что это более поздняя попытка⁸² написания еще одного путеводителя. Принцип составления Описания тот же, что и в Описаниях 1837 и 1838 гг., а вот структура несколько изменилась. После исторической справки, идентичной приведенной ранее, идет описание достопамятных предметов, находившихся в Новом арсенале. В частности, приводится полный текст Описания ручного огнестрельного и холодного оружия, имеющий отдельную нумерацию. Именно наличие этого текста делает данную рукопись очень ценным документом. Сосредоточение в одном хранении рукописи и чертежей создаст благоприятные условия для более глубокого изучения первого каталога достопамятностей.

В 1840-е гг. происходят серьезные события в истории Достопамятного зала. Во-первых, 12 февраля 1840 г. распоряжением Артиллерийского департамента вводится новая форма учета достопамятных предметов. Предложил ее прикомандированный к С.-Петербургскому арсеналу штабс-капитан Мертенс. Он на собственном опыте, помогая В.А. Эрдману в разборе знамен, убедился, насколько единая шнуровая книга 1772 г. не соответствует требованиям учета достопамятностей. Мертенс справедливо считал, что все описания, составленные Эрдманом, несмотря на их «историческую ценность», не могут считаться учетными документами, потому что в них нет единой нумерации.

Мертенс предложил для учета достопамятных предметов две шнуровые книги. Одну, «пространную» (основную), для подробных записей о каждой вещи, включая не только описание, но и известные о ней исторические сведения; вторую – с краткими записями для ежегодных отчетов. «Пространная» книга, по мнению разработчика, составлялась на два-три десятилетия⁸³. Нет смысла подробно останавливаться на книгах, предложенных штабс-капитаном Мертенсом: это те шнуровые книги 1841 г., которые дошли до нашего времени и являются старейшими учетными документами музея⁸⁴. Но хотелось бы отметить главное: новые книги имеют единую нумерацию и номер по порядку (статья) считается учетным номером предмета. Такой же номер должен был стоять и на ярлыке, прикрепленном соответственно к каждой вещи. Форма учетных документов, предложенная штабс-капитаном Мертенсом, безусловно, значительный шаг вперед в деле учета и сохранности достопамятных предметов.

Во второй половине 1840-х гг. вновь встал вопрос о благоустройстве внешней территории перед Старым и Новым арсеналами. Главным образом это касалось деревянных лафетов, на которых стояли достопамятные орудия: они пришли в негодность. В 1847 г. Артиллерийский департамент предложил заказать чугунные лафеты по образцу Оружейной палаты и Спасо-Преображенского собора и получил согласие генерал-фельдцейхмейстера. Новые чугунные лафеты были изготовлены на заводе генерал-лейтенанта Огарева и Нобеля по рисункам и чертежам архитектора А.П. Гемелиана⁸⁵. Они и сегодня являются украшением внешней экспозиции ВИМАИВиВС.

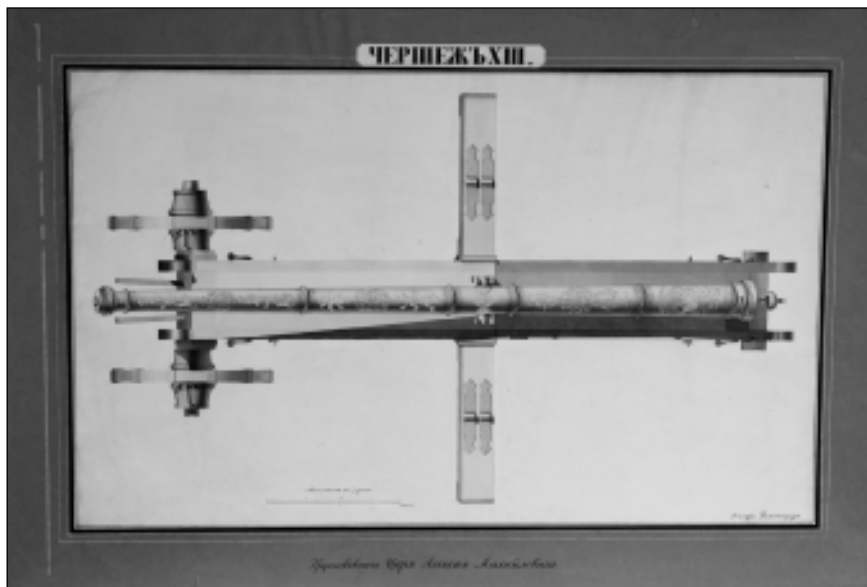
Достопамятный зал по-прежнему пополняется предметами артиллерийского и стрелкового вооружения и другими воинскими вещами. Он не только принимал и хранил достопамятные предметы, но и передавал их в другие хранилища. Так, в Зимний дворец было передано 28 прусских знамен и 4 штандарта⁸⁶, в Михайловское артиллерийское училище – знамена, оружие, снаряды, артиллерийские орудия. В числе последних была 6-ти фунтовая полевая пушка 1800 г., применявшаяся в сражении при Прейсиш-Эйлау⁸⁷.

Одним словом, Достопамятный зал был музеем в полном смысле этого слова. У него были фонды (кладовые), прекрасная экспозиция, включавшая в себя, помимо уникальных памятников, много знамен, скульптуру, живопись (в основном портреты), гравюры, свой отдельный инвентарный учет, путеводитель и каталог для посетителей. Поэтому пора расстаться с расхожим утверждением, будто Достопамятный зал являлся «скопищем любопытных предметов». Он стал таковым после его разгрома и спешного перевода в Кронверк.

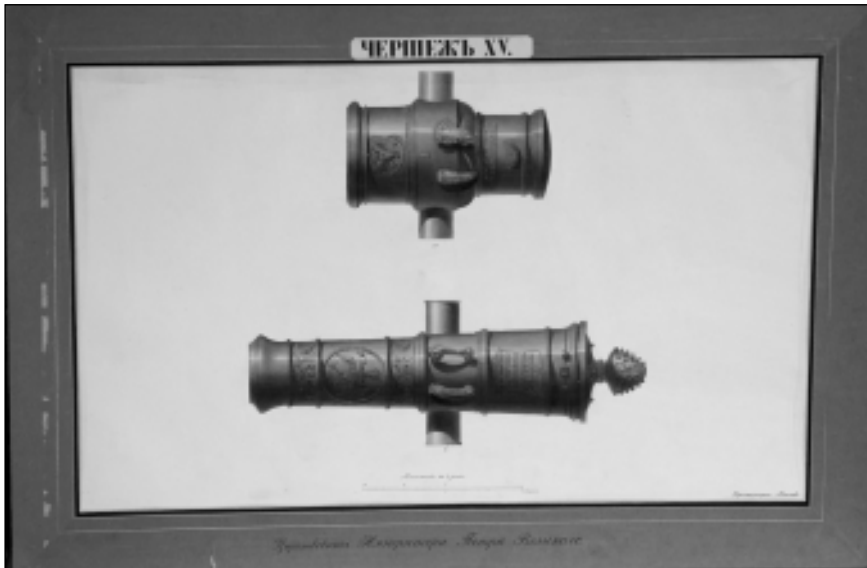
Нормальное функционирование музея по-прежнему осуществляли цейхвартеры. Они занимались приемом, учетом и хранением предметов, следили за их состоянием – «приводили в должную исправность», обеспечивали чистоту и порядок в кладовых и на экспозиции.

К середине 1840-х гг. вводится специальная должность цейхвартера (унтер-цейхвартера) «содержателя достопамятных предметов». Ее, как правило, занимали люди, имеющие образование, среди которых были не только офицеры, но и чиновники.

В ноябре 1841 г. штабс-капитана Мертенса сменил коллежский ассессор Василий Константинович Попков. До последней должности он занимался разбором архива, знал фейерверочное дело и часто привлекался к устройству иллюминаций в Петергофе и Царском Селе. Был награжден Знаком отличия беспорочной службы за XV лет⁸⁸.

5-фунтовая железная кованая нарезная пищаль. 1663 г. (вид сверху). Чертеж юнкера Комотадиуса. Из собрания Великого князя Михаила Павловича. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 39. Л. 15

5-пудовая мортира, отлитая мастером Клауди Ферми в 1695 г. в г. Амстердаме (верх). 1/2-пудовая гаубица, отлитая в Казани в 1712 г. (низ). Чертеж прапорщика Неелова. Из собрания Великого князя Михаила Павловича. Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 39. Л. 16

по запасам достопамятных предметов». После И.И. Полянского «содержателем достопамятных предметов» становится губернский секретарь А.Ф. Бакеркин⁹¹. 7 декабря 1851 г. он сдает достопамятные предметы штабс-капитану Гольману Александру Егоровичу, «состоявшему при арсенале содержателем достопамятных предметов». Гольман закончил артиллерийское училище по высшему разряду, служил во 2-й и 8-й артиллерийской бригадах, к арсеналу был прикомандирован в октябре 1849 г.⁹². В марте 1854 г. на несколько месяцев становится хранителем поручик Юрьевич Илья Иванович. Он закончил 1-й кадетский корпус, в начале проходил службу в батареинных батареях 2-й гренадерской и 2-й артиллерийской бригадах, участвовал в походе в Венгрию в 1849 г. За добросовестную службу дважды награждался деньгами⁹³. В послужном списке подпоручика фон Бриммера Оттона-Георга Теодора Яковлевича, сменившего Юрьевича, его должность записана следующим образом: «заведует достопамятными предметами, музеем и помощник заведующего оружейной мастерской». Фон Бриммер получил домашнее образование, служил вначале в гарнизонной артиллерии, а после сдачи экзаменов в Военно-ученом комитете был прикомандирован к С.-Петербургскому арсеналу. Был грамотен, знал артиллерию и фортификацию владел немецким языком⁹⁴.

С июля 1855 г. по май 1856 г. хранил достопамятные предметы суболтерн-офицер поручик Обрампольский Кондрат Фадеевич. Он закончил Михайловское артиллерийское училище, был зачислен в 21-ю артиллерийскую бригаду, а оттуда переведен в 1854 г. в С.-Петербургский арсенал⁹⁵.

С мая 1856 г. по май 1857 г. хранителем Достопамятного зала и одновременно содержателем металлов был капитан Афансьев Сергей Данилович. За долгую службу, ему было 55 лет, он освоил не только общеобразовательные предметы: русскую грамматику, алгебру, геометрию, но и черчение, изготовление пороха, а также хорошо знал гарнизонную, лагерную и форпостную службу⁹⁶.

В последующие годы вновь возвращается должность «содержатель достопамятных предметов». С мая 1857 г. по июнь 1858 г. им становится поручик Тарадеев Владимир Николаевич. Он завершил курс наук в Дворянском полку, с 1855 г. прикомандирован к С.-Петербургскому арсеналу. В послужном списке аттестуется положительно⁹⁷.

В июне 1859 г. на смену Тарадееву пришел подпоручик Шнитников Михаил Федорович, который после окончания 2-го кадетского корпуса сразу же был переведен в С.-Петербургский арсенал⁹⁸.

28 июня 1861 г. «заведующим достопамятными залами и музеем арсенала» назначен коллежский регистратор Иван Дмитриевич Талызин. С его именем связано последнее подробное описание Достопамятного зала. Рукопись названа автором: «Описание Артиллерийского зала достопамятных и недостопамятных предметов 1862 г»⁹⁹. Труд этот хорошо известен по многим публикациям о музее¹⁰⁰. Но квалифицируется он по-разному. В работе В.Е. Туманова рукопись Талызина названа одновременно и путеводителем и иллюстрированным каталогом¹⁰¹. А.И. Гладкий характеризует ее как иллюстрированное описание¹⁰². А.П. Лебедянская именует ее иллюстрированным каталогом.

В настоящее время дать объективную оценку этому ценному и важному документу не представляется возможным. Это будет реально только после серьезного исследования рукописи в будущем.

После И.Д. Талызина содержателем достопамятных предметов стал надворный советник Адольф Лях-Невинский¹⁰⁴. Он пробыл недолго в этой должности. В июле 1865 г. ответственность за хранение достопамятных предметов принял на себя начальник архива ГАУ полковник Зеленин Иван Александрович. Немолодой уже, заслуженный человек, кавалер многих орденов и Знака отличия за 50-ю непорочную службу¹⁰⁵, он пользовался авторитетом среди офицеров ГАУ. Именно поэтому ему удавалось в столь сложных условиях, когда судьба Достопамятного зала была уже решена и он перестал существовать, организовать уход за всеми без исключения памятниками,

С 1844 г. стал заведовать «на законном основании имуществом» Достопамятного зала унтер-цейхвартер 13-го класса Пиголкин. После его смерти, в марте 1847 г., временно хранителем достопамятных предметов стал капитан Антоньев. Он обратил внимание на неудовлетворительное состояние «пространных» книг. «Выданные в 1841 г., – писал Антоньев в рапорте от 13 декабря 1847 г., – они оказались от частого их употребления как комиссиями, так и содержателями, в довольно подержанном состоянии»⁸⁹.

С декабря 1847 г. хранителем Достопамятного зала был цейхвартер коллежский ассessor Винберг, а в 1849 г. его сменил подполковник Полянский Иосиф Иванович. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и польской компании 1831 г., кавалер многих российских орденов⁹⁰. Он числился как «отдельный штаб-офицер

будь то предметы, оставленные для будущего Артиллерийского музея, или же те, которые подлежали передачи в другие хранилища.

Об этих печальных событиях в истории музея много писалось. До сих пор принято было считать, что главная вина за разгром Достопамятного зала ложится на «неквалифицированную комиссию» генерал-майора Рота, что, на мой взгляд, не совсем правомерно.

Достопамятный зал на протяжении столетия формировался как музей воинской славы русской армии. Императорский дом тоже видел в нем особое хранилище. Недаром, в Достопамятный зал из личных вещей ушедших монархов были переданы только военные костюмы, оружие и ордена – все, что свидетельствовало об их причастности к армии и ее победам. Чтобы не быть голословной, приведу еще несколько примеров. После окончания Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Николай I приказал своему личному библиотекарю Седжеру выехать в Адрианополь и разыскать особый предмет, который бы убедительно символизировал полную победу над турками. Седжер выбрал мраморные солнечные часы и император распорядился привезти их и установить во дворе Старого арсенала «в память взятия Адрианополя». Пьедестал для установки часов был изготовлен в Технической школе по рисунку известного архитектора З.Ф. Красноповкова¹⁰⁶.

И еще один пример. В марте 1835 г. в Достопамятный зал был передан орден Св. Георгия 4 степени, принадлежавший австрийскому императору Францу I, но не в качестве мемориала, а «в память незабвенных побед, одержанных союзными армиями в 1813–1814 гг...» и хранить его следовало «с приличной тому надписью»¹⁰⁷.

Вновь созданному Главному артиллерийскому управлению не требовался музей воинской славы. Ему, как считалось, необходим был Артиллерийский музей, т. е. музей, деятельность которого была бы подчинена интересам ведомства, и находиться он должен в одном помещении с управлением. Для нового музея нужны были только отдельные образцы материальной части артиллерии и ручного огнестрельного и холодного оружия¹⁰⁸.

События развивались следующим образом. В начале 1865 г. генерал-адъютант Баранцов, возглавлявший ГАУ, отдает распоряжение инженер-полковнику Эрдербергу обследовать достопамятные предметы, отобрать нужные для будущего Артиллерийского музея, наметить ведомства, куда можно распределить остальные достопамятные вещи и отыскать подходящее помещение для временного хранения отобранных предметов Артиллерийского музея.

20 марта 1865 г. инженер-полковник Эрдерберг, которого не назовешь «серой шинелью», (известно, что военные инженеры являлись самой образованной частью русской армии) представил свое «предположение». Именно в нем впервые прозвучало, что «из самых примечательных» артиллерийских орудий можно оставить один, максимум два экземпляра, а остальное обратить в металл¹⁰⁹. В том же документе предлагалось передать «царский гардероб» в Царскосельский арсенал, а шляпу Петра I, пробитую двумя пулями в Полтавском сражении, для экспонирования которой, кстати сказать, в Достопамятном зале была сделана особая подставка со стеклянным колпаком, – в Петропавловский собор. Солнечные часы поставить в сквере Спасо-Преображенского собора. Также легко полковник Эрдерберг распределил и другие достопамятные предметы, в числе которых были прекрасные портреты в золоченных рамах, скульптура, знамена и гравюры. Что же касается присмотренного им помещения для временного размещения вещей Артиллерийского музея, то им оказалось двухэтажное здание мастерских, которое в тот момент было абсолютно не приспособлено для хранения и нуждалось в серьезном ремонте, что признавалось и самим Эрдербергом¹¹⁰. Соображения инженер-полковника Эрдерберга, по-видимому, вполне устроило начальство ГАУ. 15 апреля 1865 г. был объявлен приказ по управлению о назначении «Комиссии для пересмотра и распределения достопамятных вещей» под председательством генерал-майора Рота. Комиссии рекомендовалось действовать в соответствии с «Предположением» инженер-полковника Эрдерберга, напечатанным в качестве приложения к приказу¹¹¹.

Генерал-майора Рота, да и членов его комиссии полковников Кильхена и Петрушевского, никоим образом нельзя отнести к людям несведущими. Они действовали так, как им было предписано. Серебряные трубы были предназначены к продаже не потому, что «неквалифицированная» комиссия не разобралась в достоинстве достопамятных вещей, а совсем по другой причине. Генерал Рот в рапорте ГАУ от 26 марта 1866 г. писал: «в число этих предметов (предназначенных к продаже. – Л.М.) включены и серебряные трубы, которые хотя и следовало бы передать в интендантское ведомство, но, так как они представляют некоторую ценность, то Комиссия полагает, что лучше их продать»¹¹².

Эти факты приведены не для сенсационного разоблачения. Объективности ради заметим, что в этот период ГАУ приходилось решать ряд сложнейших задач, связанных в перевооружением армии новыми образцами вооружения и оно, конечно, нуждалось в деньгах. Но как же часто, пытаясь решить сиюминутные проблемы, мы уничтожаем веками накопленную национальную культуру.

Автор заранее просит извинение у читателей за приведенные в статье длинные списки цейхвартеров, порой переходящие в монотонное перечисление. Мне хотелось вызволить из небытия как можно больше имен истинных хранителей достопамятностей. Все они были людьми образованными, знающими и ответственными. Во многом благодаря им сегодня не только в коллекциях ВИМАИВиВС, но и в коллекциях Государственного Эрмитажа, Государственного музея этнографии, Государственных музеях-заповедников Павловска и Царского Села, а также Оружейной палаты Московского кремля имеются уникальные памятники прошлого России.

¹ Лебедянская А.П. Материалы для библиографии Артиллерийского исторического музея РККА и его памятников. Вып. I // Сб. исследований и материалов Арт. историч. музея Красной армии. М.-Л., 1940. С. 270–271; Георги И.Г. Описание российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятностей окрестностей оного. СПб., 1794; Свинын П.П. Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей. Ч. II. СПб., 1817; Туманов В.Е. Принадлежит России. Музей // Военной истории и боевой славы: Сб. ст. и материалов, посвященных 240-летию музея. Вып. VII. СПб., 1996. С. 33–83; Гладкий А.И. Первое столетие. Хроника

- примечательных событий в истории музея // Музей военной истории и боевой славы: Сб. ст. и материалов, посвященных 240-летию музея. Вып. VII. СПб., 1996. С. 329–336; Артиллерийский музей // Петровские музеи Северной столицы / Научный редактор и составитель В.М. Крылов. СПб., 2001.
- ² Имена многих из них удалось установить А.И. Гладкому: Гладкий А.И. Указ. соч. С. 382–385.
- ³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Сборные дела. (Сбр. д.) Д. 3095. Л. 1.
В распоряжении И.И. Меллер назван поручиком. На самом деле он уже был в звании поручика, которое ему было присвоено 25. 12. 1755 г.
- ⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Списки старшинств. (Сп. ст.) Д. 2. Л. 2. Д. 4. Л. 2. Д. 8. Л. 1 об.–2. Д. 17. Л. 2 об.–3. Д. 21. Л. 2 об.–3. Д. 23. Л. 1. Д. 24. Л. 1 об.–2; Оп. Арсенальное оделение (Арс. отд.) Д. 975. Л. 1–2.
- ⁵ ПСЗРИ. Т. XIV. №. 10624.
- ⁶ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Генеральное повышение. (Г. П.) Д. 465. Л. 113–116.
- ⁷ Там же. Оп. Сб. д. Д. 3003. Л. 11–16.
- ⁸ Там же. Л. 64–72.
- ⁹ Там же. Д. 3095. Л. 67–68.
- ¹⁰ Там же. Оп. Дела командирные: (Д. К.) Д. 219. Л. 27. 428–434. Оп. Арс. Д. 1033. Л. 1–4 об., 24. Д. 1045. Л. 1–7, 26–29, 34–36.
- ¹¹ Там же. Оп. Сб. д. Д. 3095. Л. 71.
- ¹² Там же. Д. 3003. Л. 91.
- ¹³ Там же. Оп. Сп. ст. Д. 1. Л. 8., Д. 2. Л. 8. Д. 4. Л. 6 об. Д. 8. Л. 14 об.–15.
- ¹⁴ Там же. Д. 1. Л. 6 об.
- ¹⁵ Там же. Оп. Штаб генерал-фельдцейхмейстера. (ШГФ) Д. 1686. Л. 25.
- ¹⁶ Там же. Л. 56–65 об.
- ¹⁷ Там же. Л. 153–156.
- ¹⁸ Там же. Оп. Сп. ст. Д. 2. Л. 14. Д. 4. Л. 11 об. Д. 8. Л. 27 об.–28.
- ¹⁹ Там же. Д. 1. Л. 40 об. Д. 4. Л. 22 об. Д. 8. Л. 41 об.–42. Д. 16. Л. 10 об.–11.
- ²⁰ Там же. Оп. ДК. Д. 219. Л. 27, 428–434.
- ²¹ Там же. Оп. Арс. Д. 1033. Л. 1–4 об.
- ²² Там же. Д. 1045. Л. 1–7.
- ²³ Там же. Л. 26–28.
- ²⁴ К.И. Гаксом составлено подробное описание церкви еще во время строительства. В нем указаны все размеры, материалы и даже окраска всех деталей, вплоть до мелких, наружного оформления и интерьера. Кроме того, под всеми заявками на материалы стоит одна подпись начальника завода Гакса. Как правило, подобные заявки шли за подписью архитектора и командира // Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. Пороховое парков отделение. (Пор. пар. от.) Д. 826. Л. 50–50 об. 56, 74, 76. Д. 666. Л. 233 об.–234.
- ²⁵ Там же. Оп. Арс. Д. 1045. Л. 34–36.
- ²⁶ Там же. Д. 1036. Л. 21 об. Оп. Сп. ст. Д. 1. Л. 48 об. Д. 2. Л. 30. Д. 8. Л. 49–50. Д. 17. Л. 24 об.–25. Д. 21. Л. 20 об.–21. Д. 23. Л. 3.
- ²⁷ Там же. Оп. Крепостное отд. (Креп. от.) Д. 1898. Л. 17–24.
- ²⁸ Там же. Оп. Арс. Д. 1036. Л. 15 об.–16, 21. Оп. Сп. ст. Д. 17. Л. 30 об.–31. Д. 183. Л. 4 об.–5.
- ²⁹ Там же. Д. 8. Л. 62 об.–63. Д. 16. Л. 21. Оп. ДК. Д. 970. Л. 264–265.
- ³⁰ Там же. Оп. Крепостное отд. (Креп. от.) Д. 2102. Л. 1, 21–28, 30, 36–41.
- ³¹ Там же. Оп. Сп. ст. Д. 182. Л. 15 об.–16. Д. 8. Л. 77 об.–78. Д. 24. Л. 55 об.–56. Оп. ДК. Д. 1217. Л. 39–40.
- ³² Там же. Оп. Арс. Д. 1290. Л. 1–8, 1140.
- ³³ Штигилиц М.С. Промышленная архитектура Петербурга. СПб., 1995. С. 41; Пылаев М.И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: Лениздат, 1996. С. 134, 554; Исаченко В.Г., Лисаевич И.И. Василий Баженов // Зодчие Санкт-Петербурга XVIII в. СПб., 1997. С. 532.
- ³⁴ Маковская Л.К., Наумовец А.В., Рудакова Л.П. Галанова Н.В.
- ³⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГП. Д. 674. Л. 254–257 об.
- ³⁶ Там же. Оп. Арс. Д. 967. Л. 1, 85, 116–117.
- ³⁷ Там же. Оп. ГП Д. 695. Л. 83. Д. 696. Л. 194. Оп. Арс. Д. 967. Л. 138, 167–178, 184–185, 191–226, 239–239 об.
- ³⁸ Петербургские чтения. 1998–1999. СПб., 1999.
- ³⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 2. Оп. ГПД 366. Л. 225–225 об. Д. 1113. Л. 198. Д. 1230. Л. 97. Д. 736. № 11 и № 46. Оп. Арс. Д. 968. Л. 7–8, 49, 96, 100, 101. Д. 893. Л. 11, 25 об., 27 об. Д. 1075. Л. 40, 174, 200. Д. 1097. Л. 48. Д. 1167. Л. 28. Оп. ШГФ. Д. 3624. Л. 1–2 об. Д. 3719. Л. 3.
- ⁴⁰ Там же. Д. 2164. Л. 7–8.
- ⁴¹ Там же. Ф. 3. Оп. 18/2. Д. 6. № 1–13.
- ⁴² Оп. Сп. ст. Д. 1360. Л. 23–29, 40–42. Оп. 109. Д. 6. Л. 5 об., 27 об., 54 об.
- ⁴³ Там же. Д. 1290. Л. 7, 8.
- ⁴⁴ Там же. Д. 1484. Л. 1–3.
- ⁴⁵ Там же. Д. 1987. Л. 1–9.
- ⁴⁶ Там же. Оп. 109. Д. 6. Л. 5, 27 об., 54 об. Оп. Сп. ст. Д. 1360. Л. 23–29, 40–42. Д. 1365. Л. 3, 4 об.–5.
- ⁴⁷ Там же. Оп. 109. Д. 6. Л. 81–84, 95 об.–96.
- ⁴⁸ Там же. Д. 233. Л. 427 об.–428.
- ⁴⁹ Там же. Л. 424 об.–425.
- ⁵⁰ Там же. Оп. 18/1. Д. 46. Л. 2, 10. Ф. 5. Оп. 2. Д. 440. Л. 14.
- ⁵¹ Там же. Оп. 18/1. Д. 46. Л. 10, 21 об.
- ⁵² Там же. Д. 26. Л. 1–3, 6–14, 24–31. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 4, 14.
- ⁵³ Баженова О.К. К вопросу о характеристике Великого князя Михаила Павловича (1798–1849) // Русская ветвь Мекленбург-Стрелецкого дома. Сб. трудов международной конференции 16–18 октября 2001 // СПб.: «Лики России», 2005. С. 39–43.
- ⁵⁴ Георги И.Г. Указ. соч.; Свиныин П.П. Указ. соч.
- ⁵⁵ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 143.
- ⁵⁶ Там же. Л. 179.
- ⁵⁷ Там же. Л. 166–168, 172–173, 175–175 об.
- ⁵⁸ РНБ ОР. Ф. 550. F IV–366.
- ⁵⁹ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 30.
- ⁶⁰ Там же. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 198–237.
- ⁶¹ Там же. Л. 323–323 об.
- ⁶² Там же. Л. 306–307.
- ⁶³ Там же. Л. 196–197.
- ⁶⁴ Там же. Л. 273.
- ⁶⁵ Там же. Л. 339.
- ⁶⁶ Там же. Л. 365–365 об.
- ⁶⁷ РНБ ОР. Ф. 550. F–614, F–616. Там же храниться и список с рукописи 1837–F-613.

- ⁶⁸ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 39.
- ⁶⁹ Там же. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 373.
- ⁷⁰ Там же. Л. 350.
- ⁷¹ Там же. Л. 357, 359.
- ⁷² Храниться в ОР РНБ. Ф. 550. FIV-615.
- ⁷³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 421, 422.
- ⁷⁴ Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 39. первые 34 чертежа.
- ⁷⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 399.
- ⁷⁶ Там же. Л. 400–400 об.
- ⁷⁷ Там же. Ф. 3. Оп. 5/9. Д. 61. Л. 1–6.
- ⁷⁸ Там же. Л. 91.
- ⁷⁹ РНБ. ОР. Ф.550. F-617.
- ⁸⁰ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 57. Оп. 1. Д. 38.
- ⁸¹ Там же. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 31.
- ⁸² Не ранее 1843 г. и не позднее начала 1850-х гг.
- ⁸³ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 3. Оп. 18/1. Д. 187. Л. 1–16.
- ⁸⁴ Там же. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 8, 9.
- ⁸⁵ Там же. Ф. 5. Оп. 4. Д. 277.
- ⁸⁶ Там же. Ф. 3. Оп. Арс. Д. 1717.
- ⁸⁷ Там же. Оп. 18/1. Д. 451. Оп. 5/10. Д. 424.
- ⁸⁸ Там же. Ф. 5. Оп. 2. Д. 531. Л. 1–13.
- ⁸⁹ Там же. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 16. Л. 1–3.
- ⁹⁰ Там же. Ф. 25. Оп. 100. Д. 6. Л. 68–74.
- ⁹¹ Там же. Д. 76. Л. 79 об.–80. Д. 108. Л. 29–30.
- ⁹² Там же. Д. 57. Л. 155–161.
- ⁹³ Там же. Д. 77. Л. 141–145. Д. 108. Л. 277–281.
- ⁹⁴ Там же. Д. 76. Л. 195 об–199. Д. 77. Л. 164–169. Д. 108. Л. 123–124.
- ⁹⁵ Там же. Д. 77. Л. 177–181. Д. 108. Л. 129–133.
- ⁹⁶ Там же. Д. 108. Л. 15–19.
- ⁹⁷ Там же. Л. 109–115.
- ⁹⁸ Там же. Л. 193–195.
- ⁹⁹ Там же. Ф. 57. Оп. 1. Д. 44.
- ¹⁰⁰ См. примечание. № 1.
- ¹⁰¹ Туманов. В.Е. Указ. соч. С. 40.
- ¹⁰² Гладкий А.И. Указ. соч. С. 334.
- ¹⁰³ Лебедевская А.П. Указ. соч. С. 47–49.
- ¹⁰⁴ Архив ВИМАИВиВС. Ф. 26. Оп. 3. Д. 1060.
- ¹⁰⁵ Там же. Ф. 25. Оп. 102. Д. 77. Л. 715–722.
- ¹⁰⁶ Там же. Ф. 3. Оп. 109. Д. 417.
- ¹⁰⁷ На подлинном документе сохранилась выразительная надпись карандашом: «для чего и доставлен самый знак». Скорее всего, эта надпись сделана Михаилом Павловичем. Вряд ли кто-нибудь еще, кроме Великого князя, отважился бы оставить постороннюю запись на отношении военного министра. Там же. Ф. 5. Оп. 5. Д. 3. Л. 18.
- ¹⁰⁸ Из рапорта товарища генерал-фельдцейхмейстера генерал-адъютанта Боронцова от 2 марта 1866 г.: «С передачей министерству юстиции арсенального здания, в котором хранились достопамятные предметы артиллерийского ведомства, предложено устроить в новом ГАУ особый артиллерийский музей с тем, чтобы в нем оставить собственно те достопамятности, которые наиболее соответствуют его специальному назначению, а остальные, подходящие к составу специальных музеев и хранилищ других ведомств, передать в эти ведомства». Там же. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 19. Л. 57.
- ¹⁰⁹ Для сравнения. В 1820 г. 28 моделей единорогов и пушек, числившихся в металлоломе по ведомству «дельных вещей», по приказанию командира арсенала не было отдано в переплавку, а передано в «залы достопамятных вещей» для украшения. Там же. Ф. 3. Оп. 18/1. Д. 46. Л. 21–21 об.
- ¹¹⁰ Там же. Ф. 21. Оп. 92/1. Д. 19. Л. 1–4.
- ¹¹¹ Там же. Л. 5–7.
- ¹¹² Там же. Л. 93–94.

Описи оружия князей Долгоруковых и формирование собрания оружия российских императоров в первой трети XVIII века

В собрании оружия Оружейной палаты существует группа из образцов огнестрельного и холодного оружия, объединенная наличием миниатюрных номеров, выбитых на металлических деталях однотипным штемпелем. Эти номера не имеют повторов и составляют последовательный числовой ряд. В настоящий момент выявлено 75 экспонатов с подобными номерами, с лакунами начиная с № 1 по номер 142. Группа очень разнообразна по своему составу, в нее входят пищали, ружья, штуцера, ручная мортирка, аркебуза, шпаги, охотничьи кортики, палаши, сабли, шпажные, палашиные и сабельные полосы, двуручный меч и хорошо известная всем рогатина тверского князя Бориса Александровича. Хронологически эта группа относится ко времени второй половины XVII – первой трети XVIII вв. Наличие на этих экземплярах нумерации, не совпадающей с нумерацией оружия известных нам сохранившихся описей собраний оружия российских императоров вызывает естественный исследовательский интерес, поскольку вопрос об истоках формирования и составе собрания оружия первых российских императоров во многом остается крайне малоизученным. Первые серьезные шаги к научному изучению раннего периода собирания оружия русскими императорами были осуществлены в исследованиях А.К. Левыкина, посвященных императорской Рюст-Камере. Последовательное изучение этапов формирования Рюст-Камеры позволило выделить три крупных оружейных собрания, сформированных вне ее деятельности, в том числе «историческую группу оружия, включавшую предметы, принадлежавшие императорам Петру I и Петру II, переведенная в итальянский дом в 1737 г. из дома царевича Алексея Петровича после смерти ее хранителя – Иоганна Иллинга, а до 1735 г. хранившаяся в московских и петербургских дворцах (ведомство камер-цалмейстерской конторы)»¹.

Для нас крайне важным является тот факт, что интересующая нас группа нумерованного оружия наличествует в составе описи, составленной в 1737 г. после смерти оружейного мастера Иоганна Иллинга, «у которого было в смотрении Ея Императорского Величества ружье». Таким образом, нам известно, что эта группа уже на 1737 г. входила в состав собрания оружия российских императоров, однако нам фактически ничего не известно о том, из каких источников и в какое время она очутилась в нем. Некоторый свет на ее происхождение проливают пометки, содержащиеся в описи Иллинга, указывающие, что часть этого оружия была «привезена из Москвы», другая – «принята от камер-цалмейстера Кайсарова». Иными словами, эта группа каким-то образом связана с Москвой и пребыванием в Москве императорского двора в период 1728–1732 гг., а также функционированием камер-цалмейстерской конторы, ведавшей движимым имуществом императорских дворцов.

Следующим важным этапом изучения нумерованной группы оружия стали исследования А.Н. Чубинского, идентифицировавшего герб, размещенный в гербовых щитках на трех ружьях из этой группы, а именно – герб князей Долгоруковых. Наличие в составе герба орденской цепи со знаком датского ордена Белого слона позволило уточнить кому именно могли принадлежать эти ружья – награжденному в 1713 г. этим орденом князю Василию Лукичу Долгорукому. Сопоставление этих данных с историческим контекстом позволило исследователю сделать закономерный и логичный вывод, что это оружие могло принадлежать князьям Долгоруковым, наличие на

нем нумерации позволяет говорить о нем как о собрании оружия, что позволяет предположить, что в ходе репрессий, обрушившихся на род Долгоруковых при восшествии на престол императрицы Анны Ивановны, в числе прочих их имуществ в пользу казны было конфисковано их собрание оружия, влившееся в состав оружия, принадлежащего как самой Анне Ивановне, так и ее предшественникам. Окончательному утверждению этой версии мешает лишь отсутствие документов, которые, вопреки, подтвердили бы существование как такового собрания оружия князей Долгоруковых, во-вторых, подтвердили бы факт передачи этого оружия в императорское собрание, а в третьих, описание этого оружия совпало бы с известными нам описаниями в описи Иллинга, равно как с оружием, идентифицированным по этой описи и имеющимся ныне в собрании Оружейной палаты Московского Кремля.

Предлагаемые вашему вниманию материалы в некоторой степени являются начальной стадией этого исследования. В РГАДА среди документов Придворного ведомства (фонд 1239) нами были обнаружены многотомные дела о конфискации движимых и недвижимых имуществ различных представителей рода Долгоруковых. Одно из них оказалось весьма полным (объем дела – 948 листов) собранием документов о конфискации движимого имущества князей Долгоруковых, проходившей в июле-сентябре 1730 г.: «Книга комиссии, обе описи имений движимых князей Долгоруковых и о раздаче из тех имений разных чинов людям». В некоторых из этих документов упомянуто и оружие.

Удар, нанесенный по роду Долгоруковых Анной Ивановной, был ужасен, жестоким репрессиям были подвергнуты все без исключения члены

Княжна Екатерина Алексеевна Долгорукова – невеста императора Петра II

этой знатнейшей аристократической фамилии. Естественно, первый и в полном смысле слова смертельный удар обрушился на наиболее сильных представителей Долгоруковых: князя Василия Лукича, Алексея Григорьевича, фаворита императора Петра II Ивана Алексеевича. Князь Алексей Григорьевич Долгоруков, предлагавший по смерти Петра II объявить императрицей свою дочь, затем участвовавший в составлении «Кондиций», после восшествия на престол Анны Ивановны был обвинен в «оскорблении величества», «разрушении здоровья» императора Петра II, казнокрадстве и пр. Сперва указами 9 и 14 апреля он был сослан с семьей в село Никольское Касимовского уезда Воронежской губернии, затем, по манифесту 12 июня 1730 г. сослан в Березовский острог с конфискацией имущества. Он умер в ссылке в 1734 г., а его сын, Иван Алексеевич, также сосланный с отцом в Березов, был казнен в 1738 г. Князь Василий Лукич Долгоруков был лишен всех чинов и наград и сослан в свое пензенское имение в село Знаменское 14 апреля 1730 г. В июне 1730 г. его перевезли в Архангельск, а уже в июле того же года он был приговорен к заточению в тюрьму в Соловецком монастыре с конфискацией имуществ. В 1739 г. он был переведен в Шлиссельбург и казнен. Конфискация имуществ Долгоруковых началась с июля 1730 г., ее проведение с составлением соответствующих описей было поручено императрицей капитану лейб-гвардии Преображенского полка Никите Румянцеву, назначенному главной конфискационной комиссией. Объем работы был грандиозен. Описи и оценке подлежали огромные движимые и недвижимые имущества, начиная от домов с дворами в Москве, земельных владений и сел в окрестных деревнях, денежных сумм и драгоценностей, заканчивая запасами провизии и дровами. Отдельно изымались и тщательно учитывались все бумаги Долгоруковых, от государственных актов, переписки и архива до долговых обязательств, векселей, долговых расписок и реестров имуществ; отдельно была тщательно переписана библиотека.

Обер-камергер князь Иван Алексеевич Долгоруков – фаворит Петра II

В делах о конфискации имуществ Долгоруковых крупные группы оружия встречаются четыре раза: первая группа была переписана в доме князя Алексея Долгорукова, вторая группа, из дома вдовы Катерины Юрьевой, дочери Чаадаевой, в последующих документах соотнесена с оружием Ивана Алексеевича Долгорукова, третья группа была изъята в селе Горенки, и последняя, четвертая группа оружия была конфискована у князя Василия Лукича. В 1731 г. после ареста фельдмаршала Василия Владимировича Долгорукова началась конфискация и его имущества, в том числе и оружия, но его в этом исследовании мы не рассматриваем, поскольку его опись и распоряжения по его определению были сделаны отдельно, а после реабилитации Василия Владимировича при императрице Елизавете Петровне ему указом от 10 марта 1742 г. были возвращены все пожитки, в том числе и оружие. Крайне незначительное число оружия, в основном шпаг, носившихся при камзоле, было изъято при аресте Сергея Долгорукова, Ивана Григорьевича Долгорукова и Александра Григорьевича Долгорукова. В описях имуществ Василия Лукича, Ивана Алексеевича и Алексея Григорьевича часть шпаг и кортиков также находилась при гардеробе и была переписана вместе с камзолами, к которым они полагались вместе с поясами и перевязями, специально изготовленными под определенное платье, вместе с ним они и были отправлены в Санкт-Петербург, равно как обнаруженные драгоценности, серебряные посуда и утварь. Но нас интересуют именно группы оружия, в отношении которых мы могли бы теоретически предположить если не статус оружейных собраний, тем более родовых, то хотя бы оружия личного пользования, хранившегося для использования на охоте или войне. На наш взгляд, характер этих четырех групп, а также способ их хранения и состав позволяют предположить, что мы имеем дело не только с оружием, находившимся в непосредственном использовании, но и сохранявшимся от более раннего времени. Своего рода родовым арсеналом.

Итак, рассмотрим эти группы сперва в отдельности. В описи пожитков дома князя Алексея Долгорукова мы встречаем следующее оружие: 14 шпаг, из которых 8 с полностью серебряным эфесом или серебряным грифом (т.е. рукоятью) и только одна из этих шпаг строевая с медным золоченым эфесом; 3 кортика (один из них с пистолетом), а также один протазан с белой кистью². Кроме этой группы холодного оружия в доме был обнаружен липовый ящик, в котором хранились 2 сабельные булатные полосы и 2 шпажных клинка. В другом, сосновом сундуке было найдено 25 панцирей и 35 разных мест (то есть частей защитного вооружения) и 4 пары чалдаров³. Отдельное хранение полос и клинков, при том что сабельные полосы являются булатными, предполагают их особую ценность и редкость. Наличие уже вышедшего из употребления доспеха, к тому же в столь значительном количестве, на наш взгляд, говорит о том, что в доме сохранялось оружие более ранней эпохи, как минимум еще XVII в.

Совсем иное оружие мы видим в составе группы, конфискованной у Ивана Алексеевича: 2 штуцера с серебряной насечкой, 6 фузей, из которых 4 с серебряной оправой, 13 пар пистолетов⁴. Кроме того, в селе Горенки было взято оружие, принадлежавшее Алексею Григорьевичу, а именно 1 шпага, 1 сабля, 1 тесак (охотничий кортик с рукоятью оленьего рога), 1 пистолет, 8 фузей с 8 фузейными ножами, старинная шведская винтовка с колесцовым замком, 3 турки, 2 пистолетных ствола, 2 пистолета в ольстрах от седла, кроме того 3 рогатины, 3 лука с тетивами и стрелами, 2 лука саадашных. На наш взгляд, это группа охотничьего оружия, которая, предположительно, могла использоваться на совместных охотах с участием Петра II, бывавшего в Горенках⁵.

Наибольшая группа оружия была описана и изъята в доме Василия Лукича. Помимо отдельно хранившейся шпаги с золотым эфесом, усыпанным алмазами⁶, в первом этаже дома был обнаружен дубовый сундук, обитый

Фрагмент охотничьего ружья с ударно-кремневым замком. Франция, г. Париж, до 1725 г.

фикации одновременно в составе описи Иллинга и в составе современного собрания оружия Оружейной палаты.

Некоторые распоряжения, сделанные в отношении оружия, конфискованного у Долгоруковых, известны нам уже в настоящий момент. Уже 20 сентября 1730 г. все оружие, принадлежавшее Ивану Алексеевичу Долгорукову, было внесено в комнату Ея Императорского Величества. Но в этой группе уже оказалось 44 предмета: в качестве оружия Ивана Алексеевича в ней оказались 3 кортика (кортик с серебряной оправой, при нем ножик, кортик с пистолетом, кортик черен лосиновой оправлен медью посеребрен), а также шпага с эфесом и грифом серебряными и бантом, шпага с серебряным эфесом и серебряной витой рукоятью, ранее вошедшими в опись оружия, изъятого в доме Алексея Долгорукова 15 августа 1730 г.; сюда же попали еще 5 шпаг с серебряными эфесами и грифами. К сожалению, холодное оружие менее всего поддается идентификации, так как эфесы и приборы ножен описаны крайне бедно. При осмотре, видимо, за отсутствием времени их даже не вынимали из ножен, поскольку клинки не описаны вовсе, кроме того, совершенно не измерена длина всего оружия. Но все-таки можно предположить, что эти 6 шпаг были отобраны из прочих, принадлежавших Долгоруковым, так как всего во всех описях изъятого в группах встречается 6 шпаг с серебряными эфесами и грифами, правда, указывается и то, что все они вызолочены, но подобные сокращения информации характерны и для всего прочего оружия, упомянутого в реестрах передаваемого оружия. Несколько более запутанными выглядят другие поздние реестры. Так, из них исчезают сабли и некоторое другое оружие из дома Василия Лукича, нет никаких сведений о том, как и куда оно было передано, зато в качестве принадлежавшего ему оружия появляется ранее не фигурировавшее в описи, например драгунский дробовик с медным дулом и четыре «людских» шпаги. Происходят изменения в составе оружия, привезенного из Горенок, опись изъятого и реестр переданного оружия не совпадают между собой не только количественно, но и по составу. В частности, там появляется неизвестно откуда взявшийся мушкетон с медной оправой, а также винтовочный ствол с серебряной насечкой, ранее упоминавшийся в описи имущества, взятого у Сергея Долгорукова. Можно предположить, что в спешке были допущены ошибки при составлении описей или уже после их составления состав оружия был еще дополнен, а имена владельцев уточнены. В любом случае, все оружие не было сохранено вместе. Часть (2 булатных сабельных полосы и 3 шпажных клинка – видимо, Алексея Долгорукова), вместе с панцирями, чалдарами, тахтуями и саадчным лубьем были 7 апреля 1731 г. приняты ко двору среди конской упряжи, в то время остальное оружие фигурирует в реестре как принятое ко двору камер-цалмейстерским помощником Михаилом Бедряном. Кстати, это тот самый Михаил Бедрян, который в 1735 г. забрал оружие, находившееся в московских дворцах для отправки в Санкт-Петербург. В переписке о передаче оружия Долгоруковых встречается указание об отправке его в Измайлово, а также приеме в придворную цалмейстерскую контору. Всего мы встречаем следующие его передачи: в комнату Ея Императорского Величества (оружие Ивана Алексеевича), в дом Ея Императорского Величества (оружие Василия Лукича), в камер-цалмейстерскую контору и ко двору Ея Императорского Величества. Стоит отметить, что пока ни в одном обнаруженном нами документе, ни в описях, ни реестрах, оружие не пронумеровано. Если учесть, что оно перешло в разные места и разные ведомства, на наш взгляд, исключается, что номера были выбиты штемпелем в момент этой

Ружье с ударно-кремневым замком охотничье. Франция, г. Париж, до 1725 г.

черным железом, в котором находился самый настоящий арсенал: 5 турецких пищалей, 5 фузей немецкой работы с серебряной оправой, 2 берлинских штуцера, 4 фузеи немецкой работы, 2 поперечных русских винтовки, 2 дробовика русской работы, 7 ветхих русских фузей, 6 пар пистолетов немецкой работы, пара турецких пистолетов, 2 с половиной пары (5 шт.) русских пистолетов, 6 шпаг, 3 рапиры и 5 наконечников копий⁷. В ходе дальнейшей описи в верхней казенной палате был обнаружен сундук с крышкой, обитой железом, в котором находилось 11 сабель, часть из которых была с драгоценными камнями и серебряной оправой, 5 тесаков, 2 из которых названы старинными, 1 старинная шпага с драгоценными камнями, 1 кортик, 3 палашных лезвия, 4 шпажных клинка, 1 клинок кортика, 1 чекан, 2 булатных копейных наконечника с золотой насечкой⁸.

Таким образом, всего в этих 4 группах насчитывалось 169 единиц холодного и огнестрельного оружия, при этом большая часть – 90 единиц – приходится на Василия Лукича Долгорукова. Как минимум в двух случаях мы можем говорить о своего рода оружейных собраниях – это оружие, изъятое у Ивана Алексеевича и Василия Лукича Долгоруковых. Таким образом, мы с полной уверенностью можем подтвердить факт существования достаточно большой группы оружия, владельцами которой были князья Долгоруковы, и факт его конфискации в Москве в течение июля–сентября 1730 г. Теперь остается понять его дальнейшую судьбу и возможность его иденти-

передачи. Нам представляется более вероятным, что номера появились на оружии позже, когда возникла необходимость постоянного учета некоей группы оружия, оказавшейся под надзором в руках одного чело-

века или же службы. Возможно, например, что такой нумерации было подвергнуто оружие перед отправкой в Санкт-Петербург или по прибытии в него. В любом случае нам представляется мало допустимым считать выбитые номера за номера принадлежности к собранию князей Долгоруковых. Это наше утверждение связано не только с отсутствием не только описей оружия, имевшихся у самих Долгоруковых, но даже упоминаний о них, хотя при конфискации в первую очередь выяснялось наличие всей учетной документации, но и с сопоставлением оружия, фигурирующего в конфискационных описях, с описью Иллинга, а также тем оружием с номерами, которое на настоящий момент выявлено в составе оружия из собраний музеев Московского Кремля.

Работа над таким сопоставлением еще в самом начале. Пока можно делать только самые предварительные выводы. Тем не менее, уже очевидно, что среди пронумерованного оружия из нашего музейного собрания явно числится оружие, которое отсутствует в какой-либо описи с оружием Долгоруковых. К сожалению, краткость описаний конфискованного оружия крайне затрудняет и замедляет процесс идентификации, тем не менее, узнаваемость ряда образцов все-таки свидетельствует о несомненной связи оружия Долгоруковых с нашей нумерованной группой. В частности, узнаются имеющиеся как в описях Долгоруковых, так и в описи Иллинга два берлинских штуцера, а также сабля боярина Лобанова-Ростовцева. Интересно, что дела о конфискации имущества Долгоруковых дают объяснение наличию этой сабли среди княжеского оружия. В одном из томов дел содержится достаточно пространного экстракта об имущественном споре вокруг наследования имущества боярина Лобанова-Ростовцева, в итоге именно Долгоруковы стали обладателями этого наследства⁹. Нам представляется, что группа оружия с номерами может оказаться шире, чем оружие, конфискованное у Долгоруковых, и включать в себя, например, какую-то часть оружия, находившегося в московских дворцах в 20-е гг. XVIII в. Исследование документов, связанных с конфискацией имущества русской аристократии в первую треть XVIII в. может дать для оружейведения крайне интересный материал и прояснить происхождение некоторых экспонатов. Как нам представляется, в 20–30-е гг. XVIII в. в Москве и Санкт-Петербурге возникла основа будущего императорского собрания оружия, которая, быть может, в значительной степени была пополнена за счет конфискации, произведенных не только у Долгоруковых, но и иных подвергнувшихся опале аристократов. В пользу этой версии свидетельствуют и документы, относящиеся к более ранней конфискации: изъятию оружия, конфискованного при аресте у А.Д. Меншикова. Все перемещения оружия из Москвы в Санкт-Петербург так или иначе проходили через ведение и распоряжения графа Семена Андреевича Салтыкова. Именно на его имя подавались и ведомости вещей, конфискованных у А.Д. Меншикова и его семейства. Среди оружия, конфискованного у А.Д. Меншикова, мы встречаем два кортика, один из которых, с «эфесом писаным, насеченным золотом»¹⁰, очень напоминает кортик с вензелем светлейшего князя, хранящимся в Оружейной палате (Ор-4387). Этот кортик фигурирует в описи Иллинга как «принятый от камер-цалмейстера Кайсарова»¹¹. Можно предположить, что он попал в собрание оружия российских императоров тем же путем, что и оружие, конфискованное у Долгоруковых, и был перевезен в числе прочего оружия из Москвы. Подводя итог, можно отметить следующее. Группа оружия с выбитыми миниатюрными номерами из Оружейной палаты, безусловно, связана с оружием, конфискованным у представителей рода Долгоруковых в 1730–1731 гг. и попавшем в собрание оружия императрицы Анны Ивановны. Однако эта группа может включать часть оружия, имевшегося в период до 1730 г. в различных московских дворцах, в первую очередь, вероятно, в Измайлово. Все перемещения этого оружия так или иначе связаны с деятельностью камер-цалмейстерской конторы, камер-цалмейстера Кайсарова и его помощника Михаила Бедряна. Очевидно, что окончательно прояснить состав императорского оружейного собрания, хранившегося в Москве под надзором камер-цалмейстерской конторы, на период до 1735 г. (передачи этого оружия в Санкт-Петербург), а также уточнить, какая же часть интересующей нас группы является собственно оружием Долгоруковых, представится возможным только после детального изучения документов камер-цалмейстерской конторы, то есть открытия Российского исторического архива в Санкт-Петербурге.

**Кортик охотничий.
Голландия, 1-я треть
XVIII в.**

¹ Левыкин А.К. Императорская Рюст-Камера / Ювелирное искусство и материальная культура. Тезисы докладов. СПб., 1997. С. 43–47.

² РГАДА. Ф. 1239. Дворцовое ведомство. Оп. 2. Ед. хр. № 1738. Л. 470об.

³ Там же. Л. 481об.

⁴ Там же. Л. 517–518об.

⁵ Там же. Л. 546, 548, 550об.–551об., 552об.

⁶ Там же. Л. 622об.

⁷ Там же. Л. 644–645.

⁸ Там же. Л. 651об.–652об.

⁹ Там же. Ед. хр. № 1740. Л. 582–583.

¹⁰ РГАДА. Ф. 1239. Дворцовое ведомство. Оп. 3. Часть 79. Ед. хр. № 35396. Л. 31об.

¹¹ ОРПГФ. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. №132. Л. 49. № 15.

Патриотические аспекты в деятельности храмов-памятников музея «Исаакиевский собор»

Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» – это созвездие четырех выдающихся произведений русской храмовой архитектуры XVIII – нач. XX вв.: Исаакиевского, Сампсониевского, Смольного соборов, храма Воскресения Христова (Спаса на крови).

Как и большинство российских музеев, все четыре храма-памятника представляют собой «центры духовной жизни общества, отбора, атрибуции, сохранения и экспонирования историко-культурного наследия, и, что особенно важно, являются институтами формирования исторического сознания и нравственно-эстетической культуры общества» (1).

Современный музей – это «организм», образующий сложную систему общественных связей, направленных, с одной стороны, на реализацию социальных и экономических факторов вовлечения людей в мир духовного творчества, а с другой стороны – объект, способный дополнять и расширять традиционные формы (информационно-интегративную и экспозиционно-просветительскую, хранительскую и реставрационную) и функции (образовательно-развивающие, преобразовательно-созидающие, развлекательно-познавательные) жизнедеятельности организации.

Сегодня музей-памятник «Исаакиевский собор» видит одну из своих главных задач в повышении качества музейного обслуживания, решение которой напрямую зависит от понимания важности сохранения традиций, заложенных при создании, строительстве и деятельности соборов с года их основания до настоящего времени.

В Концепции патриотического воспитания граждан Российской Федерации, одобренной на заседании Правительственной комиссии (протокол № 2 (12) – П4 от 21 мая 2003 г.), сформулированы теоретические основы патриотического воспитания, предполагающие возрождение и развитие глубинных общекультурных традиционных форм воздействия на личность в процессе ее становления. Как отмечается в Концепции, «система патриотического воспитания предусматривает формирование и развитие социально значимых ценностей, гражданственности и патриотизма в процессе воспитания и обучения в образовательных учреждениях всех типов и видов; массовую патриотическую работу, организуемую и осуществляемую государственными структурами, общественными движениями и организациями; деятельность средств массовой информации, научных и других организаций, творческих союзов, направленную на рассмотрение и освещение проблем патриотического воспитания, на формирование и развитие личности гражданина и защитника Отечества».

Реализация основных положений Концепции осуществляется через решение более частных задач с учетом специфики субъектов и объектов воспитания, условий, в которых оно проводится, их особенностей в экономической, социальной, правовой, политической, духовной сферах.

Вопросы патриотического воспитания в деятельности Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» решаются в комплексе во всех четырех храмах-памятниках.

В представляемом материале авторы хотели бы остановиться на историческом значении Сампсониевского и Исаакиевского соборов.

В Западной Европе издавна было принято увековечивать великие деяния и битвы установкой триумфальных арок или колонн. Но царь-реформатор Петр I посчитал, что русскому человеку ближе и понятнее будет возведен-

«Державный основатель Сампсоновского храма – Император Петр Великий». Картина на западной стене главного придела (из альбома А.П. Аплаксина, 1909 г.)

ный в честь знаменательного события православный храм. И в Санкт-Петербурге начинают появляться церкви в память о победах русского оружия.

Ярким примером памятника воинской славе, сохранившегося до наших дней, в котором бережно хранятся патриотические традиции, является Сампсониевский собор – памятник культовой архитектуры первой половины XVIII в.

Не случайно место для строительства храма выбрали на Выборгской стороне. Первая деревянная Сампсониевская церковь начала строиться по повелению царя Петра Алексеевича в конце ноября 1709 г., в память о разгроме русской армией войска шведского короля Карла XII под Полтавой. Сампсониевская церковь, освященная в 1710 г., располагалась рядом с Выборгской дорогой, ведущей на северо-запад, во владения шведского короля. Отправляясь на поля сражений Северной войны и проходя мимо этого храма, войска поднимали свой боевой дух и испытывали чувство гордости за победу русского оружия.

Поскольку шведы потерпели поражение 27 июня 1709 г., в день поминовения преподобного Сампсония Странноприимца, храм был назван Сампсониевским.

Символично, что на стенах колокольни храма установлены чугунные доски с текстами речей и приказов Петра I. На доске, расположенной на южной стороне колокольни начертано: «Воины! Пришел час, который должен решить судьбу Отечества, Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за род свой, за Отечество, за Православную нашу Веру и Церковь. Не должна вас смущать слава непобедимости неприятеля, которой ложь вы доказали не раз своими победами. Имейте в сражении перед собою правду и Бога, защитника вашего, а о Петре ведайте, что ему жизнь не дорога; жила бы только Россия, благочестье, слава и благосостояние ея».

С традициями русского флота всегда был тесно связан кафедральный собор Российской империи – храм преподобного Исаакия Далматского.

Можно предположить, что мысль о необходимости создания еще одного храма воинской славы возникла у Петра I и при захоронении гвардейцев, погибших при захвате двух шведских кораблей «Гедан» и «Астрильд» в ночь с 7 на 8 мая 1703 г. в устье Нарвы. Отпевание происходило в единственной каменной церкви, неподалеку от поля боя, где был установлен походный иконостас императора Петра I (2).

Образа этого иконостаса были переданы в первый Исаакиевский собор, переделанный из чертежного амбара в 1707 г., и сохранились и во втором, и в третьем Исаакиевских соборах. В 1830-е гг. часть икон была передана в новоосвященный храм во имя св. Спиридона Тримифунтского при Адмиралтействе.

Имеются документальные свидетельства о том, что все расходы на строительство и содержание первого Исаакиевского собора, а также последующих храмов преподобного Исаакия Далматского шли сначала по статье «строительство и содержание Балтийского флота», а затем через комитеты при Морском министерстве.

Интересно отметить, что именно в Исаакиевском соборе было совершено венчание Петра Алексеевича и Екатерины Алексеевны. Это было связано с тем, что царь как «шкипер Алексеев» был приписан к Адмиралтейской стороне. Венчание совершил протопоп Исаакиевского собора Алексей Васильев.

Все чины Балтийского флота и служащие Адмиралтейства по указу царя Петра Алексеевича, начиная с 1722 и до 1917 г., принимали присягу только в Исаакиевском соборе. По мнению авторов, восстановление традиции принятия воинской присяги морскими офицерами было бы данью уважения к основателю русского флота.

При закладке и спуске на воду новых кораблей в Адмиралтействе торжественные молебны служил настоятель Исаакиевского собора, он же благословлял их по окончании строительства и обеспечивал средствами для проведения на кораблях богослужений в боевых условиях.

Царем Петром I был разработан Регламент по празднованию государственных и религиозных праздников в те годы, и в них обязательно входили морские парады с проходом кораблей мимо Исаакиевского собора и Петропавловской крепости, пушечный салют со стрелки Васильевского острова, расцветивание кораблей флагами, а ночью – подсветка и фейерверки.

После возведения четвертого, ныне существующего Исаакиевского собора в 1858 г. в этот храм на вечное хранение были переданы знамя ополчения Санкт-Петербургской губернии (1812) и четыре знамени подвижных дружин народного ополчения уездов Санкт-Петербургской губернии, принимавших участие в Крымской войне 1853–1856 гг. Хранились они в алтарной части собора, а в дни государственных и церковных праздников устанавливались на солее главного иконостаса (или в ограде солей) в специальных бронзовых подставках (3).

Строительство четвертого Исаакиевского собора способствовало разработке новых типов судов. Так, для перевозки гранитных колонн (их можно увидеть сейчас на портиках и в барабане купола) на заводе Берда были спроектированы специальная баржа водоизмещением более 1000 тонн и два морских колесных буксира с паровыми машинами по 40 и 60 л.с.

Еще одной неизвестной страницей в истории музея «Исаакиевский собор» является его деятельность в дни Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и блокады Ленинграда.

Модель галеота «Гедан»

Экспозиция «Чтобы помнили...»

Только при создании выставки «Чтобы помнили...» в 2004 г. впервые были систематизированы материалы работы музея в годы войны. Тогда на крыше собора размещались четыре поста наблюдения противовоздушной обороны, прямым свидетельством чего стала найденная в 2006 г. реставраторами газета «Балтиец» за 1942 г. Документально подтверждена большая патриотическая и культурно-массовая работа сотрудников Объединенного хозяйства музеев, в состав которого входил в то время музей «Исаакиевский собор», на оборонных предприятиях и в рабочих коллективах блокадного Ленинграда. Интересно, что посетители этой выставки не просто знакомятся с историей хранения в годы войны редчайших музейных экспонатов в подвалах Исаакиевского собора. Между ними и со-

трудниками музея возникает интерактивное общение. Посетители выставки, видя, что здесь воссоздана атмосфера блокадного Ленинграда, иногда сами приносят в музей домашние реликвии, открытки, письма, книги, предметы быта того времени, многие из которых в дальнейшем входят в состав экспозиции.

Совместно с Российской академией образования, в рамках программы «Музей – школе» получило развитие одно из направлений музейной педагогики – патриотическое воспитание учащихся петербургских школ. Реализация этой программы предусматривает такие формы работы, как изготовление сборных моделей кораблей, носивших имя Исаакия Далмацкого, макетов первых Исаакиевских храмов, которые используются для работы со школьниками, а также для экспонирования в музее.

Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор» по вопросам патриотического воспитания тесно сотрудничает с Центральным военно-морским музеем, Военно-историческим музеем артиллерии, инженерных войск и войск связи и другими музейными учреждениями России.

1. Нагорский Н.В. Музей в духовной жизни общества. СПб., 2004. – 432 с.
2. Ден Д. История российского флота в царствование Петра Великого. СПб., 1999. – 187 с.
3. Серафимов В., Фомин М. Описание Исаакиевского собора в С.-Петербурге. СПб., 1865. – 97 с.

Корабли, пронизанные солнцем...

Коллекция черепаховых моделей кораблей из собрания Центрального военно-морского музея

Среди почти 2000 корабельных моделей Центрального военно-морского музея в Санкт-Петербурге есть единственная в России коллекция, которую нельзя спутать с остальными. Эти миниатюрные, буквально светящиеся, модели сделаны мастерами из далекой Японии. Их родина – город Нагасаки, куда до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. часто заглядывали российские корабли, в основном для ремонта. Дело в том, что ни Порт-Артур, ни Владивосток не могли в то время ремонтировать корабли. И им приходилось либо обогнуть полсвета и отправляться для ремонта в Санкт-Петербург, либо осуществлять его в японском порту Нагасаки.

В 1858 г. для нужд русского флота был арендован участок побережья Нагасакской бухты со знаменитой впоследствии «русской деревней» Инаса.

Местная мастерская Эмиро Эзаки, берущая свое начало с 1706 г., специализировалась на выпуске изделий из экзотического материала, каким являлся черепаховый панцирь, таких как женские гребни, табакерки, броши и другие бытовые изделия, наладила производство моделей российских кораблей по заказу, в основном, их офицеров.

Вот как описывает очередной заход в Нагасаки знаменитый парусный капитан, один из родоначальников советского морского флота Д.А. Лухманов (1867–1946):

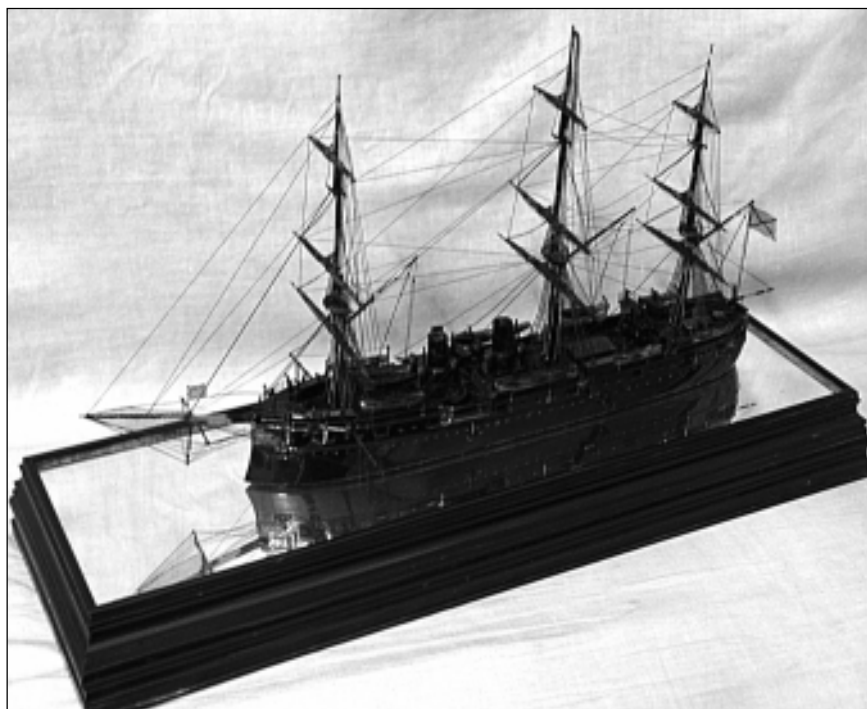
«...нельзя обойти молчанием и знаменитого «черепаховых дел мастера» Езаки. Его мастерская действительно артистически выдвигала из черепаховой кости самые разнообразные вещи: и модели, и силуэты кораблей, всевозможные предметы роскоши. Модели кораблей выполнялись в точном масштабе и с изумительной тщательностью. От мастера не ускользала ни одна мелочь, даже снасти делались из тончайших черепаховых нитей. Это стоило дорого.

Модели кораблей заказывались для подношений высокопоставленным лицам, и они являлись, бесспорно, музейными вещами. Но черепаховые портсигары с миниатюрными силуэтами кораблей продавались по вполне доступным ценам. Было в большой моде у моряков иметь портсигар с силуэтом своего корабля, и Езаки на них специализировался.

Однако для выполнения заказанной модели или силуэта было необходимо получить и чертеж корабля или его замерить и зарисовать различные детали. Для последней цели «подмастерья» Езаки постоянно околачивались на кораблях русской Тихоокеанской эскадры с рулетками, масштабными линейками и рисовальными принадлежностями. Езаки почти исключительно работал на русских моряков и широко их кредитовал»¹.

Коллекция черепаховых моделей в собрании Центрального военно-морского музея насчитывает 40 единиц, из них 28 моделей кораблей полнокорпусных или по ватерлинию и 12 барельефов. Возьму на себя смелость предположить, что полнокорпусными модели изготавливались в тех случаях, когда корабль можно было увидеть в сухом доке, с его подводной частью. А модели кораблей по ватерлинию делались тогда, когда корабль находился на плаву.

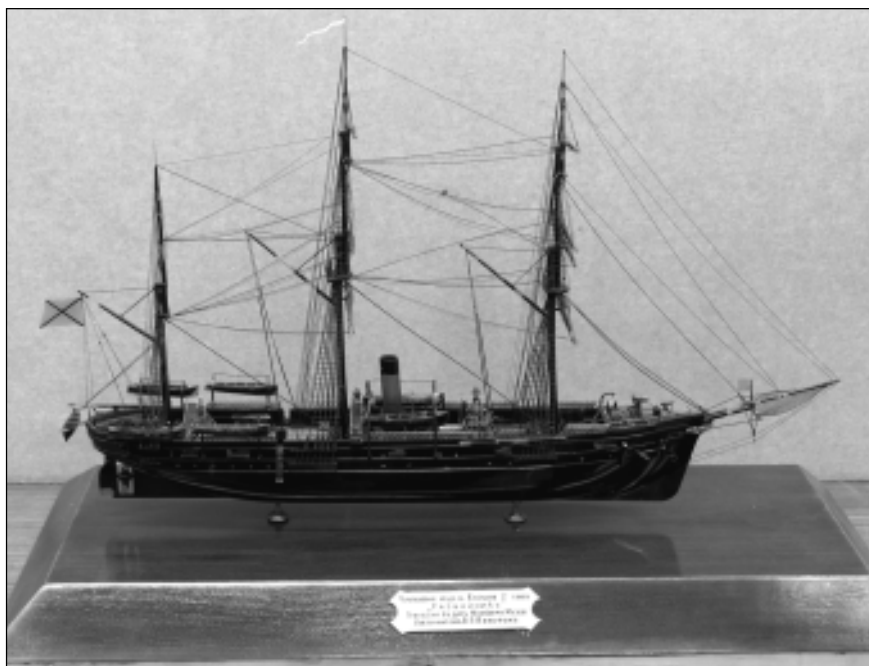
Все они отражают виды 20 кораблей Российского императорского флота и три национальных японских судна. Из общего количества 13 моделей были переданы в Морской музей императором Николаем II в 1897 г., из числа предметов, привезенных из путешествия в Японию в 1890–1891 гг., которое он совершил, будучи еще Великим князем, Наследником Цесаревичем. Две модели из коллекции Великих князей Владимира Александровича и Константина Константиновича Романова, знаменитого «К. Р.», чьи стихи не оставляют безразличными и современных любителей поэзии. Модели винтового клипера «Разбойник» и японского торгового фунэ имеют памятные дощечки, сообщающие о передаче их в музей лейтенантом В.П. Вульфом, служившим на эскадренном броненосце «Петропавловск». На самом деле модели поступили в музей от его отца – контр-адмирала П.Н. Вульфа, в память о сыне, траги-

Модель броненосного фрегата «Дмитрий Донской»

чески погибшем на этом корабле вместе с вице-адмиралом С.О. Макаровым и великим художником-баталистом В.В. Верещагиным.

Среди заказчиков и обладателей моделей, вошедших затем в эту уникальную коллекцию, можно встретить: вице-адмирала С.П. Тыртова, лейтенанта П.Е. Владимирского – старшего артиллерийского офицера, погибшего в Цусимском сражении на эскадренном броненосце «Князь Суворов», лейтенанта В.Д. Яковлева – старшего адъютанта морской канцелярии адмирала

Модель винтового клипера «Разбойник»

Е.И. Алексева, генерал-майора по Адмиралтейству Н.А. Корнилова (внука адмирала В.А. Корнилова, героя Крымской войны), в свое время командовавшего канонерской лодкой «Манджур».

Постараемся вспомнить технологию изготовления этих удивительных музейных предметов, к которым страшно даже притронуться, чтобы их не повредить.

При изготовлении полнокорпусной модели или модели по ватерлинию применяли следующую технологию. Для изготовления корпуса и корабельных деталей использовали панцири крупных тропических черепах: *Testudo imbricate*, *Testudo caretta*, *Testudo nidas*, состоящие из отдельных пластин. Два последних вида черепах дают более тонкие и менее ценные пластины, поэтому в основном используют панцирь черепахи *Testudo imbricate*. Вес взрослой черепахи до-

стигает 75 кг, из которого для производства идут пластины панциря, обычно 13 шт., весом 1,5 кг. Одна пластина имеет размер 20x30 см, толщину до 0,6 см в средней части, со значительным утончением к краям².

Наилучший материал обеспечивали крупные черепахи, которых доставляли из Сингапура и Манилы, из Вест-Индии поступали пластины красного цвета, из Гондураса – с темными красными пятнами, худший материал доставлялся из Бомбея.

Ткань панциря черепахи состоит из особого вещества – кератина, нерастворимого в воде, спирте, эфире, разведенных кислотах. Однако она разбухает и размягчается при действии высокой температуры в присутствии воды, растворов едких щелочей, уксусной и борной кислоты.

Для изготовления корпуса бралась деревянная болванка, обработанная в соответствии с обводами корпуса корабля – пуансон. Так же, из дерева, изготавливалась разборная матрица, внутренняя поверхность которой, насколько возможно подробней, показывала как бы вывернутую наизнанку внешнюю поверхность корпуса. После подготовки деревянных конструкций вываривалась специально подобранная часть черепахового панциря (пластина). Технология ее обработки во многом схожа с приемами обработки рога, только черепаха гораздо быстрее размягчается в воде. Используя винтовые прессы, пуансон и матрицу, размягченному куску панциря придавали нужную форму. От долгого нагревания панцирь сильно темнел, при этом характерные для черепахи различные по тону пятна сливались и общая окраска приближалась к черному цвету.

Подобная технология имеет очевидный минус: после долгого нагревания детали становились очень хрупкими. Поэтому необходимо было проявлять неимоверную осторожность при сборке корпуса из отдельных деталей. Черепаховый панцирь и рог способны свариваться под давлением, при нагревании в присутствии воды. Свариваемые края пластинок обрабатывали чистым напильником так, чтобы их можно было соединить внакрой. Место соединения прикрывали, с обеих сторон, мокрой бумагой и сжимали специальными щипцами, нагретыми до 120°С (чтобы от них бумага слегка пригорала). Очень важно не трогать свариваемые поверхности пальцами, чтобы не оставить на них жир, способный помешать прочной сварке.

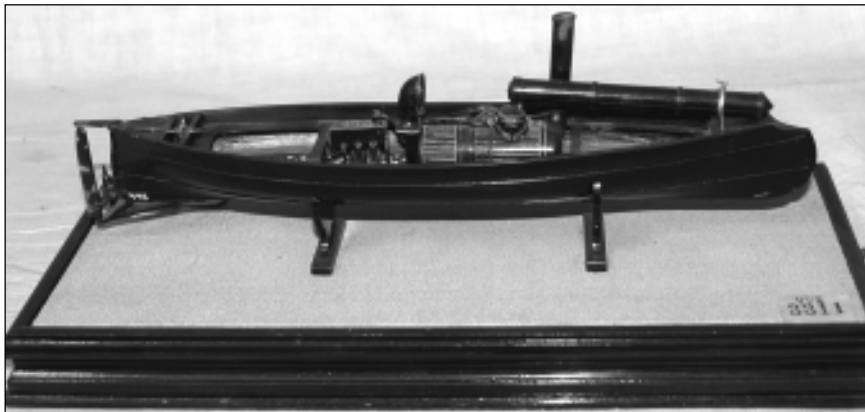
Таким образом создается большая поверхность корпуса. Как правило, деревянный пуансон оставался в качестве основы внутри сваренной из отдельных частей панциря обшивки корпуса. Эта деревянная основа препятствует рассмотрению корпуса на просвет, тем самым скрывая пятнистую структуру черепахового панциря.

Надстройки, палубные предметы выполнялись с применением иной технологии. Более мелкие детали не имели смысла изготавливать из крупных пластин черепахового панциря, прежде всего по экономическим причинам. Для них существовало два способа изготовления.

Первый относился к материалу, содержащему примеси или полученному путем измельчения отдельных кусков панциря разного качества. В этом случае масса разваривалась в воде с добавлением едкого калия, натра, борной или мышьяковистой кислоты. Кашицу сначала отжимали в формах и затем придавали обрабатываемым предметам окончательный вид вторичной штамповкой в нагретых прессах.

Второй предусматривал использование чистых стружек панциря. Из них сплошная масса получалась и без вываривания в щелочи. Размоченными в воде стружками и мелкими кусочками панциря набивали форму, снабженную плотно входящим поршнем, ставили в кипящую воду и постепенно сжимали винтом.

Как в первом, так и во втором случае получался предмет из «литого» черепахового панциря. Для окончательной отделки и полировки употребляли быстро вращающиеся деревянные круги, обтянутые замшей. Затем шлифовали пемзой с добавлением масла. Полученный таким способом блеск был очень нестойк, поэтому окончательно обработанную деталь покрывали шеллачной политурой, как в столярных работах. При этом приготавливалась более жидкая политура, содержащая 6–10 частей спирта и 1 часть шеллака³.

Модель минного катера с крейсера «Память Азова»

Теперь ознакомимся с моделями нашей коллекции. Но сначала несколько слов о классах кораблей этой эпохи и причинах появления наших военных судов в столь удаленных районах Мирового океана, вдали от основных российских баз на Балтийском и Черном морях.

Сразу же после окончания Крымской (Восточной) войны российские корабли вышли в океан. Для этого был ряд объективных и субъективных причин.

Во-первых, английское правительство постоянно грозило России войной, и присутствие русских крейсерских судов в океане было хорошим сдерживающим фактором. Во-вторых, присутствия российского флота на Средиземном море и в Тихом океане требовали государственные интересы страны.

Между тем, к прежним доводам о необходимости действенного крейсерского флота добавился новый – становление Японии в качестве морской державы и повышение активности европейских стран на Дальнем Востоке.

Был и субъективный фактор. В Морском ведомстве решили отказаться от ежегодного производства офицеров и перейти к системе производства только на свободные вакансии. В основу продвижения по службе был положен так называемый морской ценз, по которому для получения следующего чина необходимо было пробыть определенное число лет в плавании (мичману полтора года, лейтенанту 4,5 года), а для получения чина штаб-офицера – командовать судном.

Понятно, что морской ценз надо было зарабатывать не в Финском заливе⁴.

Фрегаты, корветы и клипера предназначались для действий в океане и должны были большую часть времени проводить под парусами. Машины вводились в действие лишь в штиль, при прохождении узкостей и в бою. Чтобы гребной винт не создавал дополнительного сопротивления при ходе под парусами, его разъединяли с валом и поднимали внутрь корпуса через специальный колодец.

Парусно-паровые суда обладали огромной автономностью и могли по многу месяцев не заходить в порты.

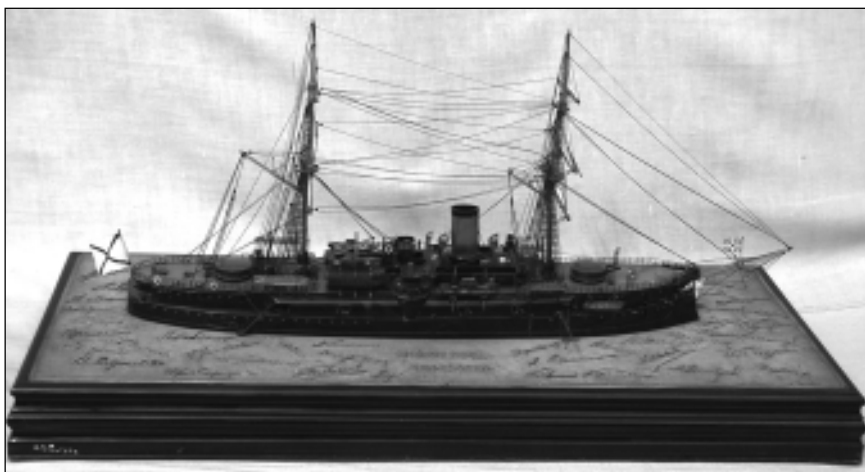
Крейсерские суда первого поколения – деревянные фрегаты, корветы и клипера – к началу 70-х гг. XIX в. уже устарели и были довольно изношены. Взамен Морское ведомство решило построить океанскую эскадру в составе четырех крейсерских отрядов (самых крейсеров как класса судов в российском флоте тогда еще не было, в официальной классификации они появились в 1892 г.). В каждом отряде должен был быть один броненосный корабль (фрегат или корвет) и два неброненосных клипера нового поколения. Пока один из отрядов нес службу в Тихом океане, два других находились в пути (один из Балтики на Дальний Восток, другой в обратном направлении), а четвертый после трехлетней службы в Тихом океане проходил в Кронштадте ремонт и профилактику, готовясь к новому плаванию⁵.

Броненосные фрегаты появились в 1860-е гг. Представляли собой 3-мачтовые парусно-паровые корабли с бронированным корпусом, предназначенные для дальней разведки и крейсерской службы. В коллекции музея представлены модели трех броненосных фрегатов, построенных для этих целей.

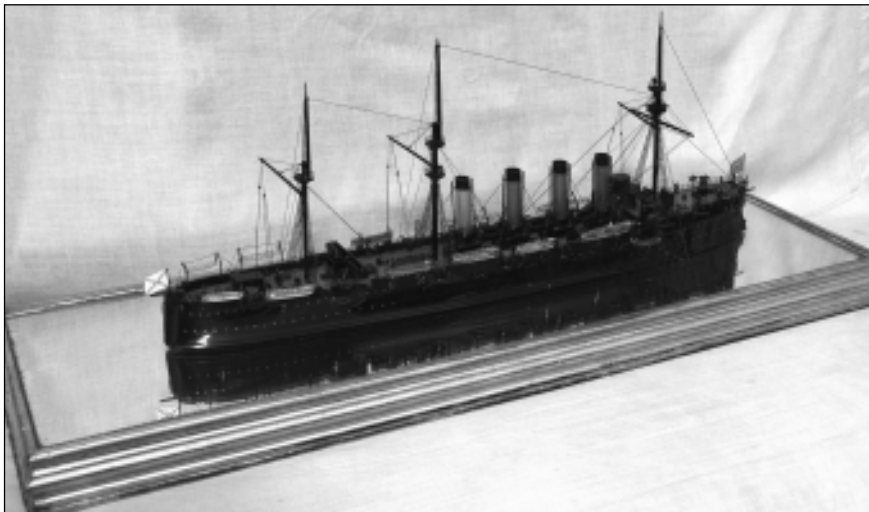
«Князь Пожарский» (спущен на воду в 1867 г. – исключен из списков флота в 1911 г.) являлся одним из первых казематных кораблей с большой автономностью плавания, построенный по типу английского броненосца «Bellerophon», и первым российским броненосцем, покинувшим пределы Балтийского моря⁶.

«Герцог Эдинбургский» (1875 – середина 1930-х) сначала назывался «Александр Невский», затем переименован в память помолвки Великой княжны Марии Александровны с принцем Альфредом, герцогом Эдинбургским.

«Дмитрий Донской» (1883–1905) представлял очередной этап развития

Модель крейсера «Адмирал Нахимов»

Модель крейсера 1 ранга «Россия»

носивший название «Витязь», и второй «Витязь» (1884–1893).

Имя первого связано с деятельностью российского ученого-этнографа Николая Николаевича Миклухо-Маклая (1846–1888), который изучал коренное население Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, в т. ч. папуасов северо-восточного берега Новой Гвинеи (ныне Берег Миклухо-Маклая). Кроме того, его экспедиция решала задачу по созданию русской военно-морской базы на побережье Новой Гвинеи⁸.

Имя второго корвета связано со Степаном Осиповичем Макаровым. Под его командованием «Витязь» в 1886–1889 гг. совершил кругосветное плавание, во время которого были проведены подробные гидрологические исследования вод Тихого океана, положенные в основу труда С.О. Макарова «Витязь и Тихий океан». В память о научных заслугах название «Витязь» выбито на фронтоне Океанографического музея в Монако, в числе самых известных кораблей науки⁹.

Винтовой корвет «Рында» в 1886 г. был причислен к Гвардейскому экипажу. В 1886–1889 гг. на корабле совершил плавание Великий князь Александр Михайлович для приобщения к государственной и морской службе. Корабль участвовал в изучении морей Тихоокеанского бассейна (в его честь назван залив в Японском море). В 1892 г. корвет был переклассифицирован в крейсер I ранга, в 1892–1896 гг. входил в состав эскадры под командованием вице-адмирала Кандакова, участвовал в праздновании 400-летия открытия Америки¹⁰.

Винтовые клиперы – парусно-паровые корабли российского военно-морского флота второй половины XIX в. использовавшиеся для сторожевой и разведывательной службы, действий на морских коммуникациях противника. Конструкция корпуса была заимствована у американских и английских клиперов. В 1892 г. переклассифицированы в крейсера II ранга, некоторые участвовали в Русско-японской войне 1904–1905 гг., исключены из списков флота в 1906–1907 гг. Сыграли большую роль в подготовке кадров флота для океанских плаваний, в гидрографических исследованиях Дальнего Востока¹¹.

В коллекции моделей представлены клиперы «Джигит» (1876–1904) и «Разбойник» (1878–1904). Первый имел металлический корпус, второй – смешанный. Основных причин перехода на смешанную систему было две: дерево стояло дешевле, а методы защиты железных корпусов от коррозии тогда не были разработаны.

Модели-барельефы эскадренного броненосца «Севастополь», броненосного фрегата «Севастополь» и герба города Севастополь

российских океанских крейсеров, обладавших сильной броневой защитой, большой дальностью плавания и эффективным вооружением.

В коллекции моделей из панциря черепахи представлены три корвета – «Скобелев», «Витязь» и «Рында». Корвет во второй половине XIX в. представлял собой парусный военный корабль, как правило, снабженный паровым двигателем и имевший на вооружении до 40 пушек. Использовался для участия в крейсерских операциях, а также как разведывательное, посыльное и научно-исследовательское судно⁷.

Особый вклад в российскую науку внесли два винтовых корвета – «Скобелев» (1862–1900), до 27.06.1882 г.

На вооружение «Разбойника» сказалась мода (под влиянием опыта прошедшей Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.) снабжать корабли всеми возможными видами минного оружия, чаще всего, «на всякий случай». Предполагалось усилить боевую мощь клипера, снабдив его не только артиллерией, но также торпедами (для чего установили в Бресте экспериментальную опускаемую «торпедную раму») и минами (одну разместили на носовом шесте, другую на буксирном кормовом плоту), в том числе крылатками и бросательными¹². На вооружении крейсеров и эскадренных броненосцев находились минные катера, построенные в основном судостроительной фирмой «В. Крейтон и К°» в г. Або (Финляндия). Такой катер, с крейсера «Память Азова», представлен в нашей коллекции.

Крейсеры – боевые надводные корабли, предназначенные для нарушения морских коммуникаций противника, ведения морских боев в составе соединений, защиты своих морских сообщений, обеспечения высадки морских десантов, огневой поддержки приморских флангов сухопутных армий, постановки минных заграждений, ведения разведки и пр. Высокая скорость позволяла им догонять корабли и суда противника. Официальная классификация, введенная в 1892 г., делила крейсера на корабли I и II ранга¹³.

Крейсер I ранга «Адмирал Нахимов» (1885–1905) ко времени постройки имел самую совершенную в мире систему бронирования, послужившую прототипом для строившихся броненосных кораблей в России и за рубежом.

Спуск крейсера «Память Азова» (1888–1919) был приурочен к 200-летию спуска на воду Петром I ботика – «дедушки русского флота». Церемония состоялась в полдень 20 мая 1888 г. «в высочайшем присутствии», при громе музыки и грохоте салюта с боевых кораблей. Крейсер получил название в честь 74-пушечного парусного корабля «Азов», первого в российском флоте удостоенного Георгиевского флага за доблесть в Наваринском сражении 8 октября 1827 г. На «Памяти Азова» впервые в России были установлены паровые машины тройного расширения. Благодаря своим отличным ходовым качествам, этот крейсер стал прототипом многих других, более крупных океанских крейсеров. На нем в начале 1890 г. Александр III решил отправить сына в путешествие по странам Азии, а обратно цесаревич должен был возвращаться через Сибирь. В ходе путешествия Николай Александрович планировал получить большой объем информации, которая могла пригодиться ему впоследствии¹⁴.

В основу проекта крейсера I ранга «Рюрик» (1892–1904) была заложена идея океанского крейсера с большим радиусом действия, способного одолеть в одиночном бою любой крейсер противника. На корабле, впервые в российском флоте, были установлены скорострельные орудия системы Канэ, телефонная станция и колокола громкого боя¹⁵.

Крейсер I ранга «Россия» (1896–1922) был построен по усовершенствованному проекту крейсера «Рюрик». Принимал участие в Русско-японской войне 1904–1905 гг. и Первой мировой войне 1914–1918 гг.¹⁶.

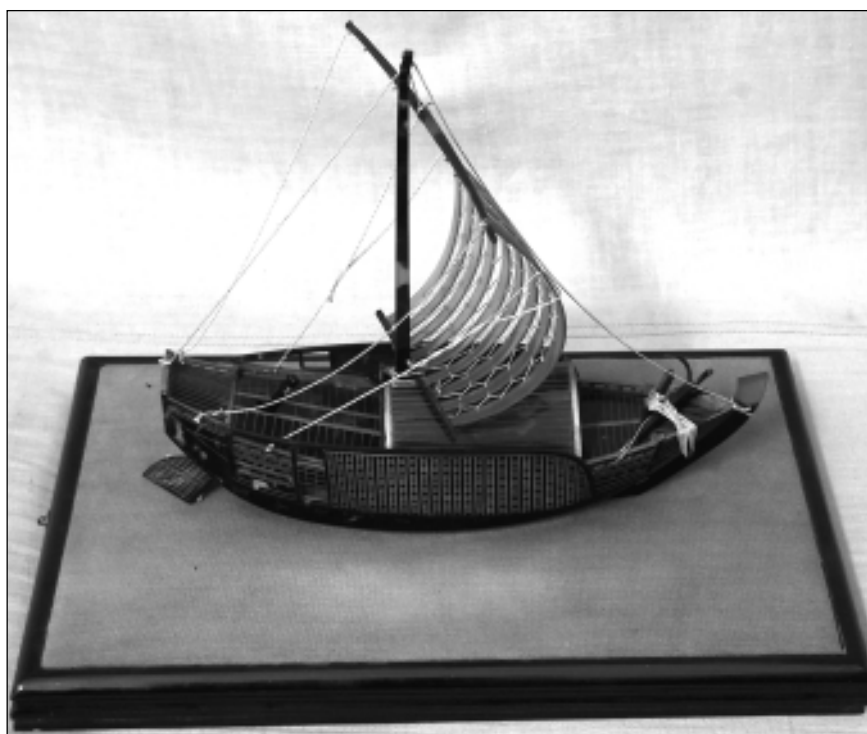
Эскадренные броненосцы – основной класс боевых кораблей, определявший ударную мощь флота в конце XIX – начале XX вв. Предназначались для ведения артиллерийского боя в открытом море в составе эскадр и нанесения мощных ударов по береговым укреплениям. Были вооружены двумя двухорудийными башнями главного калибра, большим количеством орудий среднего калибра и малокалиберной артиллерией, а также несколькими подводными минными (торпедными) аппаратами.

На эскадренном броненосце «Петропавловск» (1894–1904) были в последний раз применены огнетрубные паровые котлы, гидравлические приводы башенных установок, броневые плиты максимальной (406 мм) толщины (в дальнейшем толщина брони уменьшалась за счет повышения ее сопротивляемости удару снаряда). В то же время на нем впервые в России установлены типовые паровые машины, электрические лебедки.

Являясь флагманским кораблем Порт-Артурской эскадры, 31 марта

Модель-барельеф канонерской лодки «Кореец»

Модель японского торгового судна фунза

1904 г. при выходе из Порт-Артура «Петропавловск» погиб от подрыва на mine заграждения противника вместе с командующим флотом вице-адмиралом С.О. Макаровым и художником В.В. Верещагиным. Всего погибло 650 человек, спасено – 80, включая командира. Причиной гибели оказалась детонация боеприпасов (орудийных и минных), сосредоточенных под носовой башней вне бортовой защиты в опасной близости от бортов и днища.

В коллекции есть экспонат, объединяющий модели-барельефы кораблей, носивших имя легендарного города-крепости Севастополя. Броненосный фрегат «Севастополь» (1864–1897) являлся первым российским фрегатом батарейного типа. Под флагом генерал-адмирала Великого князя Константина Николаевича участвовал в первом морском походе отечественных броненосцев по Балтийскому морю. Эскадренный броненосец «Севастополь» (1895–1904) – единственный крупный корабль Порт-Артурского отряда, который принял свою гибель, не пассивно стоя в гавани. Под командованием капитана 1 ранга Н.О. Эссена «Севастополь» был выведен на внешний рейд в район бухты Белый Волк, где шесть ночей отражал атаки 9 японских миноносцев и получил попадания трех торпед. 2 декабря 1904 г. броненосец затоплен личным составом на глубине 40 м¹⁷.

Канонерские лодки – артиллерийские корабли сравнительно небольшого водоизмещения, предназначенные для поддержки десантов и приморских флангов сухопутных войск, нанесения артиллерийских ударов по наземным целям и береговым объектам открытого типа и борьбы с легкими силами противника на ограниченных театрах, в заливах и прибрежных районах. Кроме того, они могли привлекаться для несения дозорной и брандвахтенной службы¹⁸.

В коллекции моделей представлены пять канонерских лодок: «Кореец» (1886–1904), «Сивуч» (1884–1904), «Манджур» (1886 – конец 1920-х) «Бобр» (1885–1904) и «Грозный» (1890–1922). Все они принимали активное участие в изучении Тихоокеанского бассейна.

Кроме моделей кораблей Российского императорского флота, имеются три модели национальных японских судов: джонки и фунэ.

Еще о многом интересном, связанном с историей российского флота может рассказать эта необычайная коллекция, сделанная руками замечательных мастеров из далекой Японии.

¹ Лухманов Д.А. Жизнь моряка. Л., 1985. С. 250.

² Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. СПб., 1899. Т. 52. С. 888–889.

³ Там же. СПб., 1903. Т. 76. С. 550.

⁴ Широкопад А.Б. Россия выходит в Мировой океан. М., 2005. С. 35.

⁵ История отечественного судостроения / Под ред. акад. И.П. Спасского. СПб., 1996. Т. 2. С. 110.

⁶ Шершов А.П. История военного кораблестроения. М.-Л., 1940. С. 230.

⁷ Морской энциклопедический словарь. СПб., 1993. Т. 2. С. 117.

⁸ Широкопад А.Б. Указ. соч. С. 188.

⁹ Бережной С.С. Крейсера и миноносцы. М., 1998. С. 43.

¹⁰ Там же. С. 45.

¹¹ Морской энциклопедический словарь. СПб., 1993. Т. 2. С. 65.

¹² Мельников Р.М. Клипер «Разбойник» // Судостроение. 1979. № 5. С. 65–67.

¹³ Моисеев С.П. Список кораблей русского парового и броненосного флота (с 1861 по 1917 г.). М., 1948. С. 15.

¹⁴ Мельников Р.М. Полуброненосный фрегат «Память Азова» // Судостроение. 1979. С. 60–63.

¹⁵ История отечественного судостроения. СПб., 1996. Т. 2. С. 346.

¹⁶ Бережной С.С. Крейсера и миноносцы. М., 1998. С. 67.

¹⁷ Он же. Линейные и броненосные корабли. Канонерские лодки. М., 1997. С. 32.

¹⁸ Там же. С. 113.

К истории снаряжения к кортикам чинов флота и некоторых ведомств СССР

Произошедшие в 1917 г. в России революционные преобразования коснулись и флотской формы одежды. К сожалению, в советское время была продолжена порочная традиция прошлого – частая и не всегда обоснованная смена военной формы одежды. В приказе Морского министра № 125 от 16 апреля 1917 г. отменялись все разновидности погон и вводились нарукавные нашивки. В этом же приказе министр А.Н. Гучков предписывал уничтожить изображения императорских вензелей на холодном оружии. В 1918 г. адмиралам, генералам и офицерам флота было запрещено ношение кортиков. Спустя семь лет Приказом РВС СССР № 6 от 06 января 1925 г. «Об установлении форменной одежды для личного состава РККФ» для командного и командно-политического состава Рабочее-Крестьянского Красного флота было вновь введено ношение оружия: «Пункт 13. Вне строя иметь кортик с изображением серпа и молота на верхней втулке его рукояти».

Приказом по РККФ № 39 от 05 февраля 1925 г. были объявлены «Правила ношения форменной одежды военнослужащими Рабочее-Крестьянского Красного Флота»: «Пункт 31. Кортик носить на портупее под одеждой. Пункт 32. Кортик и сабля присваивается командному и командно-политическому составу, за исключением младшего комсостава».

Изменившийся государственный строй в России не отразился на снаряжении морских кортиков. На протяжении полутора столетий снаряжение кортика и его фурнитура оставались практически неизменными. Сохранилась не только прежняя конструкция снаряжения к кортикам, но и его художественное оформление. Латунная фурнитура к снаряжению кортиков (изготовленная в Императорском флоте литьем, в советский период – штамповкой) имела декоративные пряжки с изображениями львиных голов. Клинок кортика первоначально имел ромбовидное сечение. Взамен императорского вензеля на верхней втулке рукояти кортика стали набивать штампом «серп и молот». Значительные запасы предметов флотской амуниции, оставшиеся от царского периода, и ограниченность материальных средств молодой Советской республики, не исключали возможности использования флотскими офицерами старых образцов снаряжения к кортикам.

Повседневное снаряжение к морскому кортику Российского императорского флота

В результате проведения 30 декабря 1939 г. преобразований в Вооруженных силах СССР Военно-морской флот был выделен в самостоятельный род войск с созданием Наркомата ВМФ.

Приказом Народного Комиссара Военно-морского флота Союза ССР № 574 от 20 сентября 1940 г. было объявлено Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР № 1673 от 12 сентября 1940 г. «О введении на вооружение военнослужащих Военно-морского флота кортиков и палашей». Постановлением предписывалось с 1 января 1941 г. повседневное ношение командным составом ВМФ кортика. Правилами ношения было определено, что:

1. Кортик стал личным оружием для:

- а) командного состава флота, береговой обороны и морской авиации,
- б) инженеров корабельной службы.

При форменной одежде (как на службе, так и вне службы) ношение кортика стало обязательным.

2. Кортик со снаряжением должен носиться с левой стороны на пасовых ремнях таким образом, чтобы проходящая через кортик ось составляла с вертикалью угол в 135 градусов (за исключением случая, когда кортик брался на подвесной крюк переднего пасового ремня).

3. При кителе и при тужурке кортик со снаряжением должен был носиться под ними. При шинели и плащ-пальто кортик не должен носиться.

4. Кортик во всех случаях (кроме официальных) разрешалось носить по желанию владельца: либо на крючке портупей, либо опущенным на пасовых ремнях.

Кортик запрещалось носить:

а) В Центральных управлениях, штабах и казармах береговых частей.

б) На кораблях, за исключением нахождения на якорной вахте и общих построениях экипажа на верхней палубе при парадах и официальных приемах.

в) На самолетах.

г) При ношении револьвера (пистолета).

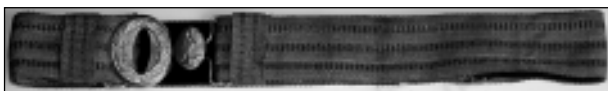
д) В домах отдыха, санаториях и на курортах.

Поясной ремень снаряжения к кортику состоял из черной шелковой ленты, на которой размещались четыре круглые декоративные бляшки со скобами и одна – квадратная, со стопорной иглой (шпеньком). Две декоративные бляшки использовались в качестве поясной пряжки и соединялись между собой планкой, изогнутой «змейкой», оконечности которой оформлены в виде орлиных голов. Другие две, скользящие по поясу, латунные пряжки

Повседневное снаряжение к морскому кортику образца 1940 г.

латунной фурнитуры. Шарф-пояс носился при парадной форме. В том случае, когда при парадном мундире предписывалось иметь кортик, приказом предусматривалось его ношение совместно с повседневным снаряжением (под шарфом-поясом). Это позволяет сделать предположение, что размещение на нем пасовых ремней для подвески кортика не предусматривалось. Если для парада адмиралам и генералам следовало находиться при оружии, то участники парада под шарф-пояс надевали черное повседневное снаряжение с кортиком. Приказами Народного Комиссара ВМФ № 210 от 1942 г, № 55, № 145 и № 246 от 1943 г. этот недостаток шарф-пояса был устранен. Новый шарф-пояс для адмиралов и генералов (капитанов 1 ранга и полковников ВМФ) шириной 50 мм изготавливался из позолоченных (посеребренных) мишурных нитей с тремя продольными рядами просновок, прошитых красными, зелеными и черными шелковыми нитями. В ВМФ цвет шарф-пояса зависел от принадлежности его владельца к плавсоставу или к береговой службе, т.е. соответствовал цвету галуна на погонах. Пряжка шарф-пояса – двухэлементная, составная, золоченая, с изображением венка из лавровых и дубовых листьев на основной части и якоря со звездой на ее запорной части.

Парадный шарф-пояс образца 1943 г. для ношения кортика адмиралами, генералами (капитанами 1 ранга и полковниками ВМФ)

Между поясом и подкладкой вшиты (вертикально) две латунные пластины (49,4x0,8 мм) с проушинами у нижней кромки для колец, к которым пристегивались верхние карабины пасовых ремней аналогичной текстуры шириной 26 мм, но с двумя рядами просновок из цветных шелковых нитей. Это выглядело эффектно.

Снаряжение к советскому дипломатическому кортику образца 1943 г.

Мода на кортики прокатилась волной через ряд ведомств и министерств СССР. Так, приказом Народного Комиссара Иностранных дел № 213 от 7 октября 1943 г. для служащих Народного комиссариата иностранных дел была введена новая форма одежды, которую удачно дополнил кортик со снаряжением. Конструкция дипломатического кортика и снаряжение к нему весьма походило на морской аналог за исключением особенностей их художественного оформления. Пояс и пасовые ремни снаряжения изготовили из черной муаровой ленты шириной 25 мм, а фурнитуру – из листовой латуни. Бляшки и декоративные пряжки (выполненные штамповкой) украшены пятилепестковыми цветками. Роль поясной пряжки выполняла изогнутая восьмеркой «змейка» с изображением на концах орлиных голов. Регулирующая длину поясного ремня пряжка была снабжена стопорным шпеньком. Пасовые ремни укомплектованы пряжкой, регулирующей их длину, и по одному карабину для сцепления с кортиком. Крепление пасовых ремней к поясу осуществлялось с помощью латунных колец. В верхней части короткого пасового ремня крепилась латунная цепочка с крюком для подъема кортика.

Парадное кожаное снаряжение к кортику образца 1945 г. для мичманов и старшин сверхсрочной службы ВМС

Следует отметить, что кортик со снаряжением, да и сама форма одежды служащих гражданских ведомств и министерств, были отменены Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1954 г.

После победоносного завершения Великой Отечественной войны вышло Постановление Совета Народных Комиссаров № 1152 от 24 мая 1945 г. и последовавший за ним приказ Народного Комиссара ВМС № 245 от 6 июня 1945 г., которые предписывали: «Распространить право ношения кортика, как личного холодного оружия, на офицеров, мичманов и старшин сверхсрочной службы, носящих флотскую форму одежды». Для мичманов и старшин сверхсрочной службы ВМС был введен парадный мундир, к которому полагалось ношение кортика (образца 1945 г.) с поясной португеей и пасовыми ремнями из лакированной кожи.

Повседневное же снаряжение к кортику офицеров, мичманов и старшин сверхсрочной службы ВМС состояло из черной шелковой муаровой ленты шириной 25 мм на хлопчатобумажной подкладке темного цвета и латунной штампованной фурнитуры с традиционной тематикой и стилистикой художественного оформления. Поясная пряжка состояла из двух латунных бляшек с изображением львиных голов, закрепленных на концах пояса, и латунной полоски («змейки»), изогнутой восьмеркой и соединяющей обе бляшки вместе. Декоративные пряжки (без стопорных шпилек) с изображением львиных голов несколько увеличенных размеров (34x28x5 мм), но более плоских (4 мм). Каждый пасовый ремень имел лишь один пружинный карабин для пристегивания колец ножен кортика.

«Эволюция» морского парадного пояса была завершена подписанием приказа Министра обороны СССР № 40 от 20.02.1951 г., который отменял у адмиралов, генералов, офицеров, мичманов и старшин сверхсрочной службы ВМФ парадные мундиры, виц-мундиры, шарф-пояса и кожаные лакированные пояса. Последовавший за ним приказ Военно-Морского министра Союза ССР № 170 от 12.09.1951 г. ввел новый порядок ношения парадной формы одежды:

1. Адмиралам и генералам ВМФ при парадной форме одежды предписывалось быть при кортиках. Снаряжением к кортику служил поясной ремень из черной муаровой ленты шириной 35 мм с двумя пасовыми ремнями, изготовленными из золоченой (серебряной) мишуры (ширина 25 мм), с двумя продольными полосами, украшенными разноцветной просновкой, состоящей из черных, зеленых и красных шелковых нитей. Фурнитура пояса и пасовых ремней изготавливалась из листовой латуни. Декоративные латунные бляшки поясного ремня и пряжек, регулирующих длину пасовиков, были украшены изображениями львиных голов. Пасовые ремни пристегивались верхними карабинами к нижним кольцам подвижных бляшек поясного ремня, а нижние защелкивались на кольцах ножен кортика.

2. Этим же приказом Военно-Морского министра для офицеров, мичманов и старшин сверхсрочной службы флота устанавливалось ношение кортика с повседневным снаряжением при парадной форме. Снаряжение и его художественное оформление не претерпели изменений. Оно состояло из черной шелковой муаровой ленты, поясной пряжки со змейкой, регулирующей длину пояса и декоративных пряжек с изображением львиных голов. Передвижная пряжка для регулировки длины пояса – рамочная, бесшпильковая, размером 33x25x5 мм. Пасовые ремни имели декоративные пряжки, украшенные штампованными головами львов.

3. Повседневное снаряжение к кортику у адмиралов и генералов ВМС было такое же, как у офицеров и мичманов.

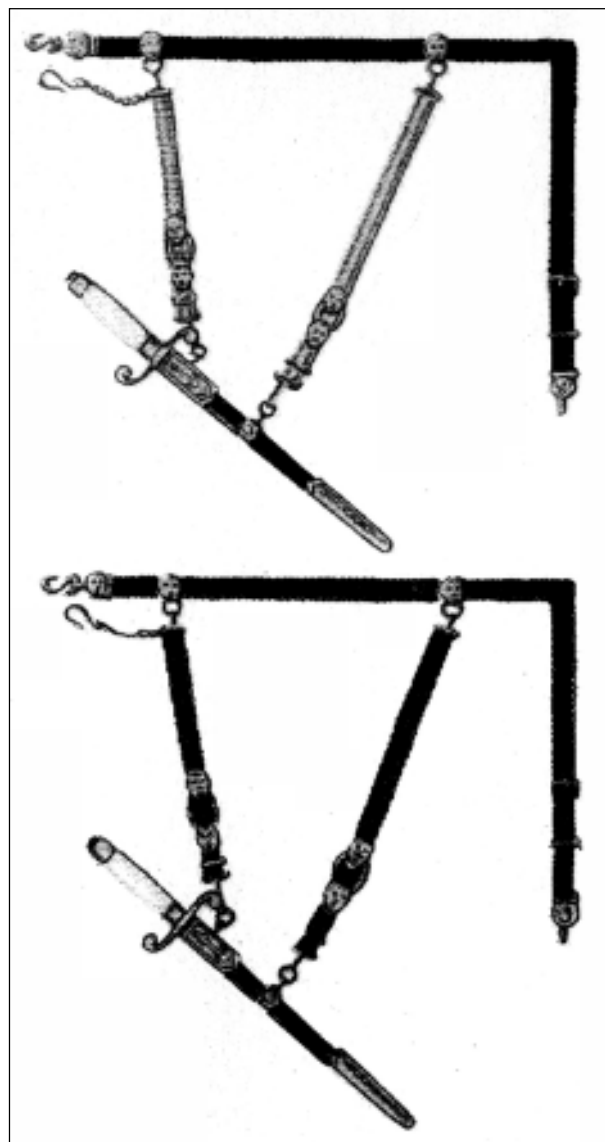
Элегантность художественного оформления морского кортика и гордость, с которой носили его адмиралы и флотские офицеры, вызывали у многих армейских военачальников повышенный интерес и даже, в какой-то степени, скрытую зависть.

Министр обороны Союза ССР маршал Г.К. Жуков своим приказом № 26 от 25 февраля 1955 г. (п. 2) ввел к парадно-выходному мундиру армейских офицеров ношение кортика с парадным шарф-поясом (при нахождении в строю) и с повседневным снаряжением (при нахождении вне строя).

При обсуждении художественного оформления армейского кортика и его снаряжения никто из разработчиков не сделал попыток вникнуть в тематическую и стилевую особенности декора флотского прототипа. На латунной фурнитуре изображение якоря (символизирующего благоприятный исход деятельности) было заменено пятиконечной звездой с серпом и молотом. С элементов снаряжения исчезли изображения львиных голов. Не поняли и символику подвешенного крюка к морскому кортику, разме-

Повседневное снаряжение к морскому кортику образца 1945 г. для офицеров, мичманов и старшин сверхсрочной службы ВМС

Вверху: рисунок кортика и снаряжения к нему образца 1951 г. для адмиралов и генералов ВМС.
Внизу: рисунок кортика и снаряжения к нему образца 1951 г. для офицеров, мичманов и старшин сверхсрочной службы ВМС

щенного на переднем (коротком) пасовом ремне снаряжения, а ведь этот крюк по внешнему виду походил на пятый зодиакальный знак созвездия Льва. Лев – символ целеустремленности, отваги и могущества, а это стимулировало у воинов мужество и веру в победу. В армейском варианте символ могущества превратился в банальный крючок. По странному совпадению одному из звеньев латунной цепочки подвесного крюка армейского снаряжения придали вид крохотной изогнутой восьмерки в виде змеи. Змея – символ мудрости, рассудительности и благоразумия выглядела на изделии как немой укор разработчикам художественного оформления армейского кортика и снаряжения к нему.

Парадный шарф-пояс армейских офицеров состоял из тканного шелкового пояса золотистого цвета шириной 45 мм с тремя продольными рядами просновок из черных, зеленых и красных шелковых нитей. Подкладка шарф-

Парадный шарф-пояс образца 1955 г. для армейских офицеров, прапорщиков и старшин сверхсрочной службы

пояса изготовлялась из хлопчатобумажной ленты золотистого цвета. Поясная пряжка – литая, латунная, овальной формы с рельефным изображением лаврового венка и крупной пятиконечной звездой. Звезда украшена изображением серпа и молота с расходящимися во все стороны солнечными лучами. Свободная поверхность бляхи, (внутри венка и снаружи звезды) заполнена точечным орнаментом. Регулировка длины пояса достигалась с помощью двух крючков и петель, пришитых к подкладке на концах пояса. Запорная часть поясной пряжки располагалась на противоположном конце пояса. Кроме того, на ленте подкладки были закреплены и две вертикальные латунные планки с размещенными на их нижних концах кольцами для соединения с верхними карабинами пасовых ремней, изготовленных из полшелковой ткани аналогичной текстуры с поясом.

Повседневное снаряжение к кортику армейских офицеров состояло из поясного и двух пасовых ремней, изготовленных из тканной полшелковой тесьмы коричневого цвета шириной 25 мм. Для регулировки длины поясного ремня использовалась рамочная бесшпильковая пряжка (40x32x0,3 мм). Две передвигающиеся матерчатые муфты (аналогичной текстуры и ширины) имели на своих нижних кромках латунные полукольца для пристегивания к ним верхних карабинов пасовых ремней. Роль поясной пряжки выполняла латунная пластинка изогнутая

восьмеркой («змейка»), концы которой были украшены изображениями орлиных голов. «Змейка» соединяла кольцевые окончания пояса, закрепленные шлевками на противоположных концах поясного ремня. Для регулировки длины пасовых ремней использовалась латунная прямоугольная бесшпильковая пряжка (без украшений). На нижних концах пасовых ремней размещались пружинные защелки-карабины и латунные шлевки. К основанию верхнего карабина малого пасового ремня крепилась латунная цепочка с подвесным крючком.

Повседневное снаряжение к кортику образца 1955 г. для армейских офицеров, прапорщиков и старшин сверхсрочной службы

Приказ Министра Обороны СССР № 105 от 30 июня 1955 г. для маршалов, маршалов родов войск, генералов сухопутных войск и военно-воздушных сил ввел парадную и парадно-выходную форму одежды и к ним – парадный пояс, кортик и повседневное снаряжение. Генералам и маршалам полагался также и парадный пояс, вытканый из золоченных мишурных нитей и шелка с 3-мя продольными рядами цветных просновок из шелковых нитей черного, желтого и зеленого цветов. Подкладкой к поясу служила хлопчатобумажная лента цвета морской волны. Позолоченная пряжка

парадного пояса (двухэлементная, составная) имела овальную форму с изображением венка, левая ветвь которой была дубовая, а правая – лавровая. Запорная часть пряжки, украшенная гербом СССР и выпуклой малогабаритной пятиконечной звездой, размещалась на противоположном конце поясного ремня. Полковникам полагался такой же парадный пояс, как у маршалов и генералов, а поясная пряжка, как у армейских офицеров.

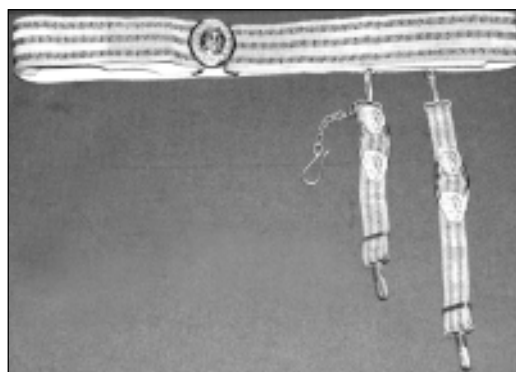
Этим же приказом для адмиралов флота Советского Союза, адмиралов и генералов ВМФ было введено ношение кортика при парадной форме (для строя) и при парадно-выходной (вне строя). Приказ Министра Обороны № 105 от 1955 г. не разрешал носить кортики офицерам-женщинам. Для них было введено кожаное походное снаряжение.

Через три года новый Министр Обороны СССР маршал Советского Союза Р.Я. Малиновский своим приказом № 70 от 29 марта 1958 г. отменил армейским генералам и офицерам ношение кортиков и снаряжения к ним. Очередные изменения форменной одежды и предметов обмундирования у военнослужащих Советской армии и ВМФ были объявлены приказом Министра Обороны СССР № 130 от 26 мая 1964 г. (ранее установлены Постановлениями Советов Министров СССР от 19 февраля 1949 г. № 741–282, от 27 марта 1954 г. № 544 и от 17.02.1955 г. № 262–157):

Парадный шарф-пояс образца 1955 г. для маршалов, маршалов родов войск, генералов сухопутных войск и ВВС

а) Для офицеров и сержантов сверхсрочной службы Воздушно-десантных войск и Военно-Воздушных сил Советской армии был введен парадный пояс. Пояс – тканый, шириной 45 мм, шелковый, золотистого цвета, с тремя продольными рядами просновок из цветного шелка (черных, зеленых и красных нитей). Подкладкой поясу служила хлопчатобумажная лента золотистого цвета. Пряжка латунная штампованная, единая, овальной формы, с рельефным изображением пятиконечной звезды в обрамлении двух лавровых ветвей. Регулировка длины пояса достигалась с помощью закрепленных на концах пояса двух металлических крючков и люверсов, вшитых в подкладку. Пряжки пасовых ремней прямоугольной формы без украшений. Для полковников пояс изготавливался из позолоченных мишурных нитей и шелка.

Парадный шарф образца 1955 г. для ношения кортика адмиралами и генералами ВМФ

б) Введенное для офицеров, мичманов и старшин сверхсрочной службы ВМФ парадное снаряжение было такое же, за исключением поясной пряжки и декоративных пряжек пасовых ремней. На литой овальной пряжке находилось изображение лаврового венка, а внутри его – якорь, над которым помещалась звездочка. Декоративные пряжки пасовых ремней имели такое же украшение, как у пряжки пояса.

Парадное снаряжение образца 1964 г. к кортику для офицеров, мичманов и старшин сверхсрочной службы ВМФ

в) Для офицеров и сержантов сверхсрочной службы Военно-морского флота было введено и новое повседневное снаряжение для кортика. Поясной ремень шириной 35 мм из муаровой ленты черного цвета с полубархатной подкладкой. К концу поясного ремня пришита правосторонняя пряжка круглой формы (диаметром 45 мм) с рельефным украшением наружной поверхности. Фурнитура снаряжения латунная, штампованная. В центральной части бляхи находился якорь с фрагментом якорного каната, над которым размещалась малоразмерная пятиконечная звезда. Обрамлял изображение якоря веночек из двух лавровых ветвей. Остальная поверхность бляхи покрыта горизонтальными выпуклыми полосами. К внутренней стороне бляхи припаян крюк с фигурной изогнутостью для продевания и закрепления оконечности поясного ремня. На противоположном конце пояса размещалась застежная петля, которая удерживалась в фиксированном положении с помощью шлевки. На поясе размещались две скользящие рамки, наружная сторона которых оформлена в виде круглых блях (диаметр 35 мм) с единым художественным оформлением, как у поясной пряжки. К нижним краям блях приваривались малые кольца для пристегивания верхних карабинов пасовых ремней (шириной 25 мм). Текстура пасовых ремней аналогична поясу. Пасовые ремни снабжались декоративными пряжками (70x33x5 мм), нижними карабинами и шлевками. К основанию верхнего карабина короткого пасового ремня крепилась цепочка подвесного крюка для кортика. Художественное оформление пряжек пасовых ремней также единое с поясной бляхой. В соответствии с приказом комплект повседневного снаряжения к кортику дополнялся и парой парадных пасовых ремней из мишурных нитей золотистого цвета с цветными просновками.

Парадное снаряжение образца 1964 г. к кортику для капитанов 1 ранга и полковников ВМФ

Приказом Министра Обороны Союза ССР № 190 от 26 июля 1969 г. «Об улучшении формы одежды военнослужащих Советской Армии и ВМФ» были введены:

а) Для маршалов и генералов Советской армии парадный пояс (ширина 50 мм), тканый, из позолоченных мишурных нитей и шелка, с тремя продольными рядами просновок из черных, зеленых и красных шелковых нитей. Латунная пряжка имела украшение в виде венка из лавровой и дубовой ветвей, внутри которого размещался государственный герб СССР и малая пятиконечная звезда над ним.

б) Для офицеров и сержантов сверхсрочной службы Советской армии пояс парадный (шириной 45 мм) тканый, шелковый, золотистого цвета, с тремя продольными рядами просновок из черных, зеленых и красных шелковых нитей. Подкладкой к поясу служила хлопчатобумажная лента золотистого цвета. Пряжка латунная овальной формы, с рельефным изображением лаврового венка и пятиконечной звезды. Регулировка длины пояса производилась с помощью двух крючков и металлических люверсов, нашитых на ленту подкладки. Для полковников пояс тканый, из позолоченных мишурных нитей и шелка, пряжка офицерская.

Повседневное снаряжение образца 1964 г. к кортику для офицеров, мичманов и старшин сверхсрочной службы ВМФ

в) Для офицеров и военнослужащих сверхсрочной службы ВМФ парадный пояс существующего образца с дополнительным изображением на бляхе якоря и пятиконечной звезды над ним. Обрамлением для звезды и якоря служил веночек, состоящий из двух ветвей лавра.

**Парадные пасовые ремни.
(Выдавались
дополнительно с
комплектom повседневного
снаряжения к кортику)**

г) Для адмиралов, генералов, офицеров и старшин сверхсрочной службы ВМФ вводилось повседневное снаряжение к кортику.

На правом конце поясного ремня (шириной 35 мм) за свою скобу пришивалась круглая пряжка и дополнялась латунной шлевкой. На противоположном конце пояса находилась металлическая застежная петля, которую фиксировала по месту, с учетом необходимой длины пояса, латунная шлевка. На поясном ремне размещались две подвижные рамки с нижними кольцами для пристегивания верхних карабинов пасовых ремней. Каждый пасовый ремень (шириной 25 мм) имел также нижний карабин (для пристегивания к кольцам ножен кортика) и по одной овальной декоративной пряжке (для регулировки их длины). На основании верхнего карабина малого пасового ремня крепилась цепочка с подвесным крючком для кортика. Вся штампованная, латунная фурнитура (поясная пряжка, рамки и овальные пряжки пасовых ремней) была украшена изображениями якоря и пятиконечной звездой в обрамлении венка из лавровых листьев. Пояс снаряжения тканый, из шелковой муаровой ленты черного цвета, с подкладкой из черного бархата. В дополнение к повседневному снаряжению кортика выдавался и комплект парадных пасовых ремней, изготовленных из мишурной ленты золотистого цвета с просновками из цветного шелка.

Приказом Министра Обороны СССР № 110 от 14 апреля 1982 г. в очередной раз были введены изменения в форменную одежду военнослужащих.

1. Для армейских генералов и офицеров при парадной форме:

а) подтверждался парадный пояс, тканый из цветного шелка с пряжкой золотистого цвета. Генералам и полковникам парадный пояс изготавливался из позолоченных мишурных нитей и цветного шелка. Поясная пряжка имела позолоту.

б) В Советской армии для военнослужащих – женщин в звании офицеров, прапорщиков, сержантов и солдат был введен поясной ремень из искусственной кожи белого цвета с латунной бляхой.

2. Для адмиралов и генералов ВМФ вновь подтверждалось право ношения кортика с повседневным снаряжением и парадного пояса, изготовленного из золоченых мишурных нитей и цветного шелка, с позолоченной латунной пряжкой. К этой же категории военнослужащих (в части касающейся) были отнесены капитаны 1 ранга и полковники ВМФ.

3. За офицерами, мичманами, прапорщиками, старшинами и сержантами сверхсрочной службы ВМФ сохранялось право ношения парадного пояса, тканого из цветного шелка золотистого цвета, и кортика с повседневным снаряжением.

Архив Военно-исторического музея артиллерии инженерных войск и войск связи (ВИМАИВиВС). Ф. 2. Оп. 1. Д. 9. Лл. 356 об., 376, 430–431, 435–436, 444–444 об.

Там же. Д. 150.

Введенский Г.Э. Пять веков Русского военного мундира. СПб.: Атлант, 2005.

Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний. М.: Современник, 1993.

Веселаго Ф. Краткая история Российского флота. Вып. 1–2. СПб., 1893.

Он же. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1875.

Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск. СПб.-Новосибирск, 1899–1944. Чч. 1–19. Тт. 20–34.

Директива Генштаба 1954 г. № 02/350.

Доценко. В.Д. Русский морской мундир. СПб.: Изд-во «Logos», 1994. С. 28.

Кибовский, А. Степанов, А., Цыпленков, К. «Униформа Российского военного воздушного флота» Т. 1 (1890–1935 гг.). Фонд содействия авиации «Русские витязи». М., 2004.

Кулинский А.Н. Русское холодное оружие. СПб.: Атлант, 2005.

Лаптев Н.М. Военно-морская форма 1917–1945 гг. М., 2001.

Материалы истории Российского Флота. Т. III. С. 91–92.

Там же. Т. IX. С. 247–248.

Там же. Т. XVI. С. 9–11.

Там же. Т. XVII. С. 410–411.

Морской Сборник № 1 за 1895 г. (Приказ по Морскому ведомству № 155 от 28 декабря 1894 г.).

Постановления Совета Министров СССР от 19 февраля 1949 г. № 741–282 и от 27 марта 1954 г. № 544.

Постановление Сов. мин. СССР от 17.02.1955 г. № 262–157.

Приказ Военно-морского министра СССР № 170 от 12 сентября 1951 г.

Приказ Министра Обороны СССР № 124 от 01 августа 1955 г.

Приказ МО СССР № 190 от 26 июля 1969 г.

Приказ МО СССР № 110 от 14.04.1982 г.

Приказ МО СССР № 130 от 26 мая 1964 г.

Приказ МО СССР № 26 от 25 февраля 1955 г.

Приказ МО СССР № 248 от 5 ноября 1963 г. (приложение № 3).

Приказ Народного комиссара ВМФ СССР 1939 г. № 426.

Приказ Народного комиссара обороны СССР 1940 г. № 187.

Приказ Народного комиссара обороны СССР 1940 г. № 212.

Приказ Народного комиссара обороны СССР 1941 г. № 283.

Приказ Народного комиссара ВМФ СССР 1941 г. № 124.

Приказ Народного комиссара ВМФ СССР 1942 г. № 142.

Приказ Народного комиссара обороны СССР 1943 г. № 109.

Приказ Народного комиссара обороны СССР 1943 г. № 198.

Приказ Заместителя Народного комиссара обороны СССР 1943 г. № 287.
Приказ Народного комиссара ВМФ СССР 1943 г. № 178.
Приказ Народного комиссара ВМФ СССР 1943 г. № 477.
Приказ Народного комиссара обороны СССР № 1944 г. № 60.
Приказ Народного комиссара ВМФ СССР 1945 г. № 178.
Приказ Народного комиссара ВМФ СССР 1945 г. № 224.
Приказ Главнокомандующего ВМС СССР 1950 г. № 4.
Приказ Военного министра СССР 1951 г. № 18.
Приказ Военно-морского министра СССР 1951 г. № 39.
Приказ Министра обороны СССР 1954 г. № 43.
Приказ Министра обороны СССР 1954 г. № 45.
Приказ Министра обороны СССР 1954 г. № 94.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 2.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 23.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 24.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 29.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 37.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 64.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 70.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 123.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 140.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 143.
Приказ Министра обороны СССР 1955 г. № 225.
Приказ Министра обороны СССР 1956 г. № 147.
Приказ Министра обороны СССР 1956 г. № 202.
Приказ Министра обороны СССР 1956 г. № 214.
Приложение к приказу Министра обороны СССР 1957 г. № 72.
Приказ Министра обороны СССР 1957 г. № 143.
Приказ Министра обороны СССР 1958 г. № 14.
Приказ Министра обороны СССР 1958 г. № 70.
Приказ Заместителя Министра обороны СССР – Начальника Тыла Министерства обороны СССР 1959 г. № 15.
Приказ Министра обороны СССР 1960 г. № 186.
Приказ Министра обороны СССР 1960 г. № 218.
Приказ Министра обороны СССР 1961 г. № 038.
Приказ Министра обороны СССР 1961 г. № 49.
Приказ Министра обороны СССР 1961 г. № 122.
Приказ Министра обороны СССР 1961 г. № 174.
Приказ Министра обороны СССР 1961 г. № 187.
Приказ Министра обороны СССР 1961 г. № 283.
Приказ Министра обороны СССР 1962 г. № 45.
Приказ Министра обороны СССР 1962 г. № 46.
Приказ Министра обороны СССР 1962 г. № 125.
Приказ Министра обороны СССР 1962 г. № 127.
Приказ Министра обороны СССР 1962 г. № 149.
Приказ Министра обороны СССР 1963 г. № 27.
Приказ Министра обороны СССР 1963 г. № 160.
Приказ Министра обороны СССР 1963 г. № 247.
Приказ Министра обороны СССР 1964 г. № 55.
Приказ Министра обороны СССР 1964 г. № 96.
Российский государственный архив ВМФ (РГАВМФ). Ф. 227. Оп. 1. Д. 299. Л. 181 (Приказ по Морскому ведомству № 133 от 21.05.1909 г.).
Федурин Д.А. Кортики мира. СПб.: Атлант, 2004.
Центральный Военно-Морской Архив. Ф. 14. Оп. 47. Д. 238. Л. 87.
Там же. Ф. 14. Оп. 47. Д. 9. Л. 418.
Там же. Ф. 14. Оп. 47. Д. 131. Л. 533. Постановление СНК СССР от 24 мая 1945 г. № 1152.
Там же. Ф. 14. Оп. 58. Д. 20. Л. 391. Приказ Военно-морского министра СССР № 51 от 13 марта 1951 г.
Там же. Ф. 14. Оп. 47. Д. 285. Л. 218.

Воспроизведение эполетов полков российской армии времени царствования Екатерины II (1762–1796)

Сутью музейной экспозиции является демонстрация памятников истории и культуры из музейных собраний. Музейный предмет в экспозиции становится экспонатом, или, другими словами, – предметом, выставленным на обозрение. Однако не всегда в качестве экспозиционных материалов выступают подлинные вещественные предметы. Иногда их место занимают воспроизведения музейных предметов, а также и внemuзейных объектов, которые создаются специально для экспонирования. Это связано, прежде всего, с отсутствием оригинала или же его неудовлетворительным состоянием сохранности. При воспроизведении необходимым условием является аутентичность воссоздаваемого объекта с оригиналом – именно это становится неотъемлемым условием, а без научного знания о предмете невозможно и его достоверное воспроизведение.

Воспроизведение на основе научных знаний предоставляет музеям возможность экспонировать не только подлинные вещи, сохранившиеся во времени, но и вновь реконструированные модели, которые также делают возможным для посетителя представление о материальной и духовной культуре минувших эпох.

Любой вид воспроизведения – будь то копия, реплика, муляж, новодел, репродукция, слепок, реконструкция и т. п. (а это зависит от поставленных целей) – имеет внешнее сходство с оригиналом, передавая характерные его особенности и свойства. Воспроизведение, точно соответствующее оригиналу, как правило, входит в состав научно-вспомогательного фонда, а в случае утраты подлинника может даже приобретать значение музейного предмета.

В данной статье изложен опыт работы по изготовлению двух видов воспроизведения: в одном случае «новодела», в другом – «научной реконструкции» эполетов (погонов) полков российской армии времени царствования Екатерины II (1762–1796).

Погоны на русских военных мундирах известны с начала XVIII в.; они предназначались в основном для поддержания на плечах ремней амуниции. «Стат Воинский» 1731 г. предписывал нашивать на плечи кафтанов разноцветные «накладки чрез перевязь» (к сожалению, подробности внешнего вида данных «накладок» в настоящее время неизвестны). Слово «эполет» – иностранного происхождения (франц. ед. ч. epaulette, от epaule – плечо) и вошло в обиход только при Екатерине II. Поэтому в различных архивных документах XVIII в. слово «эполет» встречается в разной орфографии: «аполет», «полет», «епалет», «эппалет» и т. п. Можно предположить, что эполеты были заимствованы с французского военного мундира после окончания Семилетней войны (1756–1763). Они внешне идентифицировали воинскую часть, являясь присущим только ей элементом обмундирования.

Эполеты (погоны) эпохи екатерининского царствования представляют собой очень яркое и своеобразное явление воинской материальной культуры. Они поражают своей индивидуальностью не только на межполковом уровне, но также внутри одного и того же полка. Преимущественное отличие офицерских эполетов от эполетов нижних чинов заключалось в материалах, из которых они изготавливались (у офицеров это были золото, серебро и шелк; у нижних чинов – шерсть, гарус, нитки).

Прежде чем приступить к описанию работ по воспроизведению эполетов, необходимо определиться в терминах: что именно мы понимаем под «новоделом» и «научной реконструкцией».

В сборнике научных трудов «Терминологические проблемы музееведения»¹ дано определение «новодела», который является точной копией памятника материальной культуры, выполненной в материале и размере оригинала. Что же касается «реконструкции» предмета, то она представляет собой воссоздание несохранившегося или частично сохранившегося предмета на основе научных данных. Если заглянуть в российскую музейную энциклопедию², то там про реконструкцию написано: «Реконструкция (от лат. Re – приставка, означающая действие, и construction – построение) – научно аргументированное восстановление облика поврежденного или разрушенного памятника истории и культуры, а также памятника природы». И, как видно из определения, «реконструкция» объекта может носить описательный, изобразительный и прикладной характер. Что же касается «новодела», то это аутентичный подлиннику материальный объект. Как известно, для любого вида воспроизведения необходимо углубленное изучение различного рода источников, раскрывающих внешний вид, пропорции, материал и конструктивные особенности воспроизводимого объекта.

При воспроизведении предметов «прикладной» военной истории (а эполеты относятся именно к этому виду памятников) нужно иметь в виду, что для данного вида памятников декоративно-прикладного искусства имеется своя специфическая источниковая база. Это, прежде всего, – законодательные акты, указы, распоряжения, регламентирующие комплектность, расцветку, покрой военного костюма, а также правила его ношения.

Однако касательно эполетов екатерининского царствования необходимо отметить, что их внешний вид, размер и цветовая гамма оставались на личное усмотрение полковников или командиров полков. «На кафтан нашивать на левое плечо золотые с шелком, по произволению полковников, для распознавания полков плетеные с кисточкою погоны» – вот и все детали, которые сообщает мундирный регламент 1764 г.³

В фондах Российского государственного военно-исторического архива хранится «Книга, учиненная по определению (Военной) коллегии о штаб- и обер- офицерских эполетах»⁴, в которой содержатся цветные рисунки 131 эполета разных полков екатерининского царствования. Находящиеся в деле рисунки присылались в Военную коллегию непосредственно из полков. Есть такие, на которых имеются подписи лиц, командовавших полками. Практически на каждом рисунке – чернильные надписи с указанием названия воинской части и ранговой принад-

лежности изображенных на нем эполетов. На некоторых имеется информация о соответствии цвета краски материалу, из которых данный эполет изготовлен. И, как показывает анализ опубликованных и неопубликованных источников, на сегодняшний день данный архивный документ является единственным научным источником, реально раскрывающим внешний облик эполетов времени царствования императрицы Екатерины II, не считая вещественных музейных предметов, сохранившихся с того времени. Если учесть, что на тот период количество полков российской армии было гораздо большим, то приходится признать, что сохранившиеся на сегодняшний день рисунки эполетов являются лишь ничтожно малой частью бытовавших на тот период времени эполетов.

Следует заметить, что результаты обследования и анкетирования целого ряда военно-исторических и краеведческих музеев показали, что большая часть сохранившихся вещественных предметов обмундирования полков российской армии датируется XIX и XX вв. Подлинных таких предметов более раннего периода времени сохранилось совсем немного. Что же касается эполетов екатерининского царствования, то их можно отнести к исчезающим памятникам «прикладной» военной истории. На сегодняшний день выявлено всего девять эполетов. Три эполета хранятся в фондах Государственного Исторического музея, два эполета – в музее А.В. Суворова и четыре эполета – в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. В экспозиции музея А.В. Суворова имеются воспроизведения двух эполетов Суздальского пехотного полка (судя по всему, один погон рядовых, а другой – виц-погон штаб- и обер-офицеров). Данные эполеты (погоны), скорее всего, могли быть изготовлены на основании рисунка Суздальского пехотного полка из вышеупомянутого архивного документа, на котором изображено три эполета: один – рядовых, второй – виц-погон и третий – парадный погон штаб- и обер-офицеров. Однако, правды ради, следует заметить, что автором напутаны цвета: вместо розового цвета нитей, указанных на рисунке, использованы нити красного цвета. Для подтверждения воспроизводим надписи на подлинном рисунке с сохранением оригинальной орфографии XVIII в., за исключением букв ять, кси, фита:

«Суздальского пехотного полку

Погонь рядовых розовой з белым гарусом

Вицъ-погон штабъ- и обер-афицёрской розово шолкъ с серебром

Погонь парадной штабъ- и обер-афицёрской, плетеной: по краямъ – золото, а в середине – серебро».

Данная ошибка еще раз доказывает необходимость более тщательного изучения документов, на основании которых изготавливаются воспроизведения.

Детальное изучение рисунков из вышеозначенного архивного документа и сохранившихся подлинных эполетов свидетельствует о том, что приемы плетения в разных полках были не однотипны. К сожалению, никаких прямых свидетельств о технологии плетения именно эполетов обнаружить в литературе не удалось. Поэтому мы обратились к опыту реконструкции традиционных технологий ткачества и плетения⁵, бытовавших в России с незапамятных времен и использовавшихся для изготовления элементов одежды, а также различного рода украшений.

На основании изучения различного рода источников, в том числе и сохранившихся с того времени подлинных эполетов, была предпринята попытка изготовления двух видов воспроизведений: в одном случае – «новодела» эполета рядового легкоконных полков, во втором – «научная реконструкция» эполета нижних чинов Севского пехотного полка Украинской ландмилиции.

Всю работу по воспроизведению выше означенных эполетов можно подразделить на два этапа.

Первый этап включал в себя выявление технологии изготовления, в ходе которого было установлено, что оба эполета объединяет один и тот же принцип построения плетения, основанный на «переборе» или, другими словами, перекладывании в определенном порядке нитей. Для того, чтобы свободные концы нитей не запутывались между собой во время плетения, можно использовать «коклюшки» (деревянные палочки, на которые наматывается нить). Коклюшки можно сделать из сухих веток. Их размер и форма зависят от нитей, которые используются при плетении. Коклюшки необходимо использовать парами, одна пара – в левой руке, другая – в правой руке. Коклюшки с намотанными на них нитями навешиваются парами на булавки, которые вколоты в подушку. Прием плетения основан на перекладывании коклюшек в определенном порядке. Правую коклюшку в каждой паре перекладывают через левую по верху одним движением руки, затем внутреннюю коклюшку правой руки подкладывают под внутреннюю коклюшку левой руки (необходимо всегда помнить – правую под левую). В результате многократного повтора выше описанной операции получается нужное переплетение. В нашем случае использовалась простейшая форма плетения – «коса», которая может плестись из различного числа нитей.

Из литературы⁶ известно, что эполеты екатерининского царствования состояли из полотенца или «тесмы» длиной по плечу, а шириной около вершка (4,44 см); из «обручика» и кисти. В результате анализа подписей под рисунками из архивного документа и обследования подлинных эполетов выявлено, что кисть пришивалась после того, как плечевая часть эполета («полотенце») была сплетена, а место соединения декорировалось отдельно сплетенным «обручиком».

Второй этап воспроизведения эполетов заключался в подборе необходимых материалов, изготовлении модельных образцов плетения и собственно практического изготовления эполетов.

При изготовлении «новодела» эполета рядового легкоконных полков прототипом послужил подлинный эполет рядового легкоконного полка из музея А.В. Суворова. В соответствии с описанием подлинного эполета, которое включало в себя замер размеров «полотенца», «обручика» и кисти, идентификацию природы нитей, их количества и формы плетения, была изготовлена копия, т. е. «новодел», из неокрашенных гарусных нитей (из целлюлозных волокон). Изображение изготовленного новодела эполета приведено на фотографии № 1 вместе с репродукцией фотографии куртки рядового легкоконных полков (1783–1796), опубликованной в книге «Русский военный мундир XVIII века»⁷.

Фото № 1. Слева и в центре: репродукция фотографии куртки рядового легкоконных полков, справа: изготовленный новодел эполета

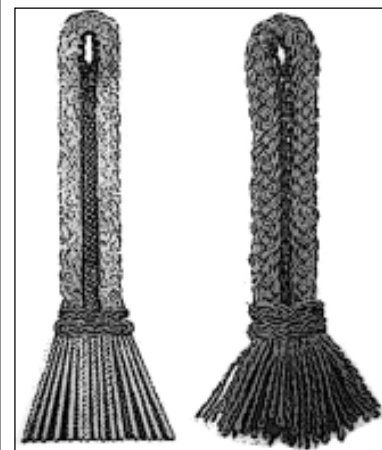

Фото № 2. Слева: рисунок, справа: реконструкция эполета

При изготовлении «научной реконструкции» эполета нижних чинов Севского ландмилицкого пехотного полка за основу был взят рисунок из вышеуказанного архивного дела. Рисунок эполета выполнен клеевыми красками на тряпичной бумаге. Под рисунком – надпись, железо-галловыми чернилами, указывающая название полка и материалы, из которых данный эполет должен был быть изготовлен: «Рисунакъ пагона штапъ- и оберъ-афицерскаго Украинскаго корпуса Севскаго пехотнаго полку – залотой с малиновым цветом, а у нижних чинов – тех же цветов, только шерстяныя».

Работа по изготовлению научной реконструкции эполета началась с подбора и окраски шерстяных нитей в соответствии с цветами, указанными в подписи к рисунку. Далее при детальном рассмотрении рисунка установлены форма плетения и количество нитей. Кисть плелась отдельно и затем была пришита к сплетенной заранее плечевой части эполета. Место крепления декорировано плетеной тесьмой. На фотографии № 2 приведены рисунок из архивного дела и прикладная научная реконструкция эполета нижних чинов Севского ландмилицкого пехотного полка.

Автор статьи выражает благодарность за оказание консультативной помощи сотруднику РГВИА В.И. Егорову, сотруднику ВИМАИВиВС С.А. Лазареву, сотруднику музея А.В. Суворова А. Белкину.

¹ Терминологический словарь (музееведение) // Сборник научных трудов. М., 1986. С. 86, 107.

² Российская музейная энциклопедия. М., 2001. Т. 2. С. 435.

³ Описание мундирам строевого убранства, подтвержденное высочайшим Ее Императорского Величества подписанием. СПб., 1764. С. 12.

⁴ РГВИА. Ф. 12. Комиссариатское повытье Военной коллегии. Оп. 3. Св. 230. Д. 322. Ч. 1–4.

⁵ Лысенко О.В. Традиции ткачества славян Восточной Европы. СПб., 1992. С. 1–46.

⁶ Висковатов А.В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск, с рисунками, составленное по высочайшему повелению. СПб., 1899. Ч. 4. С. 59.

⁷ Летин. С.А. Русский военный мундир XVIII века // Краткий исторический очерк. М., 1996. С. 64.

Сведения об авторах

Анисимова Мария Анатольевна – младший научный сотрудник, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

Бауськова Ольга Порфирьевна – младший научный сотрудник, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

Бумай Олег Константинович – кандидат медицинских наук, заместитель начальника кафедры Военно-Медицинской академии им. С.М. Кирова

Васильева Светлана Львовна – старший научный сотрудник, заведующая сектором Центрального военно-морского музея

Вознесенская Ирина Александровна – кандидат исторических наук, заведующая архивом Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Глазунова Людмила Васильевна – начальник отдела Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи

Головки Елена Евгеньевна – научный сотрудник, заведующая сектором Центрального военно-морского музея

Дальман Светлана Вячеславовна – кандидат исторических наук

Дьяченко Тамара Леонтьевна – заведующая отделом Центрального музея Великой Отечественной войны

Журавлев Николай Иванович – старший научный сотрудник, заведующий сектором Центрального военно-морского музея

Крапошин Петр Валентинович – научный сотрудник, Государственный Историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина

Крылов Валерий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, начальник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи, член-корреспондент Российской академии ракетно-артиллерийских наук

Курносков Сергей Юрьевич – кандидат культурологии, старший научный сотрудник, начальник отдела Центрального военно-морского музея

Маковская Лилла Константиновна – старший научный сотрудник, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи, заслуженный работник культуры РФ

Новоселов Василий Рудольфович – кандидат исторических наук, научный сотрудник-хранитель, ГИКМЗ «Московский Кремль»

Окунев Сергей Николаевич – кандидат технических наук, старший научный сотрудник, ГМП «Исаакиевский собор»

Рогачев Георгий Михайлович – старший научный сотрудник, заведующий сектором Центрального военно-морского музея

Рудакова Людмила Петровна – младший научный сотрудник, Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи

Суханов Игорь Павлович – кандидат военно-морских наук, доцент, младший научный сотрудник, Центральный военно-морской музей, заслуженный работник культуры РФ

Чернышева Елена Кельмановна – кандидат педагогических наук, ученый секретарь ГМП «Исаакиевский собор»

Шарапова Ирина Сергеевна – художник-реставратор высшей категории отдела консервации Библиотеки иностранной литературы им. Рудомино

Шишкова Наталья Владимировна – главный хранитель Центрального военно-морского музея

Содержание

<i>В.М. Крылов.</i> Достопамятный зал – предшественник Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Вехи истории	3
<i>О.П. Бауськова.</i> Эпизоды военно-инженерной истории XIX–XX веков в художественной летописи ВИМАИВиВС	6
<i>О.К. Бумай, Н.В. Шишкова.</i> Сергей Федорович Юрьев – капитан первого ранга, музейщик, судомоделист, исследователь формы одежды ВМФ	15
<i>С.Л. Васильева.</i> Из истории знаменного сектора Центрального военно-морского музея	21
<i>И.А. Вознесенская.</i> Фотоархив Трофейной комиссии (По материалам описей)	27
<i>Л.В. Глазунова.</i> Три японские «сабли» Достопамятного зала в фамильном гербе Лаксманов	29
<i>Л.П. Рудакова, М.А. Анисимова.</i> Подарок японского императора Екатерине Великой (Из коллекций Достопамятного зала Санкт-Петербургского арсенала)	32
<i>Е.Е. Головки.</i> Коллекция личных документов выдающихся флотоводцев Великой Отечественной войны в собрании Центрального военно-морского музея	37
<i>С.В. Дальман.</i> По следам голштинских знамен	41
<i>Т.Л. Дьяченко.</i> Фронтовой рисунок. Обзор графической коллекции Центрального музея Великой Отечественной войны 1941–1945 годов	48
<i>П.В. Крапошин.</i> Гладкоствольная крепостная пушка из собрания музея «Коломенское»	52
<i>С.Ю. Курносов.</i> От Морского музея имени императора Петра Великого к Центральному военно-морскому музею	55
<i>Л.К. Маковская.</i> Хранители Достопамятного зала	60
<i>В.Р. Новоселов.</i> Описи оружия князей Долгоруковых и формирование собрания оружия российских императоров в первой трети XVIII века	72
<i>С.Н. Окунев, Е.К. Чернышева.</i> Патриотические аспекты в деятельности храмов-памятников музея «Исаакиевский собор»	76
<i>Г.М. Рогачёв.</i> Корабли, пронизанные солнцем... Коллекция черепаховых моделей кораблей из собрания Центрального военно-морского музея	79
<i>И.П. Суханов, Н.И. Журавлев, С.Л. Васильева.</i> К истории снаряжения к кортикам чинов флота и некоторых ведомств СССР	85
<i>И.С. Шарпова.</i> Воспроизведение эполетов полков российской армии времени царствования Екатерины II (1762–1796)	92
Сведения об авторах	95